

Философия логического атомизма

Бертран Рассел

Библиотека
БН
ФН научной
философии

Бертран Рассел

**ФИЛОСОФИЯ
ЛОГИЧЕСКОГО
АТОМИЗМА**

Бертран Рассел

**ФИЛОСОФИЯ
ЛОГИЧЕСКОГО
АТОМИЗМА**

**Издательство «ВОДОПЕЙ»
ТОМСК — 1999**

Учредитель издательства «Водолей» —
Томская областная научная библиотека им. А. С. Пушкина

Издание подготовлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 97-03-04328.

Перевод, комментарии и послесловие В.А.Суровцева.

Р24 Рассел Б. Философия логического атомизма. — Томск:
Издательство «Водолей», 1999. — 192 с.

Работы Бертрانا Рассела (1872-1970), представленные в сборнике, дают систематическое изложение философской доктрины, названной «Логический атомизм». Развиваемая как альтернатива английскому неогегельянству и сформировавшаяся под несомненным влиянием Л.Витгенштейна, данная доктрина служит одним из наиболее удачных примеров применения достижений современной формальной логики к решению философских вопросов. Логический атомизм — исторически первое направление, возникшее в рамках аналитической философии, и знакомство с ним может служить хорошим введением в проблематику, ориентированную на исследование роли языка в формировании философских заблуждений.

Главный редактор Е. Кольчужкин
Корректор В. Лихачева

Сдано в набор 14.05.99. Подписано в печать 24.06.99.
Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Печ. л. 6. Условн. печ. л. 10,08. Уч.-изд. л. 11,12.
Тираж 1000. Заказ № 605.

Лицензия ЛР № 070405 от 14 августа 1997 г.
Издательство «Водолей», 634000, пер. Батенькова, 1

Отпечатано с оригинал-макета, подготовленного издательством «Водолей»
Сибирское издательско-полиграфическое
и книготорговое предприятие «Наука»
630077, Новосибирск-77, ул. Станиславского, 25

ISBN 5—7137—0127—1

ISBN 5-7137-0127-1

Р 0301030000
М46(03)-99 без объявл.

© Суровцев В., Перевод, комментарии, послесловие, 1999
© «Водолей», оформление, 1999

ФИЛОСОФИЯ ЛОГИЧЕСКОГО АТОМИЗМА (1918)

Нижеследующее представляет собой текст курса из восьми лекций, прочитанных в Лондоне [Гордон Сквер] в течение первых месяцев 1918 года, и самым тесным образом связано с объяснением определённых идей, которые я узнал от моего друга и бывшего ученика Людвиг Витгенштейна. Я не имел возможности знакомиться с его взглядами после августа 1914 и даже не знаю, жив ли он*¹. Таким образом, он не несёт ответственности за то, что говорится в этих лекциях, помимо того, что изначально питало множество содержащихся в них теорий.

СОДЕРЖАНИЕ

- I. *Факты и пропозиции.*
- II. *Индивиды, предикаты и отношения.*
- III. *Атомарные и молекулярные пропозиции.*
- IV. *Пропозиции и факты более чем с одним глаголом; убеждения и т.д.*
- V. *Общие пропозиции и существование.*
- VI. *Дескрипции и неполные символы.*
- VII. *Теория типов и символизм; классы.*
- VIII. *Экскурс в метафизику: что это такое.*

I. ФАКТЫ И ПРОПОЗИЦИИ

Курс лекций, к которому я сейчас приступаю, я назвал "Философия логического атомизма". Для начала, вероятно, лучше всего было бы сказать пару слов о том, что я понимаю под этим заголовком. К типу философии, которую я намерен отстаивать и которую называю логическим атомизмом, меня принудил ход размышлений над философией математики, хотя я едва бы нашёлся, что точно сказать, сколь далеко между ними простирается строгая логическая связь. То, что я собираюсь сообщить в этих лекциях, большей частью является моими собственными личными мнениями, и я не утверждаю, что они суть нечто большее.

Как я попытался доказать в *Основаниях Математики**, анализируя математику, мы всю её сводим к логике. Она вся сводится к

¹ Знак "*" отсылает к комментариям в конце основного текста.

логике в самом строгом и наиболее формальном смысле. В настоящих лекциях я попытаюсь изложить в виде очерка, достаточно краткого и скорее неудовлетворительного, тип логической доктрины, который представляется мне следствием философии математики - не строго логически, но как то, что выявляется вследствие размышления: определённый тип логической доктрины и на его основе определённый тип метафизики. Логика, которую я буду отстаивать, является атомистичной в противоположность монистической логике тех, кто более или менее следует Гегелю*. Говоря, что моя логика атомистична,⁸ я имею в виду, что разделяю убежденность здравого смысла в существовании многих отдельных предметов. Я не рассматриваю наблюдаемое многообразие мира как то, что состоит только из фаз и мнимых членений единственной нераздельной Реальности. Из этого следует, что значительная и требующая оправдания часть того типа философии, которую я намерен отстаивать, должна заключаться в объяснении процесса анализа. Часто говорят, что процесс анализа состоит в фальсификации, что анализируя любое данное конкретное целое, вы его фальсифицируете, и что результат анализа не является истинным. Я не считаю это правильной точкой зрения. Разумеется, я не хочу сказать, да и никто не утверждал бы, что после того, как анализ закончен, сохранилось всё то, с чего вы начинали. Если бы это было так, анализ никогда ничего бы вам не дал. Я не предполагаю встретить взгляды, с которыми не согласен, контрроверсами, защищая взгляды, им противоположные, но скорее предполагаю позитивно изложить то, что считаю по этому поводу истинным, изыскивая все способы сделать отстаиваемую мной точку зрения неизбежным следствием абсолютно неоспоримых [undeniable] данных. Когда я говорю 'неоспоримые данные', это не должно рассматриваться как синоним с 'истинные данные', поскольку 'неоспоримые' - термин психологии, а 'истинные' - нет. Говоря, что нечто 'неоспоримо', я имею в виду, что это нечто никто не стремится опровергнуть. Из этого не следует, что оно является истинным, хотя из этого и следует, что все мы будем считать его истинным - и насколько представляется возможным, настолько оно близко к истине. Рассматривая какую-либо разновидность теории познания, вы неизбежно, в большей или меньшей степени, привязаны к определённой субъективности, поскольку вас не просто интересует вопрос, каковы истины о мире, но вопрос 'Что я могу знать о мире?' Аргументация любого рода всегда должна отталкиваться от чего-то такого, что кажется вам истинным; если оно представляется вам таковым, ничего более не нужно. Нельзя выйти за свои собственные рамки и абстрактно рассмотреть, является ли истинным то, что

представляется вам истинным; это можно осуществить в отдельном случае, когда одно из ваших убеждений сменяется впоследствии на другое ваше же убеждение.

Причина, по которой я называю свою доктрину *логическим атомизмом*, состоит в том, что атомы, которые я хочу получить как конечный результат анализа, являются логическими, а не физическими. Некоторые из них будут представлять собой то, что я называю 'индивидами' ['particulars'] - преходящие предметы, такие как небольшие пятна цвета или звуки - а некоторые будут предикатами или отношениями и т.д. Дело в том, что атом, который я хочу получить, - это атом логического, а не физического анализа.

Довольно любопытный факт в философии в том, что данные, неоспоримые для того, чтобы от них отталкиваться, всегда являются несколько нечёткими [vague] и двусмысленными. Вы можете, например, сказать: 'В данный момент в этой комнате находится определённое число людей'. Очевидно, в некотором смысле это неоспоримо. Но при попытке определить, что же представляет собой эта комната, что значит для человека находиться в комнате, каким образом один человек отличается от другого и т.п., вы находите, что сказанное вами крайне нечётко и что на самом деле вы не знаете, что же имели в виду. Отсутствие знания о значении того, в чём вы действительно уверены, а в момент вынесения точного утверждения отсутствие уверенности в том, является ли оно истинным или ложным, скорее исключение из правил. По моему мнению, процесс обоснованного философствования состоит главным образом в переходе от того, что очевидно, но нечётко и двусмысленно, и в чём мы чувствуем себя совершенно уверенными, к чему-то точному, ясному, определённому, что, как мы находим посредством рефлексии и анализа, включено в то нечёткое, с чего мы начинали, и, так сказать, представляет собой действительную истину, лишь тенью которой выступает нечёткое. Я с удовольствием посвятил бы целую лекцию понятию нечёткости, если бы у меня было больше времени и знаний. Я думаю, что нечёткость гораздо более важна в теории познания, чем об этом можно было бы судить по большинству работ. Нечётко всё, причём степень нечёткости не осознаётся вплоть до попытки нечто прояснить, а всё точное столь далеко от всего того, о чём мы обычно мыслим, что нельзя и на мгновение предположить, что же мы на самом деле имеем в виду, когда выражаем наши мысли.

При переходе от нечёткого к точному с помощью метода анализа и рефлексии, о которых я говорю, вы всегда подвержены определённому риску ошибиться. Если я начинаю с утверждения, что в комнате находится столько-то человек, а затем работаю над тем,

чтобы сделать это утверждение точным, я подвергаюсь слишком большому риску, и в высшей степени вероятно, что любое точное утверждение, высказанное мной, будет чем-то вообще не истинным. Поэтому нельзя очень легко или просто получить из того, что нечётко, хоть и неоспоримо, нечто точное, сохраняющее неоспоримость отправного пункта. Точные пропозиции, полученные вами, *логически* могут быть предпосылками системы, которую вы строите на их основе, но они не будут предпосылками теории познания. Важно осознать различие между предпосылками, производным которых фактически является ваше знание, и предпосылками, из которых вы дедуцируете своё знание, если оно уже является полным. Это совершенно разные вещи. Предпосылки, которые логик возьмёт для науки, не относятся к тем, что известны первыми или получены легче всего. Это будут пропозиции, имеющие огромную дедуктивную силу, чрезвычайную убедительность и точность, свойства, совершенно отличные от свойств действительных предпосылок, с которых начинается ваше познание. Говоря о предпосылках теории познания, вы не высказываете ничего объективного, но высказываете нечто такое, что будет различаться от одного человека к другому, поскольку предпосылки теории познания у одного не будут совпадать с предпосылками теории познания у другого. Среди разнообразных и многочисленных школ имеет место тенденция предполагать, что при попытке философствовать о собственном знании необходимо возводить свои предпосылки далее и далее в область неточного и нечёткого, за пределы того, где вы находитесь сами, непосредственно к ребёнку или обезьяне, а всё то, что, как вам кажется, вы знаете - но что психологи рассматривают как продукт предшествующей мысли, сопровождающейся анализом и рефлексией с вашей стороны, - на самом деле не может рассматриваться как предпосылка вашей собственной теории познания. Я говорю о достаточно широко распространённой теории, которая используется против того рода аналитической точки зрения, которую я хочу защитить. Мне кажется, что когда объектом вашего исследования выступает не просто история или развитие разума, но установление природы мира, вы не собираетесь возвращаться назад, за те пределы, где уже находитесь. Вы не желаете возвращаться к нечёткости ребёнка или обезьяны, потому что находите вполне удовлетворительными те осложнения, которые возникают в результате нечёткости вашего собственного знания. Но здесь мы сталкиваемся с одним из тех затруднений, которые постоянно встречаются в философии, когда имеются два предельных конфликтующих предубеждения, и где дискуссия прекращается. Есть умонастроение, рассматривающее то, что называется прими-

тивным опытом, как то, что должно быть путеводителем к мудрости более лучшим, чем опыт рефлектирующего человека, и есть умонастроение, принимающее прямо противоположную точку зрения. Здесь я вообще не вижу повода для дискуссии. Совершенно ясно, что высокообразованный человек всё видит, слышит и чувствует способом совершенно иным, нежели маленький ребёнок или животное, и что этот целостный способ опыта мира и мышления о мире является в гораздо большей степени аналитическим, чем способ, используемый более примитивным опытом. То, что мы должны принять в качестве предпосылок любого вида аналитической работы, представляется нам неоспоримым - нам, как таковым здесь и сейчас - и в целом я считаю, что адаптированный Декартом тип метода верен. Вы должны всё подвергать сомнению и сохранять только то, в чём нельзя сомневаться по причине ясности и отчётливости, а не в результате уверенности, что вы не впадаете в заблуждение, поскольку здесь отсутствует метод, предохраняющий от возможной ошибки. Стремление к абсолютной безопасности - это одна из тех ловушек, в которую всегда попадаешься, и в области познания оно несостоятельно так же, как и везде. При всём этом, я, тем не менее, думаю, что в целом метод Декарта достаточно обоснован для того, чтобы принять его в качестве отправного пункта.

Таким образом, я всегда предполагаю начинать с некоторого необходимого мне аргумента, прибегая к данным, которые будут просто до нелепости очевидными. Требуемое философское мастерство будет состоять в отборе данных, способных произвести много рефлексии и анализа и в самих рефлексии и анализе.

То, что я говорил до сих пор, сказано с целью введения.

Первый трюизм, на который я хочу обратить ваше внимание, - и надеюсь, вы со мной согласитесь, что то, что я называю трюизмами, настолько очевидно, что об этом почти смешно упоминать - заключается в том, что мир содержит *факты*, которые суть то, что они суть, независимо от того, что мы предпочитаем о них думать, и что существуют также *убеждения* [beliefs], которые имеют отношение к фактам и которые посредством ссылки на факты являются либо истинными, либо ложными. Прежде всего, я попытаюсь дать предварительное объяснение тому, что подразумеваю под 'фактом'. Говоря о факте - я не предлагаю точного определения, но пытаюсь объяснить так, чтобы вам стало ясно, о чём идёт речь, - я имею в виду то, что делает пропозицию истинной или ложной. Если я говорю: 'Идёт дождь', высказанное мной истинно при одних погодных условиях и ложно при других. Погодные условия, которые делают моё высказывание истинным (или ложным, в за-

висимости от обстоятельств), и есть то, что я называю 'фактом'. Если я говорю: 'Сократ умер', моё высказывание будет истинным благодаря определённому физиологическому обстоятельству, которое давным-давно случилось в Афинах. Если я говорю: 'Тяготение изменяется обратно пропорционально квадрату расстояния', моё высказывание делает истинным астрономический факт. Если я говорю: 'Дважды два равно четыре', моё высказывание истинно в силу арифметического факта. С другой стороны, если я говорю: 'Сократ жив', или 'Тяготение изменяется прямо пропорционально расстоянию', или 'Дважды два равно пяти', те же самые факты, которые делали мои предыдущие высказывания истинными, показывают, что эти новые высказывания являются ложными.

Мне нужно, чтобы вы осознали, что, говоря о фактах, я не имею в виду отдельные существующие вещи, такие как Сократ, дождь или Солнце. Сам Сократ не делает какое-либо высказывание истинным или ложным. Может быть, вы склонны предположить, что сам по себе он даёт истину высказыванию 'Сократ существует', но на самом деле это ошибка. Она обусловлена смешением, которое я попытаюсь объяснить в шестой лекции этого курса, когда начну рассматривать понятие существования. Сам Сократ¹ или любой отдельный предмет, как он сам по себе, не делает какую-либо пропозицию истинной или ложной. И 'Сократ мёртв', и 'Сократ жив' суть высказывания о Сократе. Одно является истинным, другое - ложным. Фактом я называю то, что выражено целостным предложением, а не отдельным именем типа 'Сократ'. Когда единственным словом, как 'огонь' или 'волк', стремятся выразить факт, это всегда обусловлено невыраженным контекстом, и полное выражение факта всегда будет включать предложение. Мы выражаем факт, когда, например, говорим, что определённый предмет имеет определённое свойство, или что он находится в определённом отношении к другому предмету; но предмет, обладающий свойством или отношением, не есть то, что я называю 'фактом'.

Важно заметить, что факты принадлежат объективному миру. Они не создаются нашими мыслями или убеждениями за исключением особых случаев. Я установил бы это как очевидный трюизм, но тот, кто вообще читал какую-нибудь философскую литературу, конечно сразу же осознает, сколь много должно быть сказано, прежде чем такое утверждение сможет стать нужной вам позицией. Первое, на чём я хочу сделать акцент, состоит в том, что внешний мир - мир, на который познающий, так сказать, нацеливает позна-

¹ Здесь и сейчас я рассматриваю Сократа как 'индивид'. Но вскоре мы увидим, что этот взгляд требует модификации.

ние, - полностью не описывается множеством 'индивидов', но также необходимо учитывать и то, что я называю фактами. Факты суть нечто такое, что вы выражаете посредством предложения, и они в такой же степени, как и отдельные стулья и столы, являются частью реального мира. За исключением психологии, большинство наших высказываний направлены не просто на то, чтобы выразить состояния нашего ума, хотя зачастую это всё, что удаётся им сделать. Они предназначены для выражения фактов, которые (за исключением того, когда они являются психологическими) будут относиться к внешнему миру. Существуют такие факты, которые равным образом затрагиваются, и когда мы говорим правду, и когда мы говорим ложь. Высказывая нечто ложное, мы говорим ложь в силу объективного факта, и объективный же факт обуславливает то, что мы высказываем нечто истинное, когда говорим истину.¹

Различных видов фактов - громадное количество, и в последней лекции мы подведём определённый итог их классификации. Для начала, чтобы вы не вообразили, что все факты очень сильно схожи, я как раз укажу несколько их разновидностей. Есть *единичные факты*, такие как 'Это является белым'; затем, есть *общие факты*, такие как 'Все люди смертны'. Различие между единичными и общими фактами, конечно же, является одним из наиболее важных. Ещё одной величайшей ошибкой было бы предполагать, что можно описать мир полностью посредством одних единичных фактов. Предположим, что на всём протяжении универсума вам удалось хронологизировать каждый отдельный единичный факт, и что нигде нет ни одного единичного факта любого типа, который бы не был хронологизирован, вы всё ещё не достигли бы полного описания универсума, если бы также не добавили: 'Факты, которые я выстроил в хронологической последовательности, суть все имеющиеся единичные факты'. Поэтому нельзя надеяться описать мир полностью, не имея общих фактов, также как и единичных. Другое различие, которое вероятно немногим более сложно провести, - это различие между положительными и отрицательными фактами. Так, например, 'Сократ жил' - положительный факт и, можно сказать, что 'Сократ не жив' - отрицательный факт.¹ Но это различие трудно сделать точным. Затем, есть факты, которые связаны с индивидуальными предметами, индивидуальными качествами или отношениями, и обособленно от них, совершенно общие факты того типа, что вы находите в логике, где нет никакого упоминания о какой бы то ни было конstituенте действительного

¹ Продолжение обсуждения отрицательных фактов в следующей лекции.

мира, нет никакого упоминания о каком-либо индивидуальном предмете, индивидуальном качестве или индивидуальном отношении; и действительно строго можно сказать, что здесь не упоминается вообще ничего. Одна из характеристик логических пропозиций состоит в том, что они не упоминают ничего. Таковой является пропозиция: 'Если один класс представляет собой часть другого класса, то элемент, являющийся членом первого класса, есть также и член второго класса'. Все те слова, которые входят в утверждение чисто логической пропозиции, на самом деле относятся к синтаксису. Есть слова, которые просто выражают форму или связь, не упоминая какой-либо индивидуальной конституенты пропозиции, в которой они встречаются. Разумеется, этому требуется доказательство; я и не полагаю, что это самоочевидно. Затем, есть факты о свойствах единичных предметов; и факты об отношениях между двумя предметами, тремя предметами и т.д.; и какое угодно количество важных для разнообразных целей различных подразделений каких-то фактов, имеющих место в мире.

Очевидно, что нет никакой двойственности истинных и ложных фактов, существуют как раз только факты. Разумеется, было бы ошибкой сказать, что все факты являются истинными. Это было бы ошибочно, потому что истина и ложь коррелятивны. Сказать, что нечто является истинным, можно было бы только в том случае, если это нечто также *могло* бы быть ложным. Факт же не может быть истинным или ложным. Это выводит нас на вопрос о высказываниях, пропозициях или суждениях, о всем том, что характеризуется двойственностью истины и лжи. Для целей логики, хотя, как я считаю, и не для целей теории познания, естественно сконцентрироваться на пропозициях, [proposition] как на том, что продолжает оставаться типичным для нас способом передачи двойственности истины и лжи. Можно сказать, что пропозиция является повествовательным предложением, предложением, которое нечто утверждает, а не вопросительным или побудительным предложением или предложением, выражающим желание. Она может быть также той разновидностью предложений, которым предшествует слово 'что' ['that']. Например, 'что Сократ жив' ['That Socrates is alive'], 'что два плюс два равно четыре' ['That two and two is four'], 'что два плюс два равно пяти' ['That two and two is five'], всё подобное этому является пропозицией.

Пропозиция есть только символ. Она представляет собой комплексный символ в том смысле, что состоит из частей, также являющихся символами; символ можно определить как комплексный, когда он состоит из частей, которые являются символами. В предложении, содержащем различные слова, каждое из этих слов

является символом, стало быть, и предложение, состоящее из них, является комплексным в этом смысле. В теории символизма есть много такого, что имеет важное значение для философии, гораздо большее, чем я думал одно время. Я полагаю, что это значение почти всецело негативное, т.е. оно заключается в том, что при недостаточно бережном обращении с символами, при недостаточном осознании отношения символа к тому, что он символизирует, вы найдёте, что приписываете предмету те свойства, которые принадлежат только символу. В самых абстрактных исследованиях, таких как философская логика, это, разумеется, особенно вероятно, ибо предмет размышлений чрезвычайно труден и уклончив, причём настолько, что любой, кто хотя бы однажды попытался поразмыслить над ним, знает, что вы и не задумывались об этом, кроме может быть раз в полгода на полминуты. Остальное время вы думали о символах постольку, поскольку они осязаемы, но тот вопрос, который вам предлагается обдумать, чрезвычайно сложен и его не часто удаётся сделать предметом размышлений. Действительно хороший философ тот, кто раз в полгода хотя бы на минуту задумается об этом. Плохой философ не думает об этом никогда. Теория символизма имеет такое важное значение именно потому, что в противном случае свойства символизма определённо смешивались бы со свойствами предмета. К тому же она вызывает интерес и с другой стороны. Из непонимания того, что существуют различные виды символов и различные виды отношений между символами и тем, что символизируется, возникают очень серьёзные заблуждения. Тот тип противоречий, о котором в связи с типами я буду говорить в одной из последующих лекций, полностью вырастает из ошибок в символизме в результате подстановки одной разновидности символа на то место, где должна быть другая разновидность. Я считаю, что некоторые понятия, которые мыслятся в философии абсолютно фундаментальными, появляются исключительно из-за ошибок, относящихся к символизму, - например, понятие существования, или, если вам угодно, реальности. Эти два слова обозначали много такого, что было предметом философских дискуссий. Была и теория о том, что каждая пропозиция действительно описывает реальность в целом и т. п., и вообще эти понятия играли очень значительную роль в философии. Моё же собственное убеждение заключается в том, что они встречаются в философии всецело как результат путаницы с символизмом. При прояснении этой путаницы обнаруживается, что практически всё, что говорилось о существовании, есть явная и простая ошибка, и это всё, что можно сказать о нём. Я дойду до этого в одной из по-

следующих лекций, но этот пример демонстрирует способ, раскрывающий значение символизма.

Вероятно, я должен сказать пару слов о том, что же понимается под символизмом, поскольку, как я думаю, некоторые считают, что когда речь идёт о нём, имеется в виду только математический символизм. Я использую его в таком смысле, чтобы включить все языки, любого типа и любой разновидности, так что символом является каждое слово, каждое предложение и т.д. Говоря о символе, я просто имею в виду нечто такое, что 'обозначает' что-то ещё, а относительно того, что подразумевается под 'значением', я ещё не готов вам сказать. Постепенно я перечислю строго конечное число того, что может подразумевать 'значение' и что по сути различно, но не буду считать, что, сделав это, я исчерпал дискуссию. Я думаю, что понятие значения всегда более или менее психологично, и что невозможно получить ни чисто логическую теорию значения, ни, следовательно, символизма. Я думаю, что в самой сущности объяснения того, что подразумевается под символизмом, необходимо учитывать познание, когнитивные отношения, а также, вероятно, и ассоциации. Во всяком случае, мне достаточно ясно, что теорию символизма и его использование нельзя объяснить в рамках чистой логики без учёта различных когнитивных отношений, которые могут связывать нас с предметами.

Относительно того, что подразумевается под 'значением', я приведу несколько иллюстраций. Вы скажете, например, что слово 'Сократ' означает определённого человека; слово 'смертный' означает определённое качество; и предложение 'Сократ смертен' означает определённый факт. Но эти три вида значений совершенно различны, и если вы думаете, что слово 'значение' имеет одно и то же значение в каждом из этих трёх случаев, вы получите самые безнадёжные противоречия. Очень важно не предполагать, что под 'значением' подразумевается только что-то одно, и что, следовательно, есть только один вид отношения символа к тому, что символизируется. Имя должно быть собственным символом, который применяется для человека; предложение (или пропозиция) является собственным символом для факта.

Убеждение или высказывание характеризуется двойственностью истины и лжи, которой не характеризуется факт. Убеждение или высказывание всегда затрагивает пропозицию. Вы говорите, что человек убеждён в том-то и том-то. Человек убеждён, что Сократ мёртв. Судя по внешнему виду, то, в чём он убеждён, является пропозицией, и для формальных целей удобно рассматривать пропозицию как нечто такое, что по сути обладает двойственностью истины и лжи. Очень важно, например, осознать то, что *пропози-*

ции не являются именами фактов. Это вполне очевидно, коль скоро вам на это укажут, но на самом деле я никогда не осознавал этого до тех пор, пока на это мне не указал Витгенштейн, мой прежний ученик*. Из простого обстоятельства, что есть две пропозиции, соответствующие одному и тому же факту, совершенно очевидно, коль скоро вы поразмыслите над этим, что пропозиция не является именем факта. Предположим, это факт о том, что Сократ мёртв. У вас есть две пропозиции: 'Сократ мёртв' и 'Сократ не мёртв'. И эти две пропозиции соответствуют одному и тому же факту; в мире имеется один факт, который делает одну пропозицию истинной, а другую - ложной. Это не случайно и иллюстрирует то, каким образом отношение пропозиции к факту совершенно отличается от отношения имени к наименованной вещи. С каждым фактом соотносятся две пропозиции, одна - истинная, а другая - ложная, и в природе символа нет ничего такого, что показывало бы нам, какая именно из них истинна, а какая - ложна. Если бы это было так, вы могли бы изрекать истины о мире, рассматривая предложение, а не то, что вас окружает.

Как видите, пропозиции соотносятся с фактами двумя различными способами: одно отношение можно назвать бытие истинным относительно факта, а другое - бытие ложным относительно факта. Как то, так и другое в равной степени являются логическими отношениями, которые могут иметь место между фактом и пропозицией, тогда как в случае имени есть только одно отношение, которым оно может соотноситься с тем, что именуется. Имя может именовать только индивид или, если оно не именуется индивид, оно вообще не является именем, а представляет собой набор звуков. Без этого одного индивидуального отношения именования к определённой вещи оно просто не может быть именем, тогда как пропозиция не перестаёт быть пропозицией, если является ложной. Она может быть истинной и может быть ложной, и эти два способа в совокупности соответствуют свойству быть именем. Подобно тому, как слово может быть именем или не именем, а просто бессмысленным набором звуков, так и фраза, которая выглядит как пропозиция, может быть либо истинной или ложной, либо бессмысленной, но истина и ложь сопринадлежны, как то, что противостоит бессмысленности. Конечно же, это демонстрирует, что формально логические характеристики пропозиций совершенно отличны от формально логических характеристик имён, что совершенно иные и их отношения к фактам, а стало быть, пропозиции не являются именами фактов. Вероятно, вы решите, что факты можно именовать каким-либо другим способом; это не так. Их вообще нельзя именовать. Вы не сможете правильно именовать

факт. Единственное, что можно сделать в отношении факта, это утверждать, отрицать, требовать, волеизъявлять, хотеть или вопрошать, но всё это включает целостную пропозицию. Вы никогда не сможете поместить то, что делает пропозицию истинной или ложной, на место логического субъекта. Факты вы можете только утверждать или отрицать или что-то подобное, но не именовать.

Дискуссия

Вопрос: Вы рассматриваете свой исходный пункт, 'что существует множество предметов' как постулат, которого нужно придерживаться на всём протяжении, или он впоследствии должен быть доказан?

М-р Рассел: Нет, ни то, ни другое. Я не рассматриваю как постулат то, что 'существует множество предметов'. Я рассматриваю его как то, что, насколько это возможно, эмпирически доказано, а предлагаемое опровержение чего *априорно*. Эмпирик естественно сказал бы, что существует множество предметов. Монист попытался бы показать, что это не так. Я бы высказал предположение, что его *априорный* аргумент опровержим. Я не считаю, что есть какая-либо логическая необходимость существования или несуществования множества предметов.

Вопрос: Я имею в виду, независимо от того, начинаете ли вы с эмпирической или априористской философии, что вы только высказываете своё утверждение в самом начале и затем вернётесь к его доказательству, или же к его доказательству вы не вернётесь никогда?

М-р Рассел: Нет, вернуться назад нельзя. Это напоминает отношение жёлудя к дубу. Никогда нельзя вернуться от дуба к жёлудю. Я предпочёл приблизительное и нечёткое высказывание, и его очевидность сродни очевидности тех вещей, о которых никогда не знаешь, что они подразумевают, но я никогда не вернусь к этому утверждению. Я сказал бы, здесь что-то есть. Мы, по-видимому, каким-то образом убеждены, что истина скрыта где-то здесь. Мы будем рассматривать это утверждение со всех сторон до тех пор, пока в результате не сможем сказать, что теперь оно истинно. На самом деле оно уже не будет тем, с которого мы начинали, поскольку будет намного более аналитичным и точным.

Вопрос: Не выглядит ли дело так, как если бы факт можно было именовать с помощью даты?

М-р Рассел: С виду факты можно именовать, но я не думаю, что их можно именовать на самом деле; если всё полностью выявить, вы всегда обнаружите, что это не так. Предположим, вы

говорите: 'Смерть Сократа'. Вы могли бы сказать, что это имя того факта, что Сократ мёртв. Но это очевидно не так. Это выясняется в тот момент, когда в расчёт принимаются истинность и ложность. Если предположить, что он не умер, фраза всё ещё оставалась бы столь же значимой, хотя тогда не было бы ничего такого, что вы могли бы именовать. Но если предположить, что он никогда не жил, звуко сочетание 'Сократ' вообще не было бы именем. Это можно увидеть другим способом. Можно сказать: 'Смерть Сократа - фикция'. Предположим, вы прочитали в газете, что Кайзер убит, и это не было бы истинным. Тогда вы могли бы сказать: 'Смерть Кайзера - фикция'. Ясно, что в мире нет такого предмета, как фикция, и тем не менее это высказывание звучит идеально. Отсюда следует, что 'Смерть Кайзера' не является именем.

II. ИНДИВИДЫ, ПРЕДИКАТЫ И ОТНОШЕНИЯ

Сегодня я предполагаю начать с анализа фактов и пропозиций, ибо в известном смысле главный тезис, который мне нужно защитить, - это законность анализа, поскольку занятие тем, что я называю "Логическим атомизмом", подразумевает убеждение в том, что мир можно разложить на некоторое количество отдельных предметов, связанных отношениями и т.д., и что аргументы, используемые многими философами против анализа, не оправданы.

Можно предположить, что в философии логического атомизма прежде всего необходимо обнаружить ту разновидность атомов, из которых составлена логическая структура. Но я не считаю это самым первым; это нужно сделать как можно ранее, но не самым первым. Необходимо рассмотреть два других вопроса, по крайней мере один из которых предшествует. Нужно рассмотреть:

1. Являются ли предметы, которые выглядят как логически комплексные сущности, на самом деле комплексными?
2. Являются ли они действительно сущностями?

Второй вопрос можно отложить; фактически до последней лекции он не будет интересовать меня в полной мере. В самом начале вы должны рассмотреть первый вопрос, вопрос о действительной комплексности предметов. Ни один из этих вопросов, так как они поставлены, не является очень точным. Я и не претендую на то, чтобы начинать с точных вопросов. Вряд ли и вы смогли бы начать с чего-то точного. Возможной точности вы должны достичь при дальнейшем продвижении. Тем не менее каждый из этих двух

вопросов *способен* к точному значению и на самом деле является важным.

Есть и другой вопрос, который возникает ещё раньше, а именно: Что взять как пример логически комплексных сущностей *prima facie**? Какую разновидность предметов мы будем рассматривать как комплексную *prima facie*? Вот действительно самый первый вопрос.

Разумеется, все обычные объекты повседневной жизни явно являются комплексными сущностями. Судя по внешнему виду, такие предметы, как столы и стулья, хлеба и рыбы, люди, королевства и начальники, являются комплексными сущностями. Все виды предметов, которым мы по привычке даём собственные имена, судя по внешнему виду, являются комплексными сущностями. Сократ, Пикадилли, Румыния, Двенадцатая ночь или что-то ещё, о чём вам угодно думать и чему вы даёте собственные имена, все это явно представляет собой комплексные сущности. По-видимому, они являются комплексными системами, связанными вместе в некоторый вид единства, тот вид единства, который ведёт к тому, что их наделяют особым названием. Я думаю, что размышление над такого рода явными единствами в очень значительной степени ведёт к философии монизма и к предположению, что универсум как целое представляет собой единственную комплексную сущность более или менее в том смысле, в котором об этом говорил я.

Что касается меня, я не верю в комплексные сущности такого рода и не их собираюсь рассматривать как примеры комплексных сущностей *prima facie*. Мои доводы станут более ясными при дальнейшем продвижении. Сегодня я не могу выложить их все, но могу более или менее объяснить то, что имею в виду, предварительным образом. Предположим, например, вам необходимо проанализировать то, что кажется фактом о Пикадилли. Предположим, вы высказали что-то о Пикадилли, типа: 'Пикадилли приятная улица'. При корректном анализе высказывания такого типа, я думаю, вы обнаружите, что факт, соответствующий вашему утверждению, не содержит каких-либо конститuent, соответствующих слову 'Пикадилли'. Слово 'Пикадилли' будет составлять часть многих значимых пропозиций, но факты, соответствующие этим пропозициям, не содержат какой-то одной конститuent, простой либо комплексной, соответствующей слову 'Пикадилли'. Другими словами, если при анализе выраженного факта вы будете рассматривать язык как путеводитель, то зайдёте в тупик с высказываниями такого типа. Причину этого я подробно объясню в лекции VI, а также частично в лекции VII, но предварительно могу сообщить кое-что, способствующее вашему пониманию того, что имею в

виду. На первый взгляд, 'Пикадилли' является именем некоторого участка на поверхности земли, и, я полагаю, если вы захотите его определить, вам необходимо будет определить его как ряд классов материальных сущностей, а именно тех, которые в различное время занимали этот участок на поверхности земли. Итак, вы обнаружите, что логический статус Пикадилли связан с логическим статусом рядов и классов, и если вы настаиваете на реальности Пикадилли, вы должны считать реальными ряды и классы, и какой бы метафизический статус вы не приписывали им, вы должны приписать его и ей. Как вы знаете, я считаю, что ряды и классы по природе суть логические фикции: следовательно, этот тезис, если его можно сохранить, превращает Пикадилли в фикцию. Точно такие же замечания применимы к другим примерам: Румыния, Двенадцатая ночь, Сократ. Сократ, вероятно, вызовет некоторые специальные проблемы, поскольку вопрос о конституентах человека связан со специфическими трудностями. Но ради спора можно идентифицировать Сократа с рядом его переживаний, и он действительно представлял бы собой ряд классов, поскольку обладает множеством переживаний одновременно. Следовательно, он очень похож на Пикадилли.

Такого рода размышления, по-видимому, переориентируют нас с тех *prima facie* комплексных сущностей, с которых мы начали, на другие, более неподатливые и более заслуживающие аналитического внимания, а именно факты. Прошлый раз я объяснил, что подразумеваю под фактами, а именно, то, что делает пропозицию истинной или ложной, что имеет место, когда ваше высказывание является истинным, и не имеет места, когда ваше высказывание является ложным. Как я говорил в прошлый раз, факты явно представляют собой нечто такое, что вы должны учитывать, если собираетесь дать полное описание мира. Вы не сможете этого сделать простым перечислением отдельных предметов, которые имеются в мире; нужно также упомянуть отношения этих предметов, их свойства и т.д. Всё это факты, так что последние определённо принадлежат описанию объективного мира, и факты, как кажется, гораздо более явно комплексны, и их гораздо труднее объяснить, чем предметы типа Сократа или Румынии. Как бы вы не были далеки от возможности объяснения слова 'Сократ', то, что 'Сократ смертен', выражает факт, всё ещё будет оставаться истиной. Вы можете не знать точно, что обозначает Сократ, но совершенно ясно, что 'Сократ смертен' выражает факт. Сказать, что факт, выраженный с помощью 'Сократ смертен', является *комплексным*, в некотором смысле явно обоснованно. Вещи, имеющие место в мире, обладают различными свойствами и находятся в различных отношениях друг

к другу. А это и есть *факты*, и совершенно ясно, что предметы и их качества или отношения в том или ином смысле являются компонентами фактов. Анализ явно комплексных *предметов*, подобных тем, с которых мы начинали, может быть различным образом редуцирован к анализу фактов, которые явно относятся к этим предметам. Следовательно, рассмотрение проблемы комплексности должен начинаться с анализа *фактов*, а не с анализа явно комплексных предметов.

Прежде всего, о комплексности факта свидетельствует то обстоятельство, что пропозиция, утверждающая факт, состоит из нескольких слов, каждое из которых может встречаться в других контекстах. Конечно, иногда пропозиция выражена единственным словом, но, выраженная полностью, она объединяет несколько слов. Пропозиция 'Сократ смертен' может быть заменена на 'Платон смертен' или на 'Сократ - человек'; в первом случае мы изменяем субъект, во втором - предикат. Ясно, что все пропозиции, в которых встречается слово 'Сократ', имеют нечто общее, и, с другой стороны, нечто общее есть у всех пропозиций, в которых встречается слово 'смертен', и это нечто общее у них не со всеми пропозициями, но только с теми, которые относятся к Сократу или смертности. Я думаю, ясно, что у фактов, соответствующих пропозициям, в которые входит слово 'Сократ', есть нечто общее, то, что соответствует общему слову 'Сократ', встречающемуся в пропозициях. Итак, во-первых, смысл комплексности заключается в том, что в факт может входить нечто такое, что у него может быть общим с другими фактами, совсем как в случае с 'Сократ - человек' и 'Сократ смертен': и то и другое - факты, и то и другое должно иметь дело с Сократом, хотя Сократ и не конституирует целостность какого-либо из этих фактов. Совершенно ясно, что в этом смысле имеется возможность разложить факт на составные части, из которых один компонент можно заменить без изменения других компонентов и который может встречаться в каких-то иных, хотя и не во всех, фактах. Прежде всего, я хочу сделать ясным, что смысл, в котором факты могут быть проанализированы, существует. Меня не интересуют все трудности любого анализа, но только встречающиеся *prima facie* возражения философов, считающих, что на самом деле вы вообще не в состоянии провести анализ.

Как и в прошлый раз, я вновь, насколько это возможно, попытаюсь начать с совершенно ясных трюизмов. Моё стремление и желание состоит в том, чтобы то, с чего я начинаю, было настолько очевидным, что вас удивляло бы, зачем я трачу своё время на изложение последнего. Я нацелен на это, поскольку дело философии начинать с чего-то столь простого, что, как кажется, не заслужива-

ет внимания, а заканчивать чем-то столь парадоксальным, чему никто не верит.

Один *prima facie* знак комплексности пропозиций заключается в том, что они выражены несколькими словами. Теперь я перейду к другому пункту, который первоначально применяется к пропозициям, а отсюда, соответственно к фактам. Вы в состоянии понять пропозицию, когда понимаете слова, из которых она составлена, даже если вы никогда не слышали её ранее. Это кажется весьма скромным свойством, но это то свойство, которое отмечает её как комплекс и отличает от слов, чьё значение является простым. Зная словарь, грамматику и синтаксис языка, вы способны понять в этом языке пропозицию, даже если вы никогда не видели её ранее. Читая газету, например, вы осознаёте некоторое число высказываний, которые для вас являются новыми, и несмотря на это, они понятны вам непосредственно, поскольку вы понимаете слова, из которых они составлены. Эта характеристика - понимание пропозиции через понимание составляющих её слов - отсутствует у последних, когда они выражают нечто простое. Возьмём, например, слово 'красный' и предположим - как всегда и нужно делать - что 'красный' обозначает особый оттенок цвета. Простите за это предположение, но иначе никак нельзя. Вы не сможете понять значение слова 'красный' кроме как через наблюдение за красными предметами. Нет иного способа, которым это можно было бы сделать. В этом не поможет изучение языка или просмотр словарей. Ничто такое не поможет вам понять значение слова 'красный'. И этим оно совершенно отличается от значения пропозиции. Вы можете, конечно, дать определение слову 'красный', но здесь очень важно провести различие между определением и анализом. Всякий анализ возможен только в отношении того, что является комплексным, а это в конечном счёте всегда зависит от непосредственного знакомства с объектами, которые являются значениями определённых простых символов. Едва ли необходимо говорить, что определение даётся не предмету, а символу. ('Простой' символ - это символ, части которого символами не являются.) Простой символ совершенно отличен от простого предмета. Те объекты, которые невозможно символизировать иначе, нежели простыми символами, могут быть названы 'простыми', тогда как объекты, которые символизируются комбинацией символов, могут быть названы 'комплексными'. Конечно, это - предварительное определение, и оно, вероятно, содержит круг, но на данной стадии это не имеет значения.

Я говорил, что слово 'красный' нельзя понять, кроме как наблюдая красные предметы. На это вы можете возразить на том

основании, что красный можно определить, например, как 'цвет с самой большой длиной волны'. Вы можете сказать, что это - определение 'красного', и человек способен понять это определение при условии, что он понимает физическую теорию цвета, даже если он не видел ничего красного. Но на самом деле это ни в малейшей степени не конституирует значение слова 'красный'. Если вы возьмёте такую пропозицию как 'Это - красное' и подставите 'Это имеет цвет с самой большой длиной волны', вы в общем получите другую пропозицию. И это видно непосредственно, поскольку человек, который ничего не знает о физической теории цвета, может понять пропозицию 'Это - красное' и может знать, что она истинна, но не может знать, что 'это обладает цветом, который имеет самую большую длину волны'. И наоборот, можно представить себе гипотетического человека, который не в состоянии видеть красный цвет, но который понимает физическую теорию цвета и может постичь пропозицию 'Это имеет цвет с самой большой длиной волны', но который был бы не способен понять пропозицию 'Это - красное', как её понял бы обычный необразованный человек. Таким образом, ясно, что, определив 'красный' как 'цвет с самой большой длиной волны', вы вообще не задаёте действительного значения слова, а просто даёте правильное описание, что совершенно иное, и получающиеся в результате пропозиции отличны от тех, в которые входит слово 'красный'. В этом смысле нельзя определить слово 'красный', хотя оно и может быть определено в том смысле, в котором корректное описание конституирует определение. В смысле анализа слово 'красный' определить нельзя. Именно так составляются словари, поскольку словарь претендует на определение всех слов в языке посредством слов самого этого языка, и стало быть, ясно, что где-то он должен впадать в порочный круг, но он справляется с этим посредством корректных описаний.

В таком случае, в этом смысле я внёс бы ясность, сказав, что слово 'красный' является простым символом, а фраза 'Это - красное' - комплексным. Слово 'красный' можно понять только через знакомство с объектом, тогда как фраза 'Розы - красные' может быть понята, если вам известно, что такое 'красный' и что такое 'розы', даже если вы до сих пор её не слышали. Это ясный признак того, что является комплексным. Это признак комплексного символа, а также признак объекта, который символизируется комплексным символом. Другими словами, пропозиции являются комплексными символами, комплексными являются и факты, которые они обозначают.

В обыденном языке общий вопрос о значении слов в достаточной степени труден и двусмыслен. Когда один человек использует слово, он имеет в виду не то же самое, что подразумевает другой. Я часто слышал, как об этом говорилось с сожалением. Последнее ошибочно. Было бы абсолютно пагубно, если бы люди подразумевали своими словами одно и то же. Это сделало бы невозможным всякое общение, а язык самой безнадежной и бесполезной вещью, которую можно себе представить, так как придание значения вашим словам должно зависеть от природы объектов, с которыми вы знакомы, а поскольку разные люди знакомы с различными объектами, они были бы не в состоянии разговаривать друг с другом, если бы не приписывали своим словам совершенно различные значения. Мы должны вести речь только о логике, а не о нежелательном результате в целом. Возьмём, например, слово 'Пикадилли'. Мы, кто знаком с Пикадилли, приписываем этому слову совершенно различные значения, любое из тех, которое ему может быть придано человеком, никогда не бывавшем в Лондоне. Предположим теперь, что путешествуя за границей, вы распространяетесь о Пикадилли. Вы будете сообщать своим слушателям пропозиции совершенно отличные от тех, что у вас на уме. Они получают о Пикадилли много сведений, им станет известно, что она - важная улица Лондона, но они не узнают как раз того, что узнаёшь, прогуливаясь по Пикадилли. Настаивая на языке, лишённом двусмысленностей, вы были бы не в состоянии рассказать дома о том, что видели за границей. В целом было бы невероятно неудобно иметь язык свободный от двусмысленностей, а стало быть, верх милосердия, что мы его не получили.

Анализ не совпадает с определением. Вы можете определить термин посредством корректного описания, но оно не конституирует анализ. В данный момент нас интересует анализ, а не определение, поэтому к вопросу о нём я и возвращаюсь.

Можно сформулировать следующие предварительные определения:

Символами являются те компоненты пропозиции, которые нам необходимо понять для того, чтобы понять эту пропозицию.

Компоненты факта, который в зависимости от того, что имеет место, делает пропозицию истинной или ложной, являются *значениями* символов, которые нам необходимо понять для того, чтобы понять эту пропозицию.

Определения не вполне корректны, но они будут способствовать вашему пониманию того, что я имею в виду. Одна из причин недостаточной корректности состоит в том, что они не применимы к

словам, которые, подобно 'или' и 'не', являются частями пропозиций, но которым не соответствует никакая часть соответствующих фактов. Последнее является предметом лекции III.

Я называю эти определения *предварительными*, потому что они отправляются от комплексности пропозиции, определяемой ими психологически, и переходят к комплексности факта, тогда как совершенно ясно, что при правильной, надлежащей процедуре нужно начинать с комплексности факта. Ясно также и то, что комплексность факта не может быть чем-то просто психологическим. Если в астрономическом факте Земля движется вокруг Солнца, то это представляет собой подлинный комплекс. Этот факт является комплексным не потому, что вы так считаете, он представляет собой разновидность подлинной объективной комплексности, и следовательно, при надлежащей, правильной процедуре нужно начинать с комплексности мира и переходить к комплексности пропозиции. Единственная причина кружного пути состоит в том, что во всех абстрактных рассуждениях символы постигаются легче. Однако я сомневаюсь, определима ли вообще комплексность в том фундаментальном объективном смысле, в котором исходят из комплексности факта. Вы не сможете проанализировать то, что подразумеваете под комплексностью в этом смысле. Вам как раз необходимо её постичь - по крайней мере так я склонен считать. Не задавая критерия типа того, что задал я, о ней нельзя сказать ничего. Поэтому, если вы не способны провести действительно правильный анализ предмета, то в общем лучше обговорить это без заявлений о том, что вы дали точное определение.

Можно предположить, что комплексность по существу должна иметь дело с символами или что она в сущности психологична. Я не думаю, что можно серьёзно настаивать на какой-то из этих точек зрения, но они из тех, что приходят на ум, а кое-кто пытается рассмотреть, будут ли они работать. Я не думаю, что они вообще работоспособны. Когда мы дойдём до принципов символизма, которые я буду рассматривать в лекции VII, я попытаюсь убедить вас, что при логически корректном символизме всегда имеется определённое фундаментальное тождество структур факта и его символа, и что комплексность символа находится в очень близком соответствии с комплексностью символизируемого им факта. К примеру, при осмотре факта, в котором два предмета находятся в определённом отношении друг к другу - например, это находится слева от того - так же, как я говорил раньше, совершенно непосредственно очевидно, что не только постижение факта является комплексным, он сам объективно представляет собой комплекс. Факт, что два предмета находятся в определённом отношении друг

к другу или любое высказывание такого типа обладает комплексностью само по себе. Поэтому в будущем я буду предполагать, что в мире имеет место объективная комплексность и что она отражается в комплексности пропозиций.

Немного ранее я говорил о больших преимуществах, которые даёт нам логически несовершенный язык и которые связаны с тем, что все наши слова двусмысленны. Теперь я предлагаю рассмотреть, какого типа языком был бы логически совершенный язык. В логически совершенном языке слова в пропозиции однозначно соответствовали бы компонентам соответствующего факта, за исключением таких слов, как 'или', 'не', 'если', 'тогда', которые выполняют иную функцию. В логически совершенном языке для каждого простого объекта будет не более одного слова, а всё, что не является простым, будет выражено комбинацией слов, и эта комбинация, конечно, производна от входящих в неё слов для простых предметов, одно слово для каждого простого компонента. Язык такого типа будет полностью аналитическим и сразу же будет показывать логическую структуру утверждаемых или отрицаемых фактов. Язык, предлагаемый в *Principia Mathematica**, предназначен для того, чтобы быть языком такого типа. Этот язык имеет только синтаксис и не имеет какого бы то ни было словаря. Подчёркивая отсутствие словаря, я утверждаю, что это вполне нормальный язык. Его цель быть языком такого типа, чтобы при добавлении словаря получился бы логически совершенный язык. Действительные языки не являются логически совершенными в этом смысле, а возможно и не могут быть таковыми, если они должны служить целям повседневной жизни. Логически совершенный язык, если он мог бы быть сконструирован, был бы не только невыносимо многословным, но в отношении своего словаря был бы для того, кто говорит, в очень значительной степени личным. Другими словами, все имена, которые использовал бы говорящий, имели бы для него личный характер и не могли бы войти в язык другого. Он не мог бы употреблять собственные имена для Сократа, Пикадилли или Румынии по той причине, о которой я говорил в лекции ранее. В общем, вы нашли бы этот язык действительно очень неудобным. Одна из причин сильного отставания логики как науки заключается в том, что её нужды чрезвычайно отличаются от нужд повседневной жизни. Язык нужен и для того, и для другого, и к несчастью только логика, а не повседневная жизнь, должна указывать путь. Тем не менее, я буду предполагать, что логически совершенный язык мы сконструировали и по случаю в состоянии его использовать, и теперь я возвращаюсь к вопросу, с которого намеревался начать, а именно, к анализу фактов.

Наиболее просто вообразить факты, состоящие в том, что некоторый отдельный предмет обладает неким качеством. Например, факты типа 'Это - белое'. Они должны браться в самом усложнённом смысле. Я хочу, чтобы вы думали не о куске мела, который я держу, но о том, что вы видите, когда смотрите на мел. Самый простой факт можно получить, сказав: 'Это - белое'. Следующими по простоте были бы факты, в которых вы обладаете отношением между двумя индивидами, такие как: 'Это находится слева от того'. Затем идут факты, где имеется трёхместное отношение между тремя индивидами. (Пример, который приводит Ройс, таков: 'А отправляет В к С'.) Так вы получаете отношения, которые требуют как минимум три члена и которые мы называем трёхместными, отношения, которые требуют четыре члена и которые мы называем четырёхместными и т.д. Здесь вы получаете всю бесконечную иерархию фактов - фактов, в которых у вас есть предмет и качество, два предмета и отношение, три предмета и отношение, четыре предмета и отношение, и т.д. Эта целостная иерархия конституирует то, что я называю *атомарными* фактами. Они представляют собой простейшую разновидность фактов. Некоторые из них вы можете в сравнении с другими выделить как более простые, поскольку факты, содержащие качество, более просты, чем факты, в которых у вас есть, скажем, пятиместное отношение, и т.д. Взятые в совокупности во всём своём множестве, они фактически очень просты и представляют собой то, что я называю атомарными фактами. Пропозиции, которые их выражают, я называю *атомарными пропозициями*.

В каждом атомарном факте есть один компонент, который естественным образом выражен глаголом (или, в случае качества, его можно выразить предикатом, прилагательным). Этот компонент представляет собой качество, или двухместное, или трёхместное, или четырёхместное . . . отношение. В целях обсуждения данной темы было бы очень удобно называть качество 'одноместным отношением', и я буду так делать; это предохраняет от излишнего многословия.

В таком случае вы можете сказать, что все атомарные пропозиции утверждают отношения различных порядков. Помимо отношения атомарные факты содержат члены отношения - один член, если отношение одноместное, два, если отношение двухместное, и т.д. Эти 'члены', входящие в атомарные факты, я определяю как 'индивиды'.

Индивиды = члены отношения в атомарных фактах. Df.

Таково определение индивидов, и я хочу сделать на этом ударение, поскольку определение индивида есть нечто чисто логическое. Вопрос, является это или то индивидом, должен решаться с точки зрения данного логического определения. Чтобы понять данное определение, не нужно знать заранее, что 'Это является индивидом' или 'То является индивидом'. Оно оставляет открытым для исследования вопрос о том, что за индивиды вы можете найти в мире, если вообще можете найти. Общий вопрос о том, какие индивиды вы действительно находите в реальном мире, является чисто эмпирическим и не интересует логика как таковая. Логик как таковой никогда не приводит примеров, поскольку один из критериев логической пропозиции заключается в том, что для её понимания вам не нужно знать вообще ничего о реальном мире.

Перейдём от атомарных фактов к атомарным пропозициям. Слово, выражающее одноместное отношение или качество, называется 'предикатом', а слово, выражающее отношение какого-либо более высокого порядка, в большинстве случаев было бы глаголом, иногда одним глаголом, иногда целой фразой. Во всяком случае глагол придаёт отношению, так сказать, сущностный нерв. Другие слова, встречающиеся в атомарных пропозициях и не являющиеся предикатами или глаголами, могут быть названы субъектами пропозиции. В одноместной пропозиции будет один субъект, в двухместной - два и т.д. Субъектами пропозиции будут слова, которые выражают члены отношения, выраженного этой пропозицией.

Единственным типом слова, теоретически способного обозначать индивид, является *собственное имя*, и в целом вопрос о собственных именах довольно любопытен.

Собственные имена = слова для индивидов. Df.

Я установил это определение, хотя, когда речь идёт об обыденном языке, оно очевидно ложно. Верно то, что если вы поразмыслите над тем, каким образом должно говорить об индивиде, вы увидите, что о нём даже нельзя вести речь кроме как посредством собственного имени. Общие слова вы не можете использовать кроме как в дескрипции. Каким же образом вы должны выразить в словах атомарную пропозицию? Атомарная пропозиция - это пропозиция, которая упоминает действительные индивиды. Она не просто их описывает, но на самом деле называет, а индивиды вы можете называть только посредством имён. Поэтому вы можете сразу же для себя отметить, что за исключением собственных имён любая другая часть речи очевидно совершенно непригодна для обозначения индивида. Однако выглядело бы немного странным, если, поставив точку на классной доске, я назвал бы её

‘Джон’. Вы были бы удивлены, и тем не менее откуда иначе вы могли бы знать, что она и есть то, о чём я говорю. Когда я говорю: ‘Точка, которая находится справа, является белой’, это одна пропозиция. Если же я говорю: ‘Это - белое’, это совершенно другая пропозиция. Слово ‘это’ будет вполне подходить, пока все мы находимся здесь и можем её видеть, но если я захочу вести речь о ней завтра, удобно было бы её окрестить и назвать ‘Джон’. Другого способа, которым вы могли бы упомянуть о ней, нет. В действительности вы не сможете сослаться на неё, кроме как посредством имени.

То, что в языке проходит для имён типа ‘Сократ’, ‘Платон’ и т.п., изначально направлено на выполнение функции обозначения индивидов, а в обычной повседневной жизни мы принимаем за индивиды все типы предметов, которые на самом деле таковыми не являются. Имена, как ‘Сократ’, которые мы обычно употребляем, на самом деле являются сокращениями дескрипций; не только они, но и то, что они описывают, является не индивидами, но сложными системами классов или рядов. Имя в узком логическом смысле слова, значением которого является индивид, может быть приложено только к тому индивиду, с которым говорящий знаком, поскольку вы не можете именовать ничего такого, с чем не были бы знакомы. Вы помните, что когда Адам именовал зверей, они проходили перед ним один за другим, и он знакомился с ними и давал им названия. Мы не знакомы с Сократом и, стало быть, не можем именовать его. Употребляя слово ‘Сократ’, мы на самом деле используем дескрипцию. Наша мысль может быть передана некоторой фразой, такой как ‘Учитель Платона’, или ‘Философ, выпивший чашу цикуты’, или ‘Человек, о котором логики утверждают, что он смертен’, но мы конечно не используем это имя, как имя в собственном смысле этого слова.

В связи с этим очень затруднительно привести вообще какой-либо пример имени в собственном, строго логическом смысле слова. ‘Это’ или ‘то’ - единственные слова, используемые как имена в логическом смысле. Можно использовать слово ‘это’ как имя, обозначающее индивид, с которым знакомятся в данный момент. Мы говорим: ‘Это - белое’. Если вы согласны, что ‘Это - белое’, значением слова ‘это’ является то, что вы видите. Вы используете слово ‘это’ как собственное имя. Но вы не сможете этого сделать, если пытаетесь постичь пропозицию, которую выражаю я, говоря: ‘Это - белое’. Обозначая данный кусок мела как физический объект, вы не используете собственное имя. Слово ‘это’ действительно является собственным именем только тогда, когда вы используете его совершенно строго, чтобы обозначить актуальный объект ощу-

щения. И при этом оно имеет очень странное для собственного имени свойство, а именно, оно редко обозначает один и тот же предмет в два текущих момента времени и не обозначает один и тот же предмет для того, кто говорит, и для того, кто слушает. Оно - двусмысленное, но тем не менее настоящее собственное имя, и о нём почти о единственном я могу думать как о том, что используется собственно и логически в том смысле, в котором я говорил о собственных именах. Собственные имена в том смысле, о котором говорил я, важны в логическом смысле, а не в смысле повседневной жизни. Вы можете видеть, почему в логическом языке, предложенном в *Principia Mathematica*, нет каких-либо собственных имён. Именно потому, что там нас интересуют не особые индивиды, но, если только я могу себе позволить такую фразу, индивиды вообще.

Среди разновидностей объектов, которые вы должны учитывать при описании мира, индивиды характеризуются той особенностью, что каждый из них всецело обособлен и совершенно самодостаточен. Индивид обладает той разновидностью самодостаточности, которая обычно относится к субстанции, кроме того, он обычно сохраняется только в течение короткого времени, насколько продолжается наш опыт. Другими словами, каждый индивид, имеющий место в мире, логически никоим образом не зависит от любого другого индивида. Каждый из них может оказаться целым универсумом; и то, что это не имеет места, просто эмпирический факт. Нет причины, которая запрещала бы нам иметь универсум, включающий один индивид и ничего более. Такова особенность индивидов. Точно так же, для того, чтобы понять имя индивида, необходимо только быть с ним знакомым. Знакомясь с индивидом, вы достигаете полного, адекватного и завершённого понимания имени, и больше информации не требуется. Никакой дополнительной информации касательно фактов, являющихся истинными относительно этого индивида, способствующей нашему более полному пониманию значения данного имени, нет.

Дискуссия

М-р Карп: Вы считаете, что существуют простые факты, не являющиеся комплексными. Все ли комплексы составлены из простых? Не являются ли простые, входящие в комплексы, сами комплексными?

М-р Рассел: Факты не являются простыми. Что касается вашего второго вопроса, то его конечно следует обсудить - когда вещь является комплексной, необходимо ли, чтобы при анализе она

имела конститuentы, являющиеся простыми. Я думаю, вполне можно предположить, что комплексная вещь поддаётся анализу *ad infinitum*, и что вы никогда не достигнете ничего простого. Я не считаю, что это истинно, но об этом конечно можно поспорить. Сам я думаю, что комплексы - мне не хотелось бы говорить о комплексах - составлены из простых, но я допускаю, что это сложно доказать, и может быть так, что анализ способен продолжаться вечно.

М-р Карр: Не думаете ли вы, что, называя вещи комплексными, вы утверждаете, что простые действительно существуют?

М-р Рассел: Нет, я не думаю, что это следует с необходимостью.

М-р Невилл: Я не считаю ясным, что пропозиция 'Это - белое' в каком-либо смысле проще, чем пропозиция 'Это и то имеет один и тот же цвет'.

М-р Рассел: Как раз на это мне не хватило времени. Она может быть такой же, как и пропозиция 'Это и то имеет один и тот же цвет'. Может случиться так, что белый определяется как цвет 'этого', или вернее, что пропозиция 'Это - белое' означает 'По цвету это тождественно с тем', цвет 'этого' будет, так сказать, определением белого. Это возможно, но нет особой причины думать, что это - так.

М-р Невилл: Есть ли какие-нибудь одноместные отношения, которые служили бы лучшими примерами?

М-р Рассел: Я не думаю. *A priori* совершенно очевидно, что, исхитрившись, вы можете избавиться от всех одноместных отношений. При достаточном количестве времени я собирался говорить в том числе, что вы можете избавиться от двухместных отношений, редуцируя их к трёхместным и т.д. Но нет особой причины предполагать, что вместо отношений 1-го порядка мир начинается с отношений *n*-го порядка. Вы не сможете редуцировать отношения вниз, но их можно редуцировать вверх.

Вопрос: Если собственное имя предмета, слово 'это', изменяется от случая к случаю, как возможно приводить какие-либо аргументы?

М-р Рассел: Вы можете удерживать 'это' в течение одной, двух минут. Я нанёс эту точку и говорил о ней некоторое короткое время. Я подразумеваю, что она часто меняется. Если вы аргументируете быстро, вы можете вполне успеть пройти какой-то короткий путь. Я думаю, что бы ни случилось, вещи сохраняются на конечное время, несколько секунд, минут или около того.

Вопрос: Не считаете ли вы, что она изменяется под воздействием воздуха?

М-р Рассел: Если он не изменяет её явления в той степени, которая достаточна для того, чтобы ваши чувственные данные стали иными, то это не имеет значения.

III. АТОМАРНЫЕ И МОЛЕКУЛЯРНЫЕ ПРОПОЗИЦИИ

В прошлый раз я не совсем выполнил программу, намеченную мной для Лекции II, поэтому прежде я должен её закончить.

В конце прошлой лекции я говорил на предмет самодостаточности индивидов, о том, как каждый индивид бытийствует независимо от любого другого индивида и как логическая возможность его существования не зависит от чего-либо ещё. Я сравнивал индивиды со старым понятием субстанции. Иными словами, они обладают качеством самодостаточности, которое обычно относится к субстанции, но не качеством сохранности во времени. Индивид, как правило, действительно имеет тенденцию сохраняться очень короткое время, не мгновение, но очень короткое время. Индивиды отличаются от прежних субстанций в этом отношении, но не своей логической позицией. Как вы знаете, есть логическая теория, совершенно противоположная данному взгляду. Согласно этой теории, если бы вы действительно понимали какую-то одну вещь, вы понимали бы всё. Я думаю, это покоится на определённом смешении идей. Будучи знакомы с индивидом, вы понимаете его совершенно полно, независимо от того, что о нём существует большое количество не известных вам пропозиций, но связанные с индивидом пропозиции и не нужно знать для того, чтобы можно было знать, что представляет собой сам индивид. Скорее наоборот. Для того, чтобы понять пропозицию, в которую входит имя индивида, вы уже должны быть с ним знакомы. Знакомство с простым предполагается в понимании более комплексного, но логика, с которой я желал бы сразиться, утверждает, что для того, чтобы основательно знать какую-либо одну вещь, вы должны знать все её отношения и все её качества, фактически все пропозиции, в которых эта вещь упоминается; а из этого вы конечно заключаете, что мир является взаимозависимым целым. На этом основании развивается логика монизма. В общих чертах эту теорию поддерживают, говоря о 'природе' вещи, предполагая, что она имеет нечто, называемое вами её 'природой', в общем тщательно смешанное, но отличающееся от неё, так что можно получить удобные качели, которые дают возможность вывести какой угодно результат, соответствующий моменту. 'Природа' вещи подразумевает все истинные пропозиции, в которых эта вещь упоминается. Поскольку всё имеет от-

ношение ко всему, конечно ясно, что вы не можете знать все факты, конституентой которых является вещь, не обладая некоторым знанием обо всём в универсуме. Я думаю, осознав, что то, что называют 'знанием индивида', подразумевает простое знакомство с этим индивидом и предполагается в понимании любой пропозиции, в которой он упоминается, вы также осознаете невозможность для вас принять ту точку зрения, что понимание имени индивида предполагает знание всех относящихся к нему пропозиций.

О понимании я предпочёл бы сказать, что эта фраза часто используется ошибочно. Люди говорят о 'понимании универсума' и т.п. Но, конечно, единственное, что вы можете действительно понять (в строгом смысле этого слова), - это символ, а понять символ значит знать, что он обозначает.

Я перехожу от индивидов к предикатам и отношениям и к тому, что мы подразумеваем под пониманием слов, используемых нами для предикатов и отношений. Большинство из того, что я говорю в этом курсе лекций, состоит из идей, полученных от моего друга Витгенштейна. Но я не имел возможности ни узнать, как сильно изменились его идеи после августа 1914, ни жив ли он, поэтому ничего не остаётся делать, как самому быть ответственным за них.

Понимание предиката совершенно отлично от понимания имени. Как вы знаете, под предикатом, я имею в виду слово, которое употребляется для обозначения качества, такого как красный, белый, квадратный, круглый, и понимание такого слова включено в те различные виды актов разума, в которых затрагивается понимание имени. Чтобы понять имя, вы должны быть знакомы с индивидом, именем которого оно является, и вы должны знать, что оно является именем этого индивида. Другими словами, вы не предполагаете что-либо в форме пропозиции, тогда как для понимания предиката вы так делаете. Например, понять слово 'красный' значит понять, что имеется в виду, когда говорят, что предмет - красный. Вы должны использовать форму пропозиции. Вам не нужно знать относительно какого-то особого 'это', что 'Это - красное', но вы должны знать, что является значением высказывания, что нечто - красное. Вы должны понимать то, что можно назвать 'бытие красным'. Это важно в связи с теорией типов, до которой я дойду позже. Дело в том, что предикат никогда не может встречаться иначе, как предикат. Если кажется, что он встречается как субъект, фраза требует уточнения и объяснения, если, конечно, вы не говорите о самом слове. Можно сказать "'Красный' - это предикат", но тогда вы должны заключить 'красный' в кавычки, потому что говорите о слове 'красный'. Понимание слова 'красный', подразумевает, что вы понимаете пропозиции формы 'x есть красный'. Как

раз поэтому понимание предиката есть нечто немногим более сложное, чем понимание имени. То же самое применимо к отношениям, а на самом деле ко всему тому, что не является индивидами. Возьмём, например, слово 'перед' в 'x расположен перед y'. Вы понимаете слово 'перед', когда понимаете, что означает эта фраза, если даны x и y. Я не имею в виду, что вы знаете, является ли это истинным, но вы понимаете пропозицию. И вновь здесь применимо то же самое. Отношение никогда не может встречаться иначе, как отношение, и никогда как субъект. Если и не реально, то гипотетически вы всегда должны полагать: 'Если я говорю, что x расположен перед y, я утверждаю отношение между x и y'. Этот способ вы должны распространить на такие высказывания как "‘Перед’ - это отношение", для того чтобы получить его значение.

Различные виды слов фактически имеют различные виды использования. Всегда необходимо придерживаться правильного, а не ошибочного употребления. Ошибки, вырастающие из ошибочного использования символов, ведут к противоречиям, которые связаны с типами.

До того, как я оставлю сюжеты, с которыми намеревался иметь дело в прошлый раз, есть ещё один вопрос, и это тот вопрос, который перешёл в дискуссию в заключении прошлой лекции; а именно, при желании можно получить формальную редукцию (например) одноместных отношений к двухместным, или двухместных к трёхместным, или всех отношений ниже определённого порядка к любым отношениям выше этого порядка, но обратная редукция невозможна. Предположим, например, кто-то использует слово 'красный'. Он говорит: 'Это - красное', 'То - красное' и т.д. Теперь, если считать, что по некоторой причине следует обойтись без субъектно-предикатных пропозиций, всё что необходимо, это взять некоторый стандарт красного предмета и использовать отношение, которое можно было бы назвать 'цветоподобием', сходством цвета, являющимся непосредственным отношением, которое не сводится к обладанию определённым цветом. Тогда вы можете определить предметы, являющиеся красными, как все те, что цветоподобны этому стандартному предмету. Такую трактовку практически рекомендовали Беркли и Юм, за исключением того, что они не осознавали, что редуцировали качества к отношениям, но считали, что совершенно избавились от 'абстрактных идей'. Таким способом вы можете окончательно осуществить редукцию качеств к отношениям. На это нечего возразить ни эмпирически, ни логически. Вы можете точно так же поступить с двухместными отношениями, которые можете редуцировать к трёхместным, если считаете, что это имеет смысл. Ройс* бывало имел большую слабость к подоб-

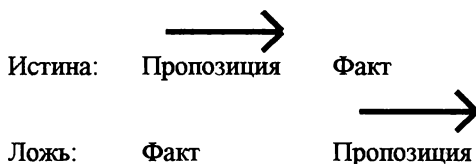
ной процедуре. По некоторой причине он всегда предпочитал трёхместные отношения двухместным; своё предпочтение он иллюстрировал собственным вкладом в математическую логику и основания геометрии.

Всё это возможно. Сам я не вижу какой-либо особой причины делать это, коль скоро вы осознали такую возможность. Я не вижу особой причины предполагать, что простейшими отношениями, имеющими место в мире, являются (скажем) отношения n -го порядка, но нет априорной причины против этого. С другой стороны, обратная редукция совершенно невозможна, кроме как в особых случаях, где отношение обладает некоторыми специальными свойствами. Например, двухместные отношения могут быть редуцированы к сходству предиката, когда они являются симметричными и транзитивными. Так, например, отношение цветоподобия будет иметь следующее свойство: Если A в точности цветоподобно B , а B в точности цветоподобно C , тогда и A в точности цветоподобно C ; и если A в точности цветоподобно B , то и B в точности цветоподобно A . Но с асимметричными отношениями дело обстоит иначе.

Возьмём, например, ' A больше B '. Очевидно, ' A больше B ' не сводится к тому, что A и B обладают общим предикатом, поскольку если бы было так, то это требовало бы, чтобы также и B было больше A . Очевидно также, ' A больше B ' не заключается в том, что они просто обладают различными предикатами, поскольку если A имеет предикат, отличный от B , то и B имеет предикат, отличный от A , так что в любом случае (и при одинаковых, и при разных предикатах) вы получаете симметричное отношение. Например, если у A цвет отличен от B , то и у B цвет отличен от A . Стало быть, при наличии симметричных отношений вы получаете формальную возможность редуцировать их либо к сходству, либо к различию предиката, но при асимметричных отношениях такой возможности нет. Невозможность редукции двухместного отношения к сходству или различию предиката есть предмет чрезвычайной важности в связи с традиционной философией, поскольку в традиционной философии многое зависит от предпосылки, что каждая пропозиция в действительности имеет субъектно-предикатную форму, а это определённно не так. Эта теория господствует в большей части традиционной метафизики, в старой идее субстанции, а во многом и в теории Абсолюта. Таким образом, разнovidность логической точки зрения, воображение которой захвачено теорией, что всегда можно выразить пропозицию в субъектно-предикатной форме, имеет огромное влияние на традиционную метафизику.

На этом я заканчиваю то, что должен был сказать в прошлый раз, и теперь перехожу собственно к теме сегодняшней лекции, к

молекулярным пропозициям. Я называю эти пропозиции молекулярными, поскольку они содержат другие пропозиции, которые можно назвать их атомами, и под молекулярными пропозициями я подразумеваю пропозиции, содержащие такие слова, как 'или', 'если', 'и' и т.д. Если я говорю: 'Или сегодня вторник, или мы все находимся здесь по ошибке', то эта пропозиция относится к той разновидности, которую я обозначил как молекулярную. Или когда я говорю: 'Если будет дождь, я возьму свой зонтик', это вновь молекулярная пропозиция, поскольку она содержит две части 'Будет дождь' и 'Я возьму свой зонтик'. Когда я говорю: 'Был дождь, и я брал свой зонтик', это снова молекулярная пропозиция. Или когда я говорю: 'Предположение о том, что идёт дождь, не совместимо с предположением, что я не возьму зонтик', это опять молекулярная пропозиция. Существуют различные пропозиции данного типа, которые можно усложнять *ad infinitum*. Они построены из пропозиций, соотнесённых с помощью таких слов, как 'или', 'если', 'и' и т.д. Вы помните, что я определил атомарную пропозицию как ту, что содержит единственный глагол. Теперь при переходе от последних к более комплексным пропозициям есть два различных способа усложнения. Есть способ, о котором я говорил только что (где вы осуществляете переход к молекулярным пропозициям), и есть другой способ, до которого я дойду в следующей лекции, где вы получаете не две соотнесённых пропозиции, но одну пропозицию, содержащую два или более глагола. В качестве примера можно взять убеждение, желание и т.д. 'Я убеждён, что Сократ является смертным'. Здесь у вас есть два глагола: 'убеждён' и 'является'. Или 'Я хочу быть бессмертным'. Везде, где есть желание, убеждение, сомнение и т.п., содержится два глагола. Множество психологических установок содержит два глагола, не выкристаллизовано, так сказать, но в рамках одной единой пропозиции. Но сегодня я говорю о молекулярных пропозициях. Вы увидите, что можно создать пропозиции с 'или' и 'и' и т.д., где конstituенты пропозиций не являются атомарными, но на данный момент нам достаточно ограничиться случаем, где конstituенты пропозиций являются атомарными. Когда вы берёте атомарную пропозицию или одну из пропозиций с 'убеждением', когда вы берёте любую пропозицию такого типа, имеется как раз один факт, на который указывает эта пропозиция, указывает истинно или ложно. Сущность пропозиции в том, что она двумя способами соотносится с фактом, что она может высказывать истинным или ложным способом. Последнее можно проиллюстрировать следующей картинкой:

Предположим, что у вас есть пропозиция 'Сократ смертен'. Факт заключается в том, что либо Сократ смертен, либо Сократ не смертен. В одном случае соответствующий способ делает пропозицию истинной, в другом случае - ложной. Это одно отличает пропозицию от имени.

Конечно, имеются две пропозиции, соответствующие каждому факту, одна - истинная, другая - ложная. Нет ложных фактов, поэтому нельзя получить один факт для каждой пропозиции, но только для каждой пары пропозиций. Всё это приложимо к атомарным пропозициям. Но если вы возьмёте такую пропозицию, как ' p или q ', 'Сократ мёртв или Сократ всё ещё жив', здесь у вас будут два различных факта, связанных с истинностью или ложностью вашей пропозиции ' p или q '. Будет факт, соответствующий p , и будет факт, соответствующий q , и оба эти факта релевантны установлению истинности или ложности ' p или q '. Я не предполагаю, что в мире существует единственный дизъюнктивный факт, соответствующий ' p или q '. То, что в действительном объективном мире существуют факты, которые вы можете описать как ' p или q ', не выглядит правдоподобным, но я не делаю слишком большое ударение на правдоподобии: это не то, на что вы в общем можете положиться. Пока я не думаю, что какие-либо затруднения возникнут из предположения, что истинность или ложность пропозиции ' p или q ' не зависит от единственного объективного факта, являющегося дизъюнктивным, но зависит от двух фактов, один из которых соответствует p , а другой - q ; у p будет свой соответствующий факт, а у q - свой. Другими словами, истинность или ложность пропозиции ' p или q ' зависит от двух фактов, а не от одного, как у p и q . Вообще говоря, относительно тех вещей, которые вы создаёте из двух пропозиций, всё, что необходимо для знания их значения, заключается в знании при каких обстоятельствах, заданных истинностью или ложностью p и истинностью или ложностью q , они являются истинными. Это совершенно очевидно. Используя 'TT' для ' p и q оба истинны', 'TF' для ' p истинно, а q - ложно' и т.д., вы получите для ' p или q ' следующую схему:

TT	TF	FT	FF
T	T	T	F

где нижняя строчка устанавливает истинность или ложность ' p или q '. Вы не должны искать в реальном мире объект, который можно назвать 'или', и говорить: 'Итак, взгляни на это. Это - "или"'. Такого предмета не существует, и если вы попытаетесь проанализировать ' p или q ' таким способом, то получите затруднения. Но значение дизъюнкции полностью объясняется приведённой выше схемой.

Когда истинность или ложность молекулярной пропозиции зависит только от истинности или ложности входящих в неё пропозиций, я называю это истинностными функциями пропозиций. То же самое применимо к ' p и q ', ' $\text{если } p, \text{ то } q$ ' и ' p несовместимо с q '. Когда я говорю: ' p несовместимо с q ', я просто хочу сказать, что они оба не являются истинными. Я не подразумеваю чего-либо большего. Это и называется истинностными функциями, а молекулярные предложения, которые нас сегодня интересуют, являются примерами истинностных функций. Если p - пропозиция, то утверждение ' $\text{Я убеждён, что } p$ ' не зависит от её истинности или ложности, не зависит только от истинности или ложности p , поскольку я убеждён в некоторых, но не во всех, истинных пропозициях, и в некоторых, но не во всех, ложных пропозициях.

Я как раз хочу немного рассказать вам о способе построения этих истинностных функций. Вы можете построить все различные типы истинностных функций из одного начала, а именно, из ' p несовместимо с q ', подразумевая под этим, что p и q не являются оба истинными, что по крайней мере один из них является ложным.

' p несовместимо с q ' будем обозначать посредством $p|q$.

Возьмём, например, $p|p$, т.е. ' p несовместимо с самим собой'. Ясно, что в этом случае p будет ложным, стало быть можно взять ' $p|p$ ' как значение ' p является ложным', т.е. $p|p = \text{не-}p$. Значение молекулярной пропозиции всецело предопределено её истинностной схемой и ничего более в ней нет, так что, когда вы получаете две пропозиции с одной и той же истинностной схемой, их можно отождествить.

Предположим, вам требуется ' $\text{если } p, \text{ то } q$ '; это просто означает, что p не может быть без q , т.е. p несовместимо с ложностью q . Таким образом,

$$\text{'Если } p, \text{ то } q' = p|(q|q).$$

Раз у вас это есть, откуда конечно сразу же следует, что если p является истинным, то и q является истинным, поскольку нельзя, чтобы p было истинным, а q - ложным.

Предположим, вам требуется ' p или q '; это означает, что ложность p несовместима с ложностью q . Если p является ложным, q не является ложным, и наоборот. Это будет выглядеть так:

$$(p|p)|(q|q).$$

Предположим, вам требуется ' p и q оба истинны'. Это будет означать, что p не является несовместимым с q . Когда p и q оба истинны, то, что по крайней мере одно из них ложно, не имеет места. Таким образом,

$$'p \text{ и } q \text{ оба истинны}' = (p|q)|(p|q).$$

Вся дедуктивная логика связана просто с усложнением и развитием этой идеи. То, что идея несовместимости достаточна для этой цели, впервые показал м-р Шеффер*, а большая часть работы была последовательно проделана М.Нико*. Этим способом пользоваться гораздо более проще, чем тем, что применён в *Principia Mathematica*, где в качестве отправного пункта используются две примитивные идеи, а именно, 'или' и 'не'. Здесь же для дедукции вы можете обойтись одной единственной предпосылкой. Я не развиваю эту тему дальше, поскольку она уведёт вас прямо в математическую логику.

Я не вижу никакой причины предполагать, что в фактах есть комплексность, соответствующая этим молекулярным пропозициям, поскольку, как я говорил, соответствие молекулярной пропозиции фактам отличается от соответствия атомарной пропозиции факту. Есть один особый пункт, который необходимо в связи с этим развить, это - вопрос: Существуют ли отрицательные факты? Существуют ли факты типа того, как вы можете назвать фактом то, что 'Сократ не жив'? Во всём, о чём шла речь до сих пор, я предполагал существование отрицательных фактов; если, например, вы говорите: 'Сократ жив', то в действительном мире имеет место соответствующий этой пропозиции факт, что Сократ не жив. Кто-то испытывает определённое отвращение к негативным фактам, разновидность того чувства, которое вызывает у вас желание, чтобы в мире отсутствовал факт ' p или q '. У вас есть ощущение, что существуют только положительные факты, и что отрицательные пропозиции так или иначе выражают положительные факты. Читая на эту тему лекцию в Гарварде*, я доказывал, что отрицательные факты существуют, и это почти вызвало бунт: аудитория вообще не желала слушать о существовании отрицательных фактов. Я всё ещё склонен считать, что они существуют. Однако один из тех,

кому я читал лекции в Гарварде, м-р Демос* впоследствии написал статью в *Mind*, объясняющую, почему отрицательных фактов не существует. Статья напечатана в журнале *Mind* за апрель 1917. Я думаю, он приводит доводы, которые на самом деле могут быть выдвинуты в поддержку взгляда, что отрицательных фактов не существует. Это - трудный вопрос. В действительности я прошу только, чтобы вы не подходили к нему догматически. Я не говорю положительно, что они существуют, но что они могут быть.

Есть определенные вещи, касающиеся отрицательных пропозиций, на которые вы можете обратить внимание. М-р Демос указывает *прежде* всего, что отрицательная пропозиция по своему определению в любом случае не зависит от познающего субъекта. С этим я согласен. Предположим, вы говорите, что, сказав 'Сократ не жив', я просто выражаю неверие в пропозицию, что Сократ жив. В реальном мире вы должны найти нечто такое, что делает это неверие истинным; вопрос только в том, что. Это - его *первый* довод.

Его *второй* довод состоит в том, что отрицательные пропозиции не должны приниматься за чистую монету. Вы не можете, говорит он, рассматривать утверждение 'Сократ не жив' как то, что выражает факт тем же самым непосредственным способом, в котором выражением факта являлось бы 'Сократ - человек'. Его аргумент единственно в том, что он не может поверить в существование в мире отрицательных фактов. Он утверждает, что в реальном мире не может быть таких фактов, как 'Сократ не жив', т.е. взятых как простые факты, и что, следовательно, вы должны найти некоторое объяснение отрицательных пропозиций, некоторую интерпретацию, и что они не могут быть столь же просты как положительные пропозиции. Я вернусь к этому пункту, но я не чувствую склонности с ним согласиться.

С его *третьим* доводом, что когда встречается слово 'не', оно не может рассматриваться как характеристика предиката, я полностью не согласен. Например, если вы говорите: 'Это - не красное', вы можете попытаться сказать, что 'не-красный' является предикатом, но это конечно не так; прежде всего, потому что большое количество пропозиций не являются выражениями предикатов; во-вторых, потому что слово 'не' применяется к целой пропозиции. Правильным было бы выражение 'не: это - красное'; 'не' применяется к целой пропозиции 'это - красное', и конечно во многих случаях вы можете видеть это совершенно ясно. Если вы возьмёте пример, который я использую при обсуждении дескрипций: 'Нынешний король Франции не лыс', и если вы возьмёте 'не лыс' как предикат, вы должны были бы высказать ложь на том основании,

что не существует нынешнего короля Франции. Но ясно, что пропозиция 'Нынешний король Франции лыс' является ложной пропозицией, а следовательно, её отрицание должно быть истинной пропозицией, а этого не может быть, если вы берёте 'не лыс' как предикат; так что во всех случаях, где встречается слово 'не', оно должно рассматриваться как применённое к целой пропозиции. 'Не- p ' - правильная формула.

Теперь мы подошли к вопросу о том, каким образом мы на самом деле интерпретируем 'не- p ', и предположение, которое выдвигает м-р Демос, состоит в том, что утверждая 'не- p ', мы на самом деле утверждаем, что существует некоторая пропозиция q , которая истинна и несовместима с p (его фраза 'противоположна p ', но я думаю, что её значение то же самое). Предложенное им определение следующее:

'не- p ' означает 'Существует пропозиция q , которая истинна и несовместима с p '.

Так, например, если я скажу 'Этот мел не красный', я буду подразумевать утверждение, что существует некоторая пропозиция, которая в данном случае была бы пропозицией 'Этот мел - белый', не совместимая с пропозицией 'Он - красный', и что вы используете эти обычные отрицательные формы, поскольку вам не случилось знать, что представляет собой действительная пропозиция, которая истинна и несовместима с p . Или же вы, конечно, можете знать, что представляет собой действительная пропозиция, но факт, что p является ложным, возможно интересует вас больше, чем отдельный пример, который делает его ложным. Так, например, вы можете быть стремитесь доказать, что кто-то является лжецом, и может быть вы очень сильно заинтересованы в ложности некоторых утверждаемых им пропозиций. К тому же общая пропозиция может интересовать вас в большей степени, чем отдельный случай. Так, если кто-то утверждает, что этот мел является красным, тот факт, что он не является таковым, может интересовать вас в большей степени, чем факт, что он является белым.

Я нахожу очень затруднительным доверять такой теории ложности. Во-первых, обратите внимание на такое возражение: она делает несовместимость фундаментальным и объективным фактом, что не на много проще, чем допустить отрицательные факты. Для того, чтобы редуцировать 'не' к несовместимости, вам необходимо иметь здесь то, 'что p несовместимо с q ', поскольку должен быть соответствующий факт. Какой бы ни была интерпретация 'не', совершенно ясно, что существует некоторая интерпретация, которая будет давать вам факт. Если я говорю: 'В этой комнате нет

гиппопотама', вполне ясно, что существует некоторый способ интерпретации этого высказывания, согласно которому, есть соответствующий факт, и этот факт не может заключаться просто в том, что каждая часть этой комнаты наполнена чем-то таким, что не является гиппопотамом. Вы вернулись бы к необходимости в том или ином виде фактов той разновидности, которых мы пытались избежать. Мы пытались избежать как отрицательных, так и молекулярных фактов, и всё, что за этим последовало, свелось к замене отрицательных фактов молекулярными. И я не считаю, что это очень удачный способ отделаться от парадокса, особенно когда вы учтёте, что даже если несовместимость и должна рассматриваться как разновидность фундаментального выражения факта, она бывает не между фактами, но между пропозициями. Если я говорю: ' p несовместимо с q ', по крайней мере одно из них, p или q должно быть ложным. Ясно, что несовместимыми являются не два факта. Несовместимость имеет место *между пропозициями*, между p и q , а стало быть, если вы продолжаете рассматривать несовместимость как фундаментальный факт, вы должны при объяснении отрицания рассматривать как фундаментальный факт и нечто входящее в пропозиции как противоположное фактам. Совершенно ясно, что пропозиции - это не то, что вы можете назвать 'реальным'. Если вы создаёте описание мира, пропозиции не будут входить в это описание. В него будут входить факты, убеждения, желания, волеизъявления, но пропозиции - нет. Их бытие не является независимым, так что подобная несовместимость пропозиций, взятая как предельный факт реального мира, требует значительной обработки, множества добавок до того, как она станет таковой. Поэтому я не считаю несовместимость действительно очень удачным упрощением для того, чтобы избавиться от отрицательных фактов. Я думаю, вы найдёте, что проще признать отрицательные факты как факты и предположить, что 'Сократ не жив' действительно является объективным фактом в том же самом смысле, в котором объективным фактом является 'Сократ - человек'. Теория м-ра Демоса, изложенная мной здесь, является развитием теории, на которую натыкаются сразу же, когда пытаются обойти отрицательные факты, но по указанным мной причинам я не думаю, что она действительно подходит для того, чтобы рассматривать вещи таким способом, и считаю, что в конце концов лучше допустить отрицательные факты. Иначе вы найдёте затруднительным сказать, что же соответствует пропозиции. Когда, например, у вас есть ложная положительная пропозиция, скажем, 'Сократ жив', она является ложной благодаря факту реального мира. Ничто не может быть ложным иначе, как благодаря факту, так что вы найдёте крайне за-

труднительным сказать, что же в точности происходит, когда вы высказываете положительное утверждение, которое является ложным, если не собираетесь допускать отрицательные факты. Я думаю, все эти вопросы сложны, и всегда есть аргументы, приводимые для обоснования обоих подходов, но в целом я склоняюсь к убеждению, что существуют отрицательные факты и не существует дизъюнктивных фактов. Но отрицание дизъюнктивных фактов ведёт к определённым трудностям, которые мы рассмотрим в связи с общими пропозициями в одной из последующих лекций.

Дискуссия

Вопрос: Вы рассматриваете пропозицию 'Сократ умер' как положительный или как отрицательный факт?

М-р Рассел: Отчасти это отрицательный факт. Высказывание, что человек умер, усложнено. В свёрнутом виде в нём содержится два высказывания: 'Сократ был жив' и 'Сократ не является живым'.

Вопрос: Придаёт ли ему формальный характер отрицательного введение в него слова 'не', и наоборот?

М-р Рассел: Нет. Я думаю вам необходимо перейти к значениям слов.

Вопрос: Мне подумалось, что есть большая разница между высказыванием 'Сократ жив' и высказыванием 'Сократ не является живым человеком'. Я думаю возможно то, что можно было бы назвать отрицательным существованием, и что есть вещи, о которых мы не в состоянии иметь знание. Сократ несомненно жил, но он более не удовлетворяет условиям жизни как человек.

М-р Рассел: Я не занимался вопросом о существовании после смерти, но просто беру слова в их повседневном значении.

Вопрос: В чём точно заключается ваш критерий того, какая, положительная или отрицательная, пропозиция перед вами?

М-р Рассел: Формальный критерий отсутствует.

Вопрос: Если бы у вас был формальный критерий, не следовало бы из этого, что вы знаете, существуют отрицательные факты, или же нет?

М-р Рассел: Я думаю, нет. В совершенном логическом языке, который я набросал в теории, всегда сразу же очевидно, является ли пропозиция положительной или отрицательной. Но это не имеет отношения к тому, как вы собираетесь интерпретировать отрицательные пропозиции.

Вопрос: Является ли существование отрицательных фактов чем-то большим, чем просто определением?

М-р Рассел: Я думаю, да. Мне кажется, дело метафизики описывать мир, и, по-моему мнению, вопрос о том, должно или нет упоминать в полном описании мира отрицательные факты, - это реальный, определённый вопрос.

Вопрос: Как вы определяете отрицательный факт?

М-р Рассел: Если верно, что отрицательность предельна, то вы не сможете дать общего определения.

IV. ПРОПОЗИЦИИ И ФАКТЫ БОЛЕЕ ЧЕМ С ОДНИМ ГЛАГОЛОМ; УБЕЖДЕНИЯ И Т.Д.

Вспомните, что после того, как речь шла об атомарных пропозициях, я указал две более сложные формы пропозиций, которые непосредственно возникают при дальнейшем продвижении: *во-первых*, пропозиции, включающие такие слова, как 'или', 'и', 'если', которые я называю молекулярными и которые рассматривал в прошлый раз, и, *во-вторых*, пропозиции, включающие два или более глагола, такие как убеждение, желание, волеизъявление и т.д. В случае молекулярных пропозиций было не понятно, должны ли мы иметь дело с какими-то новыми формами фактов или же только с новой формой пропозиции, т.е. если у вас есть дизъюнктивная пропозиция, такая как ' p или q ', по-видимому, не очень удачно сказать, что в мире существует дизъюнктивный факт, соответствующий ' p или q ', но просто есть факт, соответствующий p , и факт, соответствующий q , а истинность или ложность дизъюнктивной пропозиции производна от этих двух отдельных фактов. Следовательно, в данном случае дело имеют только с новой формой пропозиции, а не с новой формой факта. Сегодня нас будет интересовать новая форма факта.

Я думаю можно описать философскую логику, философскую часть логики, т.е. ту часть, которую я рассматриваю в этих лекциях с Рождества (1917), как опись, или, если вам нравится более скромное слово, 'зоопарк', содержащий все различные формы, которыми могут обладать факты. Я предпочёл бы говорить 'формы фактов', а не 'формы пропозиций'. Если продолжить данный анализ формы фактов применительно к случаю молекулярных пропозиций, интересовавших меня в прошлый раз, то нужно было бы иметь дело с *убеждением* в молекулярной пропозиции, а не с ней самой. Согласно той разновидности реалистического пристрастия, которым я приправил бы все исследования метафизики, я всегда желал бы заниматься изучением некоторого действительного факта или множества фактов, и мне кажется, что логике это свойственно

в той же степени, как и зоологии. В логике вас интересуют формы фактов, обнаружение различных видов фактов, различных *логических* видов фактов, существующих в мире. Итак, сегодня я хочу указать, что факты, имеющие место, когда кто-либо убеждён, желает или волеизъявляет, обладают логической формой, отличной от атомарных фактов, которые содержат единственный глагол и с которыми я имел дело во второй лекции. (Существует, конечно, изрядное количество форм, которыми факты могут обладать, определённо бесконечное количество, и мне бы не хотелось, чтобы вы предполагали, что я претендую рассмотреть их все.) Предположим, вы берёте какой-то действительный случай убеждения. Мне хочется, чтобы вы поняли, что я не говорю об убеждениях так, как в теории познания речь идёт о суждениях, где вы сказали бы, что существует *такое* суждение, как два плюс два равно четыре. Я говорю о действительном случае убеждения в сознании отдельного человека в отдельный момент времени, и обсуждаю, к какой разновидности фактов относится этот факт. Если я спрашиваю: 'Какой сегодня день недели?', и вы отвечаете: 'Вторник', в вашем сознании в данный момент имеет место убеждение, что сегодня вторник. То, с чем я сегодня хочу иметь дело, это вопрос: "Какова форма факта, случающегося, когда человек имеет убеждение? Вы, конечно, видите, очевидно первым понятием, к которому естественно приходят, было бы то, что убеждение есть отношение к пропозиции. 'Я убеждён в пропозиции *p*'. 'Я убеждён, что сегодня вторник'. 'Я убеждён, что два плюс два равно четыре'. Что-то подобное этому. На первый взгляд кажется, как если бы здесь у вас было отношение субъекта убеждения к пропозиции. Эта точка зрения не работает по различным причинам, до которых я дойду. Но, поэтому, вам нужна теория убеждения, которая отличается от данной. Возьмём любую разновидность пропозиции, скажем, 'Я убеждён, что Сократ смертен'. Предположим, что это убеждение действительно имеет место. Высказывание о том, что оно имеет место, есть высказывание факта. Здесь у вас имеется два глагола. У вас может быть более двух глаголов, у вас может быть какое угодно количество глаголов более одного. Я могу быть убеждён, что у Джона есть мнение, что Сократ смертен. Здесь более двух глаголов. Количество глаголов может быть каким угодно, но не менее двух. Заметьте, что не только пропозиция включает два глагола, но также и факт, выраженный пропозицией, имеет две конституенты, которые соответствуют глаголам. Краткости ради я буду называть эти конституенты глаголами, поскольку очень трудно найти какое-то слово, чтобы описать все те объекты, которые обозначаются глаголами. Конечно, слово 'глагол' здесь определён-

но используется в двух различных смыслах, но я не думаю, что это может привести к какой-то путанице, если вы понимаете, что оно используется таким способом. Этот факт (убеждение) представляет собой один факт. Он не похож на то, что у вас было в молекулярных пропозициях, где у вас было (скажем) '*p* или *q*'. То, что у вас имеется убеждение, это именно один единственный факт. На основании факта очевидно, что вы можете быть убеждены во лжи. На основании факта ложного убеждения очевидно, что вы не в состоянии вычленил одну часть: у вас не может быть

Я убеждён / Сократ смертен.

Есть определённые вопросы, возникающие относительно таких фактов, и первым встаёт вопрос: Являются ли они несомненными фактами или вы можете некоторым способом редуцировать их к отношениям других фактов? Нужно ли действительно предполагать, что существуют нередуцируемые факты, имеющие такой тип вербального выражения? До достаточно недавнего времени я определённо не предполагал, что относительно этого вопроса могут возникнуть какие-либо сомнения. До достаточно недавнего времени мне на самом деле не казалось, что этот пункт спорен. Я всё ещё убеждён, что есть факты такой формы, но я вижу, что это существенный вопрос, требующий обсуждения.

1. Являются ли убеждения и т.п. нередуцируемыми фактами?

Выражение 'и т.п.' охватывает понимание пропозиции; оно охватывает желание, волеизъявление, любую другую установку того типа, о которой вы можете думать как о затрагивающей пропозицию. Кажется естественным, когда говорят, что кто-то убеждён в пропозиции, и неестественным, когда говорят, что кто-то желает пропозицию, но в сущности это только предрассудок. То, в чём вы убеждены, и то, чего вы желаете, имеет в точности одинаковую природу. Вы можете желать получить завтра некоторое количество сахара и, конечно, можете быть убеждены, что вы его получите. Я не уверен, что в случае воли логическая форма такая же. Я склонен думать, что в отношении направленности на факт случай с волей в большей степени аналогичен случаю с восприятием и исключает возможность лжи. Во всяком случае желание и убеждение логически имеют в точности одинаковую форму.

Представители прагматизма и некоторые американские реалисты (школа, которую называют нейтральным монизмом) в общем отрицают, что существует такой феномен, как убеждение в том смысле, в каком его рассматриваю я. Они не отрицают этого на

словах, они не используют тот же самый тип языка, которым пользуюсь я, а это создаёт трудности для сравнения их взглядов со взглядами, о которых я веду речь. В действительности, до того как можно будет установить пункты сходства и различия, нужно перевести то, что они говорят, на язык более или менее аналогичный нашему. Взяв работы Джеймса в его *Очерках радикального эмпиризма** или Дьюи в его *Очерках экспериментальной логики**, вы обнаружите, что они вообще отрицают существование такого феномена, как убеждение в том смысле, в котором о нём говорю я. Они используют слово 'убеждение', но подразумевают нечто иное. Вы встретитесь с точкой зрения, называемой 'бихевиоризм', согласно которой, если вы говорите, что человек в чём-то убеждён, то имеете в виду, что он ведёт себя определённым образом; и это согласуется с прагматизмом Джеймса. Джеймс и Дьюи сказали бы: 'Когда я убеждён в пропозиции, это означает, что я действую определённым образом, что моё поведение имеет определённые характеристики, и моё убеждение является истинным, если поведение приводит к желаемому результату, и ложным, если - нет.' Последнее, в случае верности, делает их прагматизм совершенно рациональным объяснением истины и лжи, если вы принимаете их точку зрения, что убеждение как обособленный феномен не существует. Таким образом, это первое, что мы должны рассмотреть. Обсуждение данного предмета, как он того заслуживает, увело бы меня слишком далеко от логики, потому что он принадлежит психологии и с логикой соотносится только тем, что вызывает сомнения, существуют ли какие-нибудь факты, имеющие логическую форму, о которой я говорил. В вопросе о логической форме, включающей два и более глагола, вы получаете любопытное переплетение логики с эмпирическими исследованиями. Конечно, в определённой степени где-то ещё может случиться так, что эмпирические исследования дают вам пример того, что обладает определённой логической формой, и вы не можете действительно убедиться в существовании того, что обладает данной логической формой, иначе как нахождением примера, а само нахождение примера является эмпирическим. Следовательно, в некоторой степени эмпирические факты соприкасаются с логикой в определённых пунктах. Я думаю, теоретически может быть известно, что существуют такие формы без знания их примеров, но практически, как мы склонны считать, это, по-видимому, не встречается. Практически, если вы не в состоянии найти пример формы, то вы и не знаете, что данная форма существует. Если я не могу найти пример, содержащий два или более глагола, у вас нет причины поверить теории, что такая форма существует.

Когда вы прочитаете работы авторов типа Джеймса и Дьюи на тему убеждения, вас сразу же удивит, что тот тип вещей, которые они мыслят как объект убеждения, совершенно отлично от того, что мысляю я. Они всегда мыслят его как предмет. Они считают, что когда вы верите в Бога или Гомера, вы верите в объект. Это тот образ, который они держат у себя на уме. При обыкновенной манере говорить, выражаться таким способом довольно обычно, и они сказали бы, что при первом грубом приближении их предположением было бы, что ваше убеждение правильно, когда такой объект существует, и ложно в противном случае. Я имею в виду не то, что они сказали бы именно так, но что они начали бы с этой приблизительной точки зрения. По-видимому, они не ухватывают того, что объективная сторона убеждения выражается пропозицией лучше, чем единственным словом, что, я думаю, имеет много общего с их целостным взглядом на тот предмет, из чего состоит убеждение. С их точки зрения объект убеждения в общем представляет собой не отношения между предметами, или предметы, имеющие качества, или что-то ещё, но как раз отдельные предметы, которые могут или не могут существовать. Этот взгляд представляется мне радикально и абсолютно ошибочным. *Во-первых*, существует большое количество суждений, которые вы не сможете втиснуть в эту схему и, *во-вторых*, это взгляд вероятно не способен дать какого-либо объяснения ложным убеждениям, потому что, когда вы убеждены, что предмет существует, а он не существует, то его нет, он - ничто, и анализ, рассматривающий ложное убеждение как отношение к тому, что на самом деле ничто, не может быть правильным. Это возражение на предположение о том, что убеждение просто-напросто состоит в отношении к объекту. Очевидно, если вы говорите: 'Я верю в Гомера', а такого человека как Гомер нет, ваше убеждение не может быть отношением к Гомеру, поскольку 'Гомер' не существует. Каждый факт, имеющий место в мире, должен быть полностью составлен из существующих конститuent, а не из конститuent, которые не существуют. Следовательно, когда вы говорите: 'Я верю в Гомера', не может быть правильным анализ вещи, полагающий её таким способом. К тому, что представляет собой правильный анализ, я подойду в теории дескрипций. Я возвращаюсь теперь к теории бихевиоризма, о которой говорил немного ранее. Предположим, например, вас уверили, что в 10.25 есть поезд. Это означает, вам сказали, что вы отправитесь со станции в определённое время. На подходе к станции, вы видите, что уже 10.24, и бежите бегом. Такое поведение конституирует ваше убеждение, что в это время есть поезд. Если, передвигаясь бегом вы захватили поезд, ваше убеждение было истинным. Если

же поезд отбыл в 10.23, то вы на него опоздали, и ваше убеждение было ложным. Это то, что, как сказали бы они, конституирует убеждение. Нет единственного состояния сознания, заключающегося в постоянной проверке того, что поезд отбывает в 10.25. Они же применяют это даже к самым абстрактным предметам. Сам я не считаю, что этот взгляд прочен. Его трудно опровергнуть, поскольку он очень глубоко укоренён, и возникает чувство, что если размышлять над ним достаточно долго и удовлетворительно продумать все его следствия, вероятно, можно найти, что этот взгляд приемлем, но, однако, я не *чувствую* его таковым. Конечно, он тесно связан с теорией нейтрального монизма, с теорией, что материальное конституирование ментального есть то же самое, что и материальное конституирование физического, подобно адресной книге, сообщающей вам о людях, упорядоченных географически и в алфавитном порядке. Эта целостная теория тесно связана с той. Я имею в виду не то, что все те, кто признаёт одну теорию, признаёт и другую, но то, что они сущностно взаимосвязаны. Если вы собираетесь принять эту точку зрения, вы должны объяснить убеждение и желание, потому что вещи такого типа кажутся ментальными феноменами. Они, по-видимому, довольно далеко отстоят от того, что происходит в физическом мире. Следовательно, приступая к работе над объяснением таких вещей, как убеждение, их будут редуцировать к поведению тела; и ваше убеждение в определённой пропозиции будет заключаться в поведении вашего тела. В самых приблизительных терминах это то, к чему сводится такая точка зрения. Она предоставляет вам возможность очень хорошо обойтись без разума. Истина и ложь в этом случае заключается в отношении вашего телесного поведения к определённому факту, к той разновидности отстоящего факта, который, так сказать, является целью вашего поведения, и когда ваше поведение в отношении этого факта удовлетворительно, ваше убеждение истинно, а когда ваше поведение в отношении этого факта неудовлетворительно, ваше убеждение ложно. Логическая сущность этой точки зрения будет заключаться в отношении между двумя фактами, обладающими одной и той же разновидностью формы, как причинном отношении, т.е., с одной стороны, одним фактом будет ваше телесное поведение а, с другой стороны, фактом будет то, что поезд отправляется в такое-то и такое-то время, который является другим фактом, и из отношения этих двух фактов конституируется целостный феномен. То, что вы получите, логически будет той же самой формы, которой вы обладаете в причине, где 'этот факт является причиной того факта'. Это логическая форма, совершенно отличная от фактов, содержащих два глагола, о которой я говорю сегодня.

Естественно, я расположен в пользу теории нейтрального монизма, поскольку она служит примером бритвы Оккама. Я всегда хотел продвигаться в философии с наименее возможным аппаратом, отчасти потому, что он уменьшает опасность ошибки, поскольку нет необходимости отрицать сущности, вами не утверждаемые, а следовательно, вы тем меньше подвержены опасности ошибки, чем меньше сущностей утверждаете. Другая причина - вероятно несколько легкомысленная - заключается в том, что любое уменьшение количества сущностей увеличивает количество работы для математической логики, сооружающей те вещи, которые выглядят как сущности, которые вы обычно допускаете. Следовательно, теория нейтрального монизма в целом мне нравится, но я до сих пор нахожу слишком значительные трудности, чтобы поверить в неё. Обсуждение всего вопроса вы найдёте в нескольких статьях, написанных мной для журнала *Monist*, особенно за июль 1914, а также в двух предыдущих номерах*. На самом деле я скорее хотел бы переписать их, поскольку считаю, что некоторые использованные мной аргументы против нейтрального монизма не обоснованы. Больше всего я опирался на аргументы об 'эмфатических [emphatic] индивидах', на слова 'это', 'я', на весь тот класс слов, которые вычленяют определённых индивидов из универсума посредством своего отношения к чему-либо, и, я думаю, посредством того, что они или относящиеся к ним индивиды присутствуют для вас в тот момент, когда вы говорите. Конечно, слово 'это' есть то, что я называю 'эмфатическим индивидом'. Оно просто представляет собой собственное имя для присутствующего объекта внимания, собственное имя, которое ничего не обозначает. Оно двусмысленно, потому что объект внимания конечно всегда изменяется от момента к моменту и от человека к человеку. Я думаю, если вы вообще избавитесь от сознания, крайне трудно будет объяснить, что же подразумевается вами под таким словом, как 'это', которое приводит к отсутствию беспристрастности. Вы сказали бы, что в чисто физическом мире должна быть полная беспристрастность. Каждый отрезок времени и каждая часть пространства, видимому, в равной степени эмфатичны. Но на самом деле случается так, что мы вычленяем определённые факты, прошлое и будущее и тому подобное; все они концентрически расходятся от 'это', и сам я не вижу, каким образом на основе нейтрального монизма можно обращаться с понятием 'это'. Я не утверждаю этого догматически, я просто не вижу, что тут можно сделать. В оставшейся части лекции я буду предполагать, что такие факты, как убеждения, желания и т.д., существуют. На самом деле, полное прояснение этого вопроса заняло бы весь мой курс. Таким образом,

от данного экскурса в психологию, за который я приношу извинения, мы возвращаемся к более чисто логическим вопросам.

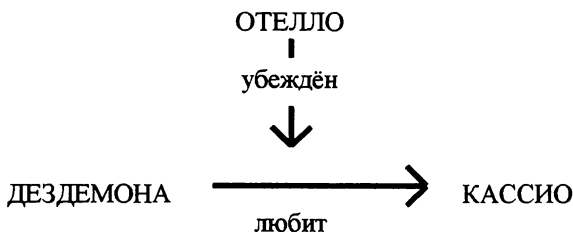
2. Каков статус *p* в 'Я убеждён, что *p*'?

Вы не можете сказать, что убеждены в *фактах*, поскольку ваши убеждения иногда являются ошибочными. Вы можете сказать, что *воспринимаете* факты, поскольку восприятие не подвержено ошибке. Ошибка невозможна там, где затрагиваются только факты. Стало быть, вы не можете сказать, что убеждены в фактах. Вы должны говорить, что убеждены в пропозициях. Неудобство этого в том, что пропозиции, очевидно, суть ничто. Следовательно, такое рассмотрение предмета не может быть правильным. Когда я говорю: 'Пропозиции, очевидно, суть ничто', это, вероятно, не совсем очевидно. Было время, когда я думал, что пропозиции существуют, но мне кажется не совсем правдоподобно говорить, что вдобавок к фактам существуют также такие странные, призрачные вещи, типа 'что сегодня среда', когда на самом деле сегодня вторник. Я не верю, что они есть в реальном мире. Это превосходит то, во что можно суметь поверить, и я не думаю, что человек с живым чувством реальности мог бы это вообразить. Одно из затруднений в изучении логики заключается в том, что она представляет собой исключительно абстрактное исследование, имеющее дело с самыми абстрактными вещами, которые только можно представить, и однако вы не сможете заниматься ею надлежащим образом, если у вас отсутствует живой инстинкт в отношении того, что является реальным. В логике этот инстинкт должен быть довольно хорошо развит. Я думаю, в противном случае вы придёте к фантастическим результатам. Я думаю, этот инстинкт реальности как раз в достаточной степени отсутствует у Мейнонга*. Мейнонг утверждает, что есть такой объект как круглый квадрат, только он не существует, он даже не влачит существование, но тем не менее такой объект есть; и когда вы говорите: 'Круглый квадрат - это фикция', он рассматривает это так, что есть такой объект 'круглый квадрат' и есть такой предикат 'фикция'. Никто, обладающий чувством реальности, не анализировал бы эту пропозицию таким образом. Он видел бы, что данная пропозиция требует такого анализа, при котором вы не должны рассматривать круглый квадрат как конституенту этой пропозиции. Предполагать, что в действительном мире природы существует целое множество ложных пропозиций, по моему мнению, чудовищно. Я не могу склониться к такому предположению. Я не могу поверить, что они есть в том смысле, в каком есть факты. Мне кажется, что факт 'Сегодня вторник' нахо-

дится на другом уровне реальности, нежели предположение, 'что сегодня среда'. Когда я говорю о пропозиции 'что сегодня среда', я не имею в виду то, что произойдёт в грядущем состоянии разума, в котором вы будете думать, что сегодня среда, но говорю о теории, что существует нечто вполне логичное, нечто не входящее в разум каким-либо способом; и я не думаю, что в качестве такой вещи вы можете взять ложную пропозицию. Я считаю, что ложная пропозиция, где бы она не встречалась, должна быть подвергнута анализу, должна быть разложена на части, растаскана на кусочки, оказывающиеся просто отдельными частями одного факта, относительно которого анализируется ложная пропозиция. Я говорю так просто на основании того, что назвал бы инстинктом реальности. Я должен сказать пару слов о 'реальности'. Это - тёмное слово, и в большинстве своём его употребления неправильны. Когда я, как сейчас, веду речь о реальности, я смогу лучше объяснить то, что подразумеваю, если скажу, что подразумеваю всё то, что вы должны были бы упомянуть в полном описании мира; это будет передавать вам то, что я имею в виду. Итак, я не считаю, что ложные пропозиции должны упоминаться в полном описании мира. Ложные убеждения упоминались бы, разумеется, упоминались бы и ложные предположения и несбывшиеся желания, но только вовсе не ложные пропозиции, и, стало быть, когда, как говорят, вы убеждены в ложной пропозиции, это не может быть точным отчётом о том, что происходит. Не правильно будет сказать: 'Я убеждён в пропозиции p ' и рассматривать происходящее как двухместное отношение между мной и p . Логическая форма как раз одинакова, убеждены ли вы в ложной или истинной пропозиции. Поэтому во всех случаях вы не должны рассматривать убеждение как двучленное отношение между вами и пропозицией, а должны анализировать пропозицию и трактовать ваше убеждение иначе. Поэтому убеждение на самом деле не содержит пропозицию как конституенту, но как конституенты содержит только конституенты пропозиции. Когда вы убеждены, вы не можете сказать: 'Что же такое то, в чём вы убеждены?' На этот вопрос нет ответа, т.е. нет единственного предмета, в котором вы убеждены. 'Я убеждён, что сегодня вторник.' Вы не должны предполагать, 'что сегодня вторник' - это единственный объект, в котором я убеждён. Это было бы ошибкой. Такой способ анализировать происходящее не верен, хотя такой анализ лингвистически удобен, и его можно придерживаться, если только известно, что он не правилен.

3. Каким образом мы будем описывать логическую форму убеждения?

Я хочу попытаться дать описание способа, которым создаётся убеждение. Это вовсе не лёгкий вопрос. Вы не способны создать то, что я назвал бы пространственной картой убеждения. Вы сможете сделать карту атомарного факта, но не убеждения, по той простой причине, что пространственные отношения всегда являются разновидностью атомарных отношений или их усложнениями. Я попытаюсь проиллюстрировать то, что имею в виду. Дело связано с существованием в суждении двух глаголов и с тем фактом, что оба глагола должны встречаться как глаголы, поскольку, если нечто является глаголом, оно не может встречаться иначе, чем глагол. Предположим, я беру пропозицию 'А убеждён, что В любит С'. 'Отелло убеждён, то Дездемона любит Кассио.' Здесь вы имеете ложное убеждение. Вы имеете то странное состояние дел, когда глагол 'любит' встречается в этой пропозиции и, по-видимому, встречается как отношение Дездемоны к Кассио, тогда как фактически это не так, и тем не менее он встречается как глагол, его вхождение как раз того типа, как у глагола. Я имею в виду, что, когда А убеждён, что В любит С, у вас должен быть глагол в том месте, где встречается 'любит'. Вы не можете подставить на это место существительное. Стало быть, ясно, что подчинённый глагол (т.е. глагол иной, чем убеждение) функционирует как глагол, и, по-видимому, соотносит два члена, но на самом деле, когда суждению случается быть ложным, это не так. Это - то, что конституирует загадку о природе убеждения. Заметьте, что как бы действительно близко не соприкасаться с теорией ошибки, остаётся загадкой, как обращаться с ошибкой, не предполагая существования несуществующего. Я имею в виду, что любая теория ошибки раньше или позже разрушается предположением о существовании несуществующего. Так, когда я говорю 'Дездемона любит Кассио', кажется, как если бы вы имели несуществующую любовь между Дездемоной и Кассио, но это также ошибочно как и несуществующий единорог. Поэтому вы должны объяснить всю теорию суждения некоторым другим способом. Я подхожу теперь к вопросу о карте. Предположим, вы пробуете карту типа следующей:

Вопрос об изготовлении карты не так необычен, как можно предположить, поскольку она является частью целостной теории символизма. Важно осознать, где и как символизм такого типа был бы ошибочен; последнее заключается в том, что в данном символе у вас есть такое отношение, которое соотносит эти два предмета, а в факте оно на самом деле их не соотносит. Вы не можете получить в пространстве какие-либо обстоятельства, имеющие логически одинаковую форму с убеждением. Говоря 'логически одинаковую форму', я имею в виду, что одну можно получить из другой, заменив конститuent последней новыми членами. Если я говорю 'Дездемона любит Кассио', то последнее имеет ту же самую форму, как и 'А расположено справа от В'. Они обладают одной и той же формой, и я говорю, что в пространстве не встречается ничего такого, что имеет такую же форму, как убеждение. Здесь я получил нечто новое, нового зверя для нашего зоопарка, не другого представителя тех видов, которые у нас уже были, но новый вид. Открытие этого факта принадлежит м-ру Витгенштейну*.

С логической точки зрения убеждение содержит много странного. Одна из таких странностей в том, что вы можете верить в пропозиции всех типов форм. Я могу быть убеждённым в том, что 'Это - белое', и что 'Дважды два равно четыре'. Они обладают совершенно различными формами, и, тем не менее, можно верить и в то и в другое. Действительные обстоятельства в этих двух случаях вряд ли могут точно совпадать по логической форме, поскольку слишком отличаются по форме пропозиции убеждения. Поэтому должно казаться, что убеждение не может строго логически быть одним во всех различных случаях, но должно отличаться согласно природе пропозиции, в которой вы убеждены. Если у вас есть 'Я убеждён, что p ' и 'Я убеждён, что q ', эти два факта (если p и q не обладают одной и той же логической формой) различаются по логической форме в том смысле, о котором я только что говорил, в том смысле, что из 'Я убеждён, что p ' нельзя получить 'Я убеждён, что q ' заменой конститuent одного конститuentами другого. Это подразумевает, что само убеждение не может трактовать-

ся как соответствующий вид с одним членом. Убеждение действительно должно иметь различные логические формы, в соответствие с природой того, во что верят. Так что видимое сходство убеждений в различных случаях более или менее иллюзорно.

На самом деле в том предмете, который я как раз сейчас обсуждаю, есть два главных момента, на которые требуется указать. *Первый* - это невозможность трактовки пропозиций, в которые верят, в качестве независимых сущностей, выступающих как единство в обстоятельствах убеждения, и *второй* - это невозможность постановки субординированного глагола на уровень его членов как объектного члена в убеждении. Это - тот пункт, в котором, я думаю, теория суждения, однажды изложенная мной в печати несколько лет назад*, не была должным образом простой, потому что тогда я трактовал объектный глагол так, как если бы его подобно членам полагали так же как объект, как если бы 'любит' можно было поместить на один уровень с Дездемоной и Кассио, как член для отношения 'верить'. Вот почему сегодня в этой лекции я особо подчёркивал, что существуют по крайней мере два глагола. Я надеюсь, вы простите, что многое из сказанного мной сегодня является предварительным и состоит в указании затруднений. Предмет не слишком прост и не может долго рассматриваться или обсуждаться. Практически до совсем недавнего времени никто не принимался за рассмотрение проблемы природы убеждения с помощью чего-то подобного надлежащему логическому аппарату и, следовательно, логический аппарат очень мало сможет помочь в каком-либо обсуждении, а потому во многих пунктах в настоящее время остаётся довольствоваться скорее указанием затруднений, чем формулировкой совершенно ясных решений.

4. Вопрос терминологии

Какое имя мы должны дать глаголам типа 'верить', 'хотеть' и т.п.? Я склонен называть их 'пропозициональными глаголами'. Это просто название, предлагаемое для удобства, потому что они суть глаголы, обладающие *формой* отношения объекта к пропозиции. Как я объяснял, это не то, что они делают на самом деле, но их удобно называть пропозициональными глаголами. Разумеется, вы можете называть их 'установками', но мне это не нравится, поскольку это термин психологии, и хотя все примеры в нашем случае психологические, нет причины предполагать, что все глаголы, о которых я говорил, являются психологическими. Нет никакой причины делать такое предположение. Всегда можно вспомнить бесконечные атрибуты, приписываемые Богу Спинозой. Вполне

вероятно, что в мире существуют аналоги его бесконечных атрибутов. Нам они не известны, но нет причины предполагать, что ментальное и физическое исчерпывает весь универсум, поэтому нельзя сказать, что все примеры любой логической разновидности имеют такую-то и такую-то нелогическую природу: для этого нет достаточных знаний о мире. Следовательно, я не предполагаю, что все глаголы, имеющую форму, примером которой служат убеждение и волеизъявление, являются психологическими. Я могу сказать только обо всех тех, которые мне известны.

Замечу, что согласно намеченному мной плану, сегодня я собирался рассматривать истину и ложь, но не многое можно сказать о них, в особенности о том, каким образом они всякий раз получаются. Прежде всего истинной или ложной считают пропозицию, а пропозиция - это ничто. Но убеждение является истинным или ложным таким же образом, как и пропозиция, так что в мире у вас есть факт, являющийся истинным или ложным. Несколько ранее я говорил, что среди фактов нет различения истины и лжи, но в отношении того особого класса фактов, который мы называем 'убеждения', оно есть в том смысле, что убеждение, имеющее место, может быть истинным или ложным, хотя оно в обоих случаях в равной степени является фактом. Можно назвать желания ложными в том самом смысле, когда желают чего-то неосуществимого. Истинность или ложность зависит от входящей пропозиции. Я склонен думать, что восприятие в противоположность убеждению выходит на факт прямо, а не через пропозицию. Воспринимая факт, вы конечно не приходите к ошибке, потому что в тот момент, когда факт является вашим объектом, ошибка исключена. Я думаю, что верификация как к последнему средству всегда редуцируется к восприятию фактов. Поэтому логическая форма восприятия будет отличаться от логической формы убеждения как раз из-за того обстоятельства, что в него входит факт. Это также вызывает ряд логических затруднений, которые я не предполагаю развивать, но думаю, вы сами сможете увидеть, что восприятие, как и убеждение, тоже затрагивает два глагола. Я склонен считать, что волеизъявление логически отличается от желания способом, точно аналогичным тому, которым восприятие отличается от убеждения. Но обсуждение этой точки зрения увело бы нас слишком далеко от логики.

V. ОБЩИЕ ПРОПОЗИЦИИ И СУЩЕСТВОВАНИЕ

Сегодня я собираюсь говорить об общих пропозициях и существовании. Эти два предмета действительно взаимосвязаны; они

относятся к одной и той же теме, хотя на первый взгляд может показаться, что это не так. Все пропозиции и факты, о которых я говорил до сих пор, таковы, что затрагивали только совершенно определённые индивиды, отношения, качества или вещи такого рода, никогда не затрагивая тот тип неопределённых предметов, на которые ссылаются посредством неопределённого артикля и таких слов, как 'все', 'некоторый', 'любой', и к этой разновидности пропозиций и фактов я приступаю сегодня.

На самом деле все пропозиции того типа, о котором я собираюсь говорить сегодня, собираются в две группы - *первая*: обо 'всех' и *вторая*: о 'некоторых'. Эти две разновидности взаимосвязаны; они являются отрицаниями друг друга. Если, например, вы говорите: 'Все люди смертны', это будет отрицанием того, что 'Некоторые люди бессмертны'. В отношении общих пропозиций различие утвердительного и отрицательного произвольно. Собираетесь ли вы рассматривать пропозицию обо 'всех' как утвердительную, а пропозицию о 'некоторых' как отрицательную, или наоборот, исключительно дело вкуса. Например, если я говорю: 'По дороге мне никто не встретился', по внешнему виду этой пропозиции вы подумали бы, что она является отрицательной. На самом деле эта пропозиция конечно же обо 'всех', т.е. 'Все люди находятся среди тех, кого я не встретил'. Если, с другой стороны, я говорю: 'По дороге я встретил человека', вы нашли бы эту пропозицию утвердительной, тогда как её отрицанием будет: 'Все люди находятся среди тех, кого я не встретил по дороге'. Рассматривая пропозиции типа 'Все люди смертны' и 'Некоторые люди бессмертны', вы можете сказать, что более естественно брать общие пропозиции как утвердительные, а пропозиции о существовании как отрицательные, но просто потому что совершенно произвольно, что должно выбрать, лучше забыть эти слова и говорить только об общих пропозициях и пропозициях, утверждающих существование. Все общие пропозиции отрицают существование того или иного. Если вы говорите: 'Все люди смертны', это отрицает существование бессмертного человека и т.д.

Я хочу подчеркнуть, что общие пропозиции должны интерпретироваться как не затрагивающие существования. Когда, например, я говорю: 'Все греки являются людьми', я не хочу, чтобы вы предполагали, что эта пропозиция влечёт существование греков. Её необходимо подчеркнуто рассматривать как то, что не влечёт существование, которое должно быть добавлено как отдельная пропозиция. Если вы хотите интерпретировать её в этом смысле, нужно добавить ещё одно высказывание 'и греки существуют'. Последнее служит целям практического удобства. Включая факт су-

существования греков, вы сводите две пропозиции в одну, а это приводит в вашей логике к ненужному смешению, поскольку типы пропозиций, которые вам требуются, содержат и пропозиции, утверждающие существование чего-либо, и общие пропозиции, которые не утверждают существования. Если бы случилось так, что греков не было, то и пропозиция 'Все греки являются людьми', и пропозиция 'Ни один грек не является человеком' были бы истинными. Пропозиция 'Ни один грек не является человеком' - это, конечно же, пропозиция 'Все греки не являются людьми'. Если бы случилось так, что греков не было, обе пропозиции были бы истинными одновременно. Любые утверждения о всех элементах некоторого класса, не имеющего элементов, являются истинными, поскольку высказывание, противоречащее любому общему высказыванию, утверждает существование а, стало быть, в этом случае является ложным. Разумеется, такое понятие общих пропозиций, которые не затрагивают существования, отсутствует в традиционном учении о силлогизме. В традиционном учении о силлогизме предполагается, что когда у вас есть такое высказывание, как 'Все греки являются людьми', отсюда следует, что греки существуют, а это приводит к ошибкам. Например, 'Все химеры являются животными, и все химеры извергают пламя, следовательно, некоторые животные извергают пламя'. Это - силлогизм, построенный по модусу *Darapti*, но, как показывает пример, этот модус силлогизма ошибочен. Последний момент, между прочим, имеет определённый исторический интерес, поскольку он воспрепятствовал Лейбницу в его попытке построить математическую логику. Его всегда привлекала попытка построить такую математическую логику, какая сейчас есть у нас, или скорее такую, какую построил Буль*, и он всегда терпел неудачу, из-за своего почтения к Аристотелю. Всякий раз изобретая действительно хорошую систему, а это было в нескольких случаях, он всегда выявлял, что такой модус, как *Darapti*, ошибочен. Если вы говорите: 'Все A есть B , и все A есть C , следовательно, некоторые B есть C ' - если вы говорите так, вы всегда подвержены ошибке, но он не смог заставить себя поверить в ошибочность этого и поэтому начинал сначала. Это демонстрирует вам, что нельзя слишком уж почтительно относиться к выдающимся людям¹.

Итак, когда вы начинаете задаваться вопросом, что же действительно утверждается в общей пропозиции, например такой, как 'Все греки - люди', вы находите, что утверждается истина всех значений того, что я называю пропозициональной функцией. Про-

¹ См.: Couturat, *La logique de Leibniz*.

позициональная функция есть просто любое выражение, которое содержит неопределённую константу или несколько неопределённых констант и которое становится пропозицией, как только определяются неопределённые константы. Если я говорю: 'x - человек' или 'n - число', это - пропозициональные функции; таковой является любая формула алгебры, скажем, $(x + y)(x - y) = x^2 - y^2$. Пропозициональная функция есть ничто, но, как и большинство того, о чём намереваются вести речь в логике, она из-за этого не теряет своей важности. Действительно, единственное, что вы можете сделать с пропозициональной функцией, так это утверждать, что она либо всегда истинна, либо иногда истинна, либо никогда не истинна. Когда вы берёте:

'Если x - человек, то x смертен',

это всегда истинно (и тогда, когда x не является человеком, в той же степени, когда x является человеком); если вы берёте:

'x - человек',

это иногда истинно; если вы берёте:

'x - единорог',

это никогда не истинно.

Можно назвать пропозициональную функцию

необходимой, когда она истинна всегда;

возможной, когда она истинна иногда;

невозможной, когда она не истинна никогда.

Много ложной философии вырастает из смешения пропозициональных функций и пропозиций. В обычной традиционной философии есть много такого, что связано просто с приписыванием пропозициям таких предикатов, которые приложимы только к пропозициональным функциям и иногда, что ещё хуже, с приписыванием индивидуумам [individuals] предикатов, приложимых единственно к пропозициональным функциям. Случай с *необходимостью*, *возможностью*, *невозможностью* как раз такой. В любую традиционную философию входит раздел 'модальности', где *необходимость*, *возможность* и *невозможность* обсуждаются как свойства пропозиций, тогда как на самом деле они являются свойствами пропозициональных функций. Пропозиции же являются только истинными или ложными.

Если вы берёте 'х есть х', это - пропозициональная функция, являющаяся истинной при каком угодно х, т.е. необходимая пропозициональная функция. Если вы берёте 'х - человек', это - возможная пропозициональная функция. Если вы берёте 'х - единорог', это - невозможная пропозициональная функция.

Пропозиции могут быть только истинными или ложными, но пропозициональные функции обладают этими тремя возможностями. Я думаю, важно осознать, что всё учение о модальностях приложимо только к пропозициональным функциям, а не к пропозициям.

В обыденном языке пропозициональные функции затрагиваются в огромном количестве случаев, где их обычно не осознают. Например, высказывание типа 'Я встретил [какого-то] человека' [I met a man], вы можете понять совершенно правильно, не зная, кого я встретил, и фактический человек не является конституентой пропозиции. На самом деле здесь утверждается, что определённая пропозициональная функция иногда является истинной, а именно, пропозициональная функция 'Я встретил х, и х - человек'. Существует по крайней мере одно значение х, для которого она является истинной, следовательно, она - возможная пропозициональная функция. Где бы вы не встретили неопределённый артикль или слова типа 'некоторый', 'все', 'каждый', это всегда знак присутствия пропозициональной функции, так что эти вещи, так сказать, не отдалены и переделаны; они очевидны и хорошо знакомы.

Пропозициональная функция к тому же входит в такое утверждение, как 'Сократ смертен', поскольку 'быть смертным' означает 'умереть в тот или иной момент времени'. Имеется в виду, что существует момент времени, в который Сократ умрёт, и это вновь затрагивает пропозициональную функцию, а именно, что ' t - момент времени, и Сократ умрёт в момент времени t ' является возможным. Если вы скажете: 'Сократ бессмертен', последнее также будет затрагивать пропозициональную функцию. Если мы рассматриваем бессмертие, как затрагивающее существование в течение всего прошлого и в течение всего будущего, то последнее означает, что 'Если t - какой-то момент времени вообще, Сократ жив в момент времени t '. Но если мы рассматриваем бессмертие только как затрагивающее существование в течение всего будущего, интерпретация 'Сократ бессмертен' становится более сложной, а именно, 'Существует такой момент времени t , что если t' - любой момент времени, наступивший позднее t , то Сократ жив в момент времени t' '. Таким образом, когда вы начинаете переписывать надлежащим образом то, что подразумевается значительным количеством обыденных утверждений, последние оказываются немного усложнённым. 'Сократ смертен' и 'Сократ бессмертен' не проти-

воречат друг другу, поскольку и то и другое влечёт существование Сократа во времени, иначе он не был бы либо смертным, либо бессмертным. Одно высказывание говорит: 'Существует момент времени, в который он умрёт', а другое высказывание говорит: 'Какой бы момент времени вы не взяли, в этот момент времени он жив', тогда как утверждение, противоречащее утверждению 'Сократ смертен', было бы истинным, если бы такого момента времени, когда он жив, не существовало.

Неопределённая конstituента пропозициональной функции называется *переменной*.

Существование. Когда вы берёте какую-либо пропозициональную функцию и утверждаете, что она возможна, что она иногда истинна, последнее даёт вам фундаментальное значение 'существования'. Вы можете выразить его, говоря, что существует по крайней мере одно значение x , для которого данная пропозициональная функция является истинной. Это и подразумевают, когда говорят, что 'Есть люди' ['There are men'], или что 'Люди существуют' ['Men exist']. В сущности существование является свойством пропозициональной функции. Это означает, что данная пропозициональная функция истинна по крайней мере для одного случая. Если вы говорите: 'Единороги существуют', последнее будет означать, что 'Существует [некий] x такой, что x - единорог' ['There is an x , such that x is a unicorn']. Выписанная фраза излишне приближена к обыденному языку, но надлежащий способ изложить её был бы ' $(x$ - единорог) является возможным'. Мы должны иметь некоторую идею, которую не определили, и в данном случае идею о 'всегда истинном' (или 'иногда истинном') берут как идею, которая не определена, и тогда вы можете определить другую идею как отрицание данной. В некоторых случаях, по причине, к которой я в настоящий момент не буду переходить, лучше их обе брать как неопределённые. Мы получим понятие существования из понятия *иногда*, совпадающее с понятием *возможно*. Сказать, что единороги существуют, значит просто сказать, что ' $(x$ - единорог) является возможным'.

Совершенно ясно, что когда вы говорите: 'Единороги существуют', вы не говорите ничего такого, что было бы приложимо к каким-либо единорогам, которым может случиться быть, потому что на самом деле никаких единорогов нет, а стало быть, если то, что вы говорите, имело бы какое-то применение к действительным индивидуумам, оно вероятно не могло бы быть значимым, если бы не было истинным. Вы можете рассмотреть пропозицию 'Единороги существуют' и увидеть, что она является ложной. Она не бессмысленна. Конечно, если пропозиция перешла от общего понятия

единорога к индивидууму, она даже не могла бы иметь значение, если бы единорогов не существовало. Поэтому, сказав: 'Единороги существуют', вы ничего не говорите об индивидуальных предметах, и то же самое применимо, когда вы говорите 'Люди существуют'. Если вы говорите, что 'Люди существуют, и Сократ - человек, следовательно, Сократ существует', то это та же разновидность ошибки, которую вы сделали бы, сказав: 'Людей много, Сократ - человек, следовательно, Сократов много', потому что существование является предикатом пропозициональной функции или, производно, класса. Высказав в пропозициональной функции, что чего-то много, вы имеете в виду, что существует несколько значений x , её удовлетворяющих, что существует более чем одно значение; или, если вам угодно брать слово 'много' в смысле более широком, более десяти значений, более двадцати или любое число, которое вы считаете подходящим. Если все x , y и z удовлетворяют пропозициональную функцию, вы можете сказать, что данная пропозиция многочисленна, но x , y и z в отдельности не многочисленны. В точности то же самое применимо к существованию. Это значит сказать, что действительные вещи, имеющие место в мире, не существуют или, по крайней мере, это полагает существование слишком сильно, потому что выражает бессмыслицу. Сказать, что они не существуют, определённо бессмысленно, но и сказать, что они существуют, точно так же бессмысленно.

Утверждать или отрицать существование вы можете относительно пропозициональных функций. Вы не должны легко доверяться представлению, что это влечёт следствия, которые на самом деле из этого не вытекают. Если я скажу: 'Предметы, имеющие место в мире, существуют', это совершенно корректное высказывание, потому что здесь мною говорится нечто об определённом классе предметов; я веду речь о нём в том же самом смысле, в котором говорю: 'Люди существуют'. Но я не должен переходить к 'Это - предмет мира; и, следовательно, это существует'. Здесь привходит ошибка и, как вы видите, эта ошибка связана с переносом на индивидуум того, что удовлетворяет пропозициональную функцию, предиката, приложимого только к пропозициональной функции. Вы можете увидеть это различными способами. Например, вы иногда знаете, что пропозиция о существовании истинна, не зная какого-либо её примера. Вы знаете, что на Тимбукту есть люди, но я сомневаюсь, что кто-либо из вас сможет привести мне одного в пример. Следовательно, вы способны знать пропозицию о существовании, не зная какого-либо индивидуума, который делает её истинной. Пропозиции о существовании ничего не говорят о фактических индивидуумах, но только о классах или функциях.

Если придерживаться обыденного языка, сделать эту точку зрения ясной исключительно трудно, поскольку обыденный язык укоренён в определённом чувстве относительно логики, в определённом чувстве, которым обладали наши первобытные предки, и пока вы придерживаетесь обыденного языка, вы найдёте, что очень трудно отказаться от предубеждений, к которым вынуждает нас язык. Когда, например, я говорю: 'Существует [некий] x такой, что x - человек' ['There is a x such that x is a man'], это не та фраза, которую было бы предпочтительно использовать. 'Существует [некий] x ' ['There is a x '] - бессмысленно. Что же так или иначе представляет собой ['некий] x ' ['a x ']? Нет такой вещи. Единственный способ, которым вы действительно можете установить её корректно, - это изобрести новый язык *ad hoc*, и высказать утверждение, непосредственно применимое к ' x - человек', как когда говорят '(x - человек) является возможным', или изобрести специальный символ для высказывания, что ' x - человек' иногда является истинным.

Я подробно останавливаюсь на этом пункте, потому что на самом деле он имеет весьма существенную важность. Я вернусь к существованию в следующей лекции: к существованию, как оно применимо к дескрипциям, что несколько более усложненный случай, чем я обсуждаю здесь. Я думаю, почти невероятное количество ложной философии вырастает из непонимания того, что означает 'существование'.

Как я только что говорил, пропозициональная функция сама по себе есть ничто; она является просто схемой. Следовательно, в описании мира, которое я сейчас пытаюсь достичь, встаёт вопрос: Что же на самом деле соответствует ей в мире? Ясно, конечно, что общие *пропозиции* у нас есть в том же самом смысле, в котором у нас есть атомарные пропозиции. В данный момент я включаю пропозиции о существовании в общие пропозиции. У нас есть такие пропозиции, как 'Все люди смертны' и 'Некоторые люди - греки'. Но у вас есть не только такие *пропозиции*; у вас также есть такие *факты*, и здесь вы, конечно, возвращаетесь к описанию мира: что, вдобавок к индивидуальным фактам, о которых я говорил в предыдущих лекциях, есть также общие факты и факты существования. Другими словами, есть не только *пропозиции* такого типа, но также и *факты* такого типа. Это достаточно важный пункт для осознания. Вы даже не сможете получить общий факт с помощью вывода из сколь угодно многочисленных индивидуальных фактов. Старая схема полной индукции, которая обычно встречается в книгах и о которой всегда предполагают, что она совершенно надёжна и легка в противоположность популярной

индукции, эта схема полной индукции, если она не сопровождается по крайней мере одной общей пропозицией, не даёт того результата, к которому вы стремитесь. Предположим, например, вы хотите доказать таким способом, что 'Все люди смертны'. Вы предполагаете действовать по полной индукции и говорите 'А - человек, являющийся смертным', 'В - человек, являющийся смертным', 'С - человек, являющийся смертным' и т.д., пока не закончите. Вы не сможете получить таким способом пропозицию 'Все люди смертны', если не знаете, что дошли до конца. Иначе говоря, для того, чтобы на этом пути получить общую пропозицию 'Все люди смертны', у вас уже должна быть общая пропозиция 'Я перечислил всех людей'. Вы никогда не сможете получить общую пропозицию посредством вывода из одних индивидуальных пропозиций. Среди посылок у вас всегда должна быть по крайней мере одна общая пропозиция. Я думаю, это иллюстрирует различные моменты. Один, эпистемологический, заключается в том, что если имеется, как оно по-видимому и есть, знание общих пропозиций, тогда должно быть *примитивное* знание общих пропозиций (под этим я подразумеваю знание общих пропозиций, не являющееся результатом вывода), поскольку, если вы никогда не способны вывести общую пропозицию кроме как из посылок, по крайней мере одна из которых является общей, ясно, что у вас никогда не будет знания таких пропозиций посредством вывода, если не существует знание некоторых общих пропозиций, не являющееся результатом вывода. Я думаю, что разновидность способа такого познания - или скорее убеждение, что мы обладаем таким познанием - встречающееся в обыденной жизни, вероятно является очень странным. Я хочу сказать, что мы по привычке допускаем общие пропозиции, которые в высшей степени сомнительны; так, например, если кто-то пересчитал людей в этой комнате, можно предположить, что он мог видеть их всех, а последнее является общей пропозицией; и весьма сомнительно, что здесь могут быть люди под столами. Но обособленно от такого типа вещей в любой эмпирической верификации общих пропозиций у вас имеется некоторого рода допущение, которое сводится к тому, что то, чего вы не видите, нет. Конечно, это может быть не совсем так, но с определёнными ограничениями и некоторыми оговорками вы должны предположить, что если вещь не явлена вашим чувствам, то её нет. Это общая пропозиция, и только посредством таких пропозиций вы приходите к обычным эмпирическим результатам, которые получают обычными способами. Если, например, вы проводите перепись населения, то предполагаете, что людей, которых вы не наблюдаете, нет, при условии, что вы действуете тщательно и надлежащим образом,

иначе перепись была бы ошибочной. Некоторые допущения такого типа должны лежать в основе того, что кажется чисто эмпирическим. Вы не сможете эмпирически доказать, что то, чего вы не воспринимаете, нет, потому что эмпирическое доказательство состояло бы в восприятии, а, по предположению, это вами не воспринимается, так что любая пропозиция такого типа, если она признаётся, должна признаваться на основании своей собственной очевидности. Я рассматриваю это только как иллюстрацию. Есть много других иллюстраций, где можно взять разновидность пропозиций, которые обычно предполагаются, и многие из них с очень малым оправданием.

Сейчас я приступаю к вопросу, ближе связанному с логикой, а именно, к причинам, по которым предполагают, что общие факты существуют, также как и общие пропозиции. Когда мы обсуждали молекулярные пропозиции, я заронил сомнение в предположение, что существуют молекулярные факты, но я не думаю, что могут быть сомнения в существовании общих фактов. Я думаю, совершенно ясно, что когда вы перечислили все атомарные факты в мире, ещё один факт о мире заключается в том, что это все существующие в мире атомарные факты, а последнее объективный факт о мире в той же степени, как и любой из них. Я думаю, ясно, что вы должны допустить общие факты как отличную форму сверх и помимо индивидуальных фактов. То же самое применимо и к 'Все люди смертны'. Когда вы рассмотрели всех отдельных имеющих место людей и нашли, что каждый из них в отдельности смертен, определённо новый факт в том, что все люди смертны; как новый факт, возникающий из того, о чём я только что говорил, он не может быть выведен из смертности отдельных людей, имеющих место в мире. Разумеется, не так трудно допустить и то, что я могу назвать фактами существования - факты типа 'Люди существуют', 'Овцы существуют' и т.д. Их, я думаю, вы с готовностью допустите как отдельные и отличные факты сверх и помимо атомарных фактов, о которых я говорил до этого. Данные факты должны входить в описание мира, и таким способом привходят пропозициональные функции, затрагиваемые при описании общих фактов. Я не претендую на знание того, что представляет собой правильный анализ общих фактов. Это исключительно трудный вопрос, вопрос, который мне весьма сильно хотелось бы видеть изученным. Я полагаю, что хотя пропозициональные функции дают удобную техническую трактовку, данный анализ не совсем правилен. Далее этого я не могу идти.

Есть один вопрос, связанный с существованием молекулярных фактов. Я думаю, упоминал, что в отношении общих фактов вста-

ют определённые трудности, когда говорил, что не считаю, что дизъюнктивные факты существуют. Возьмём 'Все люди смертны'. Это означает:

“ x - человек” влечёт,
что “ x смертен”,
чем бы ни был x ’.

Вы сразу же можете видеть, что это гипотетическая пропозиция. Из неё не следует ни то, что какие-либо люди существуют, ни то, что является человеком, а что - нет; она просто говорит, что если есть нечто, являющееся человеком, то это нечто смертно. Как указывал м-р Брэдли во второй части своего труда *Принципы логики**, 'Нарушители чужого права владения будут преследоваться в судебном порядке' может быть истинной пропозицией, даже если никаких нарушителей нет, поскольку она означает просто то, что *если* кто-нибудь нарушит чужое право владения, *то* он будет преследоваться. Это сводится к тому, что

‘то, что “ x - человек” влечёт “ x - смертен”, всегда истинно’,

является фактом. Вероятно, не слишком трудно видеть, каким образом может быть истинным, если кто-то собирается сказать, что “Сократ - человек” влечёт “Сократ смертен” само не является фактом, т.е. то, что я предполагал, когда обсуждал дизъюнктивные факты. Я чувствую уверенность, что вы сможете обойти это затруднение. Я только полагаю его, как вопрос, который необходимо рассмотреть, когда отрицается существование молекулярных фактов, поскольку, если его нельзя обойти, мы должны будем допустить молекулярные факты.

Теперь я хочу перейти к вопросу о *совершенно общих* пропозициях и пропозициональных функциях. Под ними я подразумеваю пропозиции и пропозициональные функции, которые содержат только переменные и более вообще ничего. Последнее охватывает всю логику. Всякая логическая пропозиция состоит всецело и только из переменных, хотя и неверно, что каждая пропозиция, состоящая всецело и только из переменных, является логической. Стадии обобщения вы можете рассмотреть, например, следующим образом:

‘Сократ любит Платона’
‘ x любит Платона’
‘ x любит y ’
‘ xRy ’.

Здесь вы проходите через процесс последовательного обобщения. Переходя к xRy , вы получаете схему, состоящую только из переменных, и вообще не содержащую констант, чистую схему двухместного отношения, и ясно, что любая пропозиция, выражающая двухместное отношение, может быть получена из xRy приписыванием значений x , R и y . Поэтому можно сказать, что данная схема является чистой формой всех таких пропозиций. Я подразумеваю под формой пропозиции то, что получается, когда её каждая отдельная конституента заменяется переменной. Если требуется иное определение формы пропозиции, вы можете склониться к её определению как класса всех тех пропозиций, которые можно получить из данной пропозиции подстановкой других конституент вместо одной или более конституент, содержащихся в пропозиции. Например, в 'Сократ любит Платона' что-то можно подставить вместо Сократа, что-то вместо Платона и какой-то другой глагол вместо 'любит'. Таким способом получается определённое число пропозиций, которые можно образовать из пропозиции 'Сократ любит Платона', заменой конституент данной пропозиции другими конституентами, так что здесь имеется определённый класс пропозиций, и все эти пропозиции имеют определённую форму, и, если угодно, можно сказать, что форма, которой все они обладают, есть класс, состоящий из них всех. Это достаточно предварительное определение, поскольку на самом деле идея формы более фундаментальна, чем идея класса. Я не предлагал бы его как действительно хорошее определение, но оно предварительно объяснит то, что подразумевается под формой пропозиции. Форма пропозиции представляет собой то, что является общим у любых двух пропозиций, где одна может быть получена из другой, подстановкой иных конституент вместо первоначальных. Получая формулы типа xRy , содержащие только переменные, вы находитесь на пути к тому типу вещей, о которых можете утверждать в логике.

Приведём иллюстрацию. Вы знаете, что я подразумеваю под областью отношения*. Я имею в виду все члены, которые имеют данное отношение к чему-либо. Предположим, я говорю: ' xRy влечёт, что x принадлежит области R '. Это было бы пропозицией логики и пропозицией, которая содержит только переменные. Можно подумать, что она содержит такие слова, как 'принадлежит' и 'область', но это - ошибка. Эти слова появляются только в результате привычки использовать обыденный язык. На самом деле их там нет. Это - пропозиция чистой логики. Она вообще не упоминает каких-либо индивидуальных предметов. Она должна пониматься как утверждение об x , R и y , чем бы они не были. Таковы все утверждения логики.

Не очень легко видеть, что представляют собой конstituенты логической пропозиции. Когда рассматривают 'Сократ любит Платона', 'Сократ' - это конstituента, 'любит' - это конstituента, 'Платон' - это конstituента. Затем вы преобразуете 'Сократ' в x , 'любит' в R и 'Платон' в y . x , R и y суть ничто, и они не являются конstituентами, поэтому всё выглядит так, как если бы все пропозиции логики были полностью лишены конstituент. Я не думаю, что последнее может быть совершенно истинным. Но тогда единственное, что вы, по-видимому, можете сказать, так это то, что *форма* является конstituентой, что пропозиции определённой формы всегда истинны; это может быть правильный анализ, хотя я и очень сильно в этом сомневаюсь.

Однако необходимо заметить как раз то, что форма пропозиции никогда не является конstituентой самой этой пропозиции. Если вы утверждаете, что 'Сократ любит Платона', форма этой пропозиции есть форма двухместного отношения, но она не является конstituентой пропозиции. Если бы это было так, у вас должна была бы быть конstituента, имеющая отношение к другим конstituентам. Вы сделали бы форму слишком субстанциальной, если бы думали о ней как действительно об одной из вещей, что имеет данную форму, поэтому форма пропозиции определённо не является конstituентой самой пропозиции. Тем не менее она, вероятно, может быть конstituентой общего высказывания о пропозициях, имеющих эту форму, поэтому, я думаю, *возможно, чтобы* логические пропозиции могли интерпретироваться как пропозиции о формах.

В заключение в отношении конstituент логических пропозиций я могу сказать только то, что эта проблема достаточно нова. Особой возможности рассмотреть её нет. Я не думаю, что вообще имеется какая-либо литература, которая как-то её затрагивает, и это - интересная проблема.

Как раз теперь я хотел бы привести несколько иллюстраций пропозиций, которые могут быть выражены на языке чистых переменных, но не являются пропозициями логики. В совокупность пропозиций, являющихся пропозициями логики, включены все пропозиции чистой математики; не все они могут быть выражены только в логических терминах, но могут также быть дедуцированы из логических предпосылок, а стало быть, они являются логическими пропозициями. Обособленно от них имеется много таких пропозиций, которые могут быть выражены в логических терминах, но не могут быть доказаны из логики и определённо не являются пропозициями, образующими часть логики. Предположим, вы берёте пропозицию типа 'В мире существует по крайней мере

одна вещь'. Эту пропозицию вы можете выразить в логических терминах. Если вам угодно, она будет выражать то, что пропозициональная функция ' $x = x$ ' является возможной. Стало быть, эту пропозицию вы в состоянии выразить в логических терминах; но из логики вы не сможете узнать, является она истинной или ложной. Поскольку вы её знаете, вы знаете её эмпирически, потому что может случиться так, что универсума нет, и тогда она не была бы истинной. То, что универсум существует, так сказать, простая случайность. Пропозиция о том, что в мире имеет место в точности 30.000 предметов, также может быть выражена в чисто логических терминах, и она определённо является не пропозицией логики, но эмпирической пропозицией (истинной или ложной), потому что мир, содержащий более 30.000 предметов, и мир, содержащий менее 30.000 предметов, оба возможны, поэтому, если случится так, что существует в точности 30.000 предметов, последнее можно назвать случайностью и это не является пропозицией логики. Кроме того, есть две пропозиции, используемые в математической логике, а именно, аксиома мультипликативности и аксиома бесконечности*. Они также могут быть выражены в логических терминах, но не могут быть доказаны или опровергнуты логикой. В отношении аксиомы бесконечности невозможность логического доказательства или опровержения можно считать установленной, но в случае с аксиомой мультипликативности это, вероятно, всё ещё в некоторой степени открыто для сомнения. Всё то, что является пропозицией логики, должно быть в том или ином смысле подобно тавтологии. Последнее должно быть чем-то таким, что обладает некоторыми особыми качествами, которые я не знаю как определить и которые принадлежат только логическим предложениям, и никаким другим. Примерами типичных логических предложений являются:

'Если из p следует q , а из q следует r , то из p следует r '.

'Если все a суть b , а все b суть c , то все a суть c '.

'Если все a суть b , и x есть a , то x есть b '.

Это - пропозиции логики. Они имеют определённые особые качества, которые отличают их от всех других пропозиций и предоставляют нам возможность знать их *a priori*. Но каковы точно эти характеристики, я не в состоянии вам сообщить. Хотя необходимой характеристикой логических предложений и является то, что они состоят только из переменных, т.е. что они должны утверждать универсальную истину, или иногда-истину [sometimes-truth] пропозициональной функции, всецело состоящей из переменных - хотя

это и необходимая характеристика, она не удовлетворительна. Прошу прощения, что я оставил так много проблем нерешёнными. Я всегда должен приносить подобное извинение, но мир действительно достаточно загадочен, и я ничего не могу поделать.

Дискуссия

Вопрос: Есть ли какое-то слово, которое вы могли бы подставить вместо слова 'существование' и которое давало бы существование индивидуумам? Вы применяете слово 'существование' к двум идеям, или же отрицаете, что имеется две идеи?

М-р Рассел: Нет. Идеи, применимой к индивидуумам не существует. В отношении действительных вещей, имеющихсся в мире, нет вообще ничего такого, что вы могли бы сказать о них и что каким-либо способом соответствует такому понятию существования. Явно ошибочно говорить, что имеется нечто аналогичное существованию и что это нечто вы могли бы высказать о них. Вас запутывает язык, поскольку совершенно корректно сказать: 'Все вещи в мире существуют', а от этого так легко перейти к 'Это существует, поскольку это вещь в мире'. В предикате нет ничего такого, что нельзя было бы мыслить ложным. Я имею в виду, совершенно ясно, что если было бы нечто такое, как существование индивидуума, о котором мы говорим, его было бы совершенно невозможно применить, а это характеристика ошибки.

VI. ДЕСКРИПЦИИ И НЕПОЛНЫЕ СИМВОЛЫ

В этот раз я предлагаю обратиться к теме дескрипций, к тому, что я называю 'неполными символами' и к существованию описываемых индивидуумов. Вспомните, что прошлый раз я рассматривал существование такого *вида* вещей, который вы подразумеваете, говоря 'Люди существуют', 'Греки существуют' или другими фразами той разновидности, где у вас есть существование, которое может относиться ко множественному числу. Сегодня я намереваюсь иметь дело с существованием, которое утверждается в единственном числе, типа 'Человек в железной маске существует' или некоторыми выражениями той разновидности, где у вас есть объект, описываемый фразой 'определённый такой-то и такой-то' ['The so-and-so'] в единственном числе, и хочу обсудить анализ пропозиций, в которых встречаются фразы такого вида.

Разумеется, в метафизике имеется огромное количество пропозиций, относящихся к данной разновидности. 'Я существую', 'Бог

существует' или 'Гомер существовал', и другие подобные высказывания всегда встречаются в метафизических дискуссиях и, я думаю, трактуются в обычной метафизике таким способом, который включает простую логическую ошибку, с которой мы будем иметь дело сегодня, ошибку того же самого типа, о которой я говорил на прошлой неделе в связи с существованием видов вещей. Один из способов проверки пропозиции такого типа заключается в том, чтобы спросить себя, что случилось бы, если бы она оказалась ложной. Если вы возьмёте такую пропозицию, как 'Ромул существовал', вероятно большинство из нас подумает, что это не так. Очевидно, сказать, что Ромул существовал, - это совершенно осмысленное высказывание (истинное, либо ложное). Если бы сам Ромул входил в наше высказывание, было бы ясно, что высказывание о его несуществовании было бы вздором, поскольку у пропозиции не может быть конституенты, которая ничего вообще собой не представляет. Каждая конституента должна иметь место как одна из вещей в мире, а следовательно, если бы Ромул сам входил в пропозиции о том, что он существовал или не существовал, обе эти пропозиции, если бы он не существовал, не могли не только быть истинными, но даже не были бы значимыми. Очевидно, это не тот случай, и первый вывод, который отсюда следует, состоит в том, что хотя и *кажется*, как если бы Ромул был конституентой данной пропозиции, на самом деле это ошибочно. Ромул не входит в пропозицию 'Ромул не существует'.

Допустим, вы пытаетесь разобраться, что подразумевает данная пропозиция. Например, вы можете взять всё то, что Ливий должен сказать о Ромуле, все свойства, которые он ему приписывает, включая вероятно и то единственное, которое помнит большинство из нас, а именно, тот факт, что его звали 'Ромул'. Вы можете всё это объединить и образовать пропозициональную функцию, сказав: ' x имеет такие-то и такие-то свойства', и это будут те свойства, которые, как вы обнаружили, перечислены у Ливия*. Здесь у вас имеется пропозициональная функция, и сказав, что Ромул не существовал, вы просто говорите, что данная пропозициональная функция никогда не является истинной, что она невозможна в том смысле, который я разъяснял в прошлый раз, т.е., что у x нет значения, делающего её истинной. Это сводит несуществование Ромула к тому типу несуществования, о котором я говорил в прошлый раз, когда мы рассматривали несуществующих единорогов. Но последнее не является *полным* описанием существования или несуществования такого типа, потому что есть другой способ, которым не способны существовать описываемые индивидуумы, и это в том случае, где описание применяется более чем к одному челове-

ку. Например, вы не можете говорить об ‘определённом жителе Лондона’ [*The inhabitants of London*], не потому что такового нет, но потому что их много.

Вы, следовательно, видите, что пропозиция ‘Ромул существовал’ (или ‘Ромул не существовал’) вводит пропозициональную функцию, потому что имя ‘Ромул’ на самом деле не является именем, но разновидностью сокращённой дескрипции. Оно обозначает человека, который сделал то-то и то-то, который убил Рема, основал Рим и т.д. Оно является сокращением для такого описания; если вам нравится, оно сокращение для ‘человек, которого звали “Ромул”’. Если бы оно действительно было именем, вопрос о существовании не мог бы возникнуть, потому что имя является именем чего-то, или же оно не является именем, и если такого человека как Ромул нет, то не может быть и имени такого несуществующего человека, так что данное единственное слово ‘Ромул’ на самом деле представляет собой разновидность сокращённого или свёрнутого описания, и если вы думаете о нём как об имени, то впадаете в логические ошибки. Когда вы осознаёте, что оно представляет собой дескрипцию, вы, стало быть, осознаёте, что любая пропозиция о Ромуле на самом деле вводит пропозициональную функцию, включающую описание, как (например): ‘х, которого звали “Ромул”’. Последнее сразу же знакомит вас с пропозициональной функцией, и когда вы говорите ‘Ромул не существует’, вы имеете в виду, что данная пропозициональная функция не является истинной ни для одного значения х.

Имеется две разновидности описаний, одни могут быть названы ‘неопределёнными дескрипциями’, когда мы говорим о ‘неопределённом таком-то и таком-то’ [*a so-and-so*], а другие могут быть названы ‘определёнными дескрипциями’, когда мы говорим об ‘определённом таком-то и таком-то’ [*the so-and-so*] (в единственном числе). Например:

<i>Неопределённые:</i>	[а] человек, [а] собака, [а] свинья, [а] кабинет министров.
<i>Определённые:</i>	Человек в железной маске. Человек, который последним зашёл в эту комнату. Единственный англичанин, который когда-то оккупировал Папскую область. Число жителей Лондона. Сумма 43 и 34.

(Для дескрипции не необходимо, чтобы она описывала индивидуум; она может описывать предикат, отношение или что-то ещё.)

Определённые дескрипции - это фразы того типа, о котором я хочу вести речь сегодня. Я не хочу говорить о неопределённых дескрипциях, так как то, что было о них сказать, сказано мной в прошлый раз.

Я хочу, чтобы вы осознали, что вопрос о том, является ли фраза определенной дескрипцией, зависит только от её формы, а не от вопроса, существует ли определённый индивидуум, описываемый таким образом. Например, я назвал бы фразу 'определённый житель Лондона' ['The inhabitant of London'] определённой дескрипцией, хотя фактически она не описывает никакого определённого индивидуума.

Относительно определённой дескрипции прежде всего нужно осознать то, что она не является именем. Возьмём фразу 'автор *Веверлея*'. Это - определённая дескрипция, и легко видеть, что она не является именем. Имя - это простой символ (т.е. символ, не имеющий каких-либо частей, которые являются символами); простой символ обычно обозначает определённый индивид, или в расширенном смысле объект, который не является индивидом, но временно трактуется, как индивид, или по ложному убеждению считается индивидом, таким как человек. Фраза такого типа, как 'автор *Веверлея*' ['The author of *Waverley*'] не является именем, поскольку она представляет собой комплексный символ. Она содержит части, которые являются символами. Она содержит четыре слова, и значения этих четырёх слов уже зафиксированы, и они фиксируют значение фразы 'автор *Веверлея*' ['The author of *Waverley*'] в единственном смысле, в котором эта фраза имеет какое-либо значение. В этом смысле её значение уже предопределено, т.е. когда значения слов 'the', 'author', 'of' и '*Waverley*' уже зафиксированы, в значении всей данной фразы нет ничего произвольного или конвенционального. В этом отношении она отличается от слова 'Скотт', потому что, когда вы зафиксировали значение всех других слов в языке, вы ничего не сделали для фиксации значения имени 'Скотт'. Иначе говоря, если вы понимаете английский язык, вы должны понимать значение фразы 'автор *Веверлея*', если никогда не слышали её до сих пор, тогда как вы не поняли бы значение слова 'Скотт', если никогда не слышали данного слова ранее, поскольку знать значение имени значит знать, к чему оно применимо.

Иногда вы найдёте людей, высказывающихся так, как если бы дескриптивные фразы были именами, и найдёте, например, предположение, что такая пропозиция, как 'Скотт является автором *Веверлея*' на самом деле утверждает, что 'Скотт' и 'автор *Веверлея*' суть два имени одного и того же человека. Это - совершенное

заблуждение; прежде всего, потому что 'автор *Веверлея*' не является именем, и, во-вторых, потому что, как вы очень хорошо можете видеть, если бы это было так, данная пропозиция была бы подобна пропозиции 'Скотт есть сэр Вальтер', и не зависела бы от какого-либо факта, кроме того, что так звали рассматриваемого человека, поскольку имя и есть то, как зовут человека. Фактически Скотт был автором *Веверлея* тогда, когда никто не называл его так, когда никто не знал, был ли он автором или же нет, и факт, что он являлся таковым, был физическим фактом, фактом, что он сидел и писал книгу своей собственной рукой, что никоим образом не связано с тем, как его звали. Здесь нет произвола. Вы не сможете никаким подбором терминологии установить, является ли он автором *Веверлея*, потому что на самом деле он решил написать его и вы ничем себе не поможете. Это иллюстрирует, что фраза 'автор *Веверлея*' совершенно отлична от имени. Вы можете доказать это совершенно ясно с помощью формальных аргументов. В пропозиции 'Скотт является автором *Веверлея*' слово 'является' конечно же выражает тождество, т.е. что сущность, имя которой Скотт, тождественна с автором *Веверлея*. Но когда я говорю: 'Скотт является смертным', данное 'является' относится к предиктированию, что совершенно отлично от 'является', выражающего тождество. Ошибочно интерпретировать пропозицию 'Скотт является смертным' как означающую 'Скотт тождествен с одним из смертных', потому что (помимо других причин) о 'смертности' нельзя говорить кроме как посредством пропозициональной функции 'х является смертным', что относит слово 'является' к предиктированию. Вы не сможете редуцировать 'является', относящееся к предиктированию, к другому 'является'. Но 'является' в 'Скотт является автором *Веверлея*' относится к тождеству, а не к предиктированию¹.

Если в данную пропозицию вместо 'автор *Веверлея*' подставить какое угодно имя, скажем 'с', то она преобразуется в 'Скотт является с', тогда, если 'с' есть имя того, кто не является Скоттом, данная пропозиция становится ложной, тогда как, с другой стороны, если 'с' есть имя Скотта, то она становится просто тавтологией. Сразу же очевидно, что если бы 'с' совпадало с самим словом 'Скотт', то 'Скотт является Скоттом' есть как раз тавтология. Но если вы возьмёте любое другое имя, которое также является именем Скотта, тогда, если имя будет использоваться как имя, а не как описание, пропозиция всё ещё будет тавтологией. Поскольку само имя есть просто способ указания на предмет, и не входит в то, что

¹ Смешение этих двух значений слова 'является' по существу свойственно гегелевской концепции тождества-в-различии.

вы утверждаете, так что если один предмет имеет два имени, вы получите в точности то же самое утверждение, независимо от того, какое из двух имён используете, при условии, что они на самом деле являются именами, а не сокращёнными дескрипциями.

Поэтому есть только две альтернативы. Если 'с' - имя, пропозиция 'Скотт является с' либо ложна, либо тавтологична. Но пропозиция 'Скотт является автором *Веверлея*' не является ни тем и не другим, а стало быть, она не совпадает с какой-либо пропозицией формы 'Скотт есть с', где 'с' является именем. Это другой способ иллюстрации того, что описание совершенно отлично от имени.

Я с удовольствием проясню то, что говорил как раз сейчас, а именно, если вы подставите другое имя на место 'Скотт', которое также является именем того же самого индивидуума, скажем, 'Скотт есть сэр Вальтер', тогда 'Скотт' и 'сэр Вальтер' используются как имена, а не как дескрипции, ваша пропозиция есть тавтология в строгом смысле. Если же кто-то утверждает: 'Скотт есть сэр Вальтер', то способ, которым он это подразумевает, был бы использованием имён как дескрипций. Подразумевалось бы, что человек, называемый 'Скоттом', есть человек, называемый 'сэром Вальтером', и фраза 'человек, называемый "Скоттом"' является дескрипцией, таковой является и фраза 'человек, называемый "сэром Вальтером"'. Поэтому это не было бы тавтологией. Пропозиция подразумевала бы, что человек, называемый 'Скоттом', тождествен человеку, называемому 'сэром Вальтером'. Но если вы и то и другое используете как имена, существо дела совершенно иное. Вы должны заметить, что имя не встречается в том, что вы утверждаете, когда используете имя. Имя - это просто средство выражения того, о чём вы пытаетесь утверждать, и когда я говорю 'Скотт написал *Веверлея*', имя 'Скотт' не входит в то, что я собираюсь утверждать. Я утверждаю нечто о человеке, а не об имени. Поэтому если я говорю: 'Скотт есть сэр Вальтер', используя эти два имени как имена, ни 'Скотт', ни 'сэр Вальтер' ни входят в то, что я утверждаю, но только человек, который имеет данные имена, и, стало быть, то, что я утверждаю, является тавтологией.

Достаточно важно осознать эти два различных использования имён или любых других символов: одно, когда вы говорите о символе, и другое, когда вы используете его как символ, как средство сказать о чём-то ещё. Если вы говорите о своём обеде, само собой вы не говорите о слове 'обед', но говорите о том, что собираетесь съесть, а это совершенно иное. Обычное использование слов состоит в переходе к вещам, и когда вы используете слова таким способом, высказывание 'Скотт есть сэр Вальтер' является чистой тавтологией, в точности на том же уровне как и 'Скотт является Скоттом'.

Это возвращает меня к пункту, что когда вы берёте 'Скотт является автором *Веверлея*' и подставляете вместо 'автор *Веверлея*' имя на место дескрипции, вы с необходимостью получаете либо тавтологию, либо ложь - тавтологию, если подставляете 'Скотт' или какое-то другое имя того же человека, и ложь, если подставляете что-то ещё. Но сама эта пропозиция не является ни тавтологией, ни ложью, и это показывает вам, что пропозиция 'Скотт является автором *Веверлея*' отличается от любой пропозиции, которая может быть получена, если вместо 'автор *Веверлея*' вы подставите имя. Этот вывод одинаково верен для любой другой пропозиции, в которую входит фраза 'автор *Веверлея*'. Если вы возьмёте любую пропозицию, в которой встречается данная фраза, и замените её собственным именем, будет ли это имя 'Скотт' или любое другое, вы получите отличную пропозицию. Вообще говоря, если именем, которое вы подставляете, является 'Скотт', ваша пропозиция, если она была истинной до этого, будет сохранять истинность, а если она была до этого ложной, будет оставаться ложной. Но это - отличная пропозиция. Не всегда верно, что она остаётся истинной или ложной, как можно видеть из примера: 'Георг IV желал знать, является ли Скотт автором *Веверлея*'. Неверно, что Георг IV желал знать, является ли Скотт Скоттом*. Таким образом, бывает даже так, что истина и ложь пропозиции иногда изменяются, когда вы подставляете имя объекта вместо описания того же самого объекта. Но в любом случае, когда вы подставляете имя вместо дескрипции, всегда получается отличная пропозиция.

На первый взгляд тождество достаточно загадочно. Когда вы говорите: 'Скотт является автором *Веверлея*', для вас как будто бы заманчиво думать, что есть два человека, один из которых Скотт, а другой - автор *Веверлея*, и случилось так, что они совпадают. Это, очевидно, абсурдно, но данный способ, всегда привлекателен при рассмотрении тождества.

Когда я говорю: 'Скотт является автором *Веверлея*', и 'является' выражает тождество, причина того, что здесь тождество может быть выражено верно и нетавтологично, состоит как раз в том, что одно есть имя, а другое - дескрипция. Или обе фразы могут быть дескрипциями. Если я говорю: 'Автор *Веверлея* является автором *Мармиона*', последнее, конечно, утверждает тождество двух дескрипций.

Следующий пункт, который я хочу сейчас сделать ясным, заключается в том, что когда дескрипция (на будущее, когда я говорю 'дескрипция', я имею в виду *определённую* дескрипцию) входит в пропозицию, нет конституенты данной пропозиции, соответствующей этой дескрипции как целому. При правильном анализе

пропозиции дескрипция разлагается и исчезает. Другими словами, когда я говорю: 'Скотт является автором *Веверлея*', предполагать, что вы имеете здесь три конstituенты: 'Скотт', 'является' и 'автор *Веверлея*', есть ошибочный анализ. Это конечно тот способ анализа, который может прийти вам на ум. Вы можете допустить, что 'автор *Веверлея*' - комплексное выражение, и оно может быть разложено далее, но вы можете посчитать, что для начала пропозиция может быть расщеплена на эти три кусочка. Это совершенно ошибочно. 'Автор *Веверлея*' вообще не является конstituентой пропозиции. На самом деле конstituент, соответствующих дескриптивным фразам, нет. Сейчас я попытаюсь вам это доказать.

Первая и наиболее очевидная причина состоит в том, что могут быть значимые пропозиции, отрицающие существование 'определённого такого-то и такого-то'. 'Определённый единорог не существует' ['The unicorn does not exist']. 'Наибольшее конечное число не существует'. Пропозиции такого типа являются вполне значимыми, совершенно здравыми, правильными, пристойными пропозициями, и вероятно не может быть такого, чтобы единорог был конstituентой пропозиции, так как ясно, что он не может быть конstituентой, постольку поскольку никаких единорогов нет. Поскольку конstituенты пропозиций конечно же суть то же самое, что и конstituенты соответствующих фактов, и поскольку то, что единорога не существует, является фактом, совершенно ясно, что единорог не является конstituентой данного факта, так как если бы имелся какой-то факт, конstituентой которого был бы единорог, имелся бы и единорог, и было бы неверно, что он не существует. В частности это применимо в случае дескрипций. Итак, поскольку для 'определённого такого-то и такого-то' возможно не существовать и, тем не менее, для пропозиций, в которые входит 'определённый такой-то и такой-то', возможно быть значимыми и даже истинными, мы должны попытаться увидеть, что означает, когда говорят, что определённый такой-то и такой-то существует.

Благодаря нашей озабоченности практическими делами временная характеристика глагола становится исключительно надоедливой пошлостью. Было бы гораздо приятнее, если бы они не имели временной характеристики, как, я думаю, имеет место в китайском языке, но я не знаю китайского. Вы должны быть в состоянии сказать: 'Сократ существует в прошлом', 'Сократ существует в настоящем', 'Сократ существует в будущем' или просто 'Сократ существует', без каких-либо временных импликаций, но к несчастью язык этого не позволяет. Тем не менее, я собираюсь использовать язык таким безвременным способом; когда я говорю: 'Определённое такое-то и такое-то существует', я не собираюсь подра-

зумевать, что оно существует в настоящем, прошлом или будущем, но просто, что оно существует, без каких-либо импликаций, затрагивающих время.

‘Автор *Веверлея* существует’ [‘The author of *Waverley* exists’]: есть две вещи, которые для этого требуются. Прежде всего, что такое ‘автор *Веверлея*’? Это - человек, который написал *Веверлея*, т.е. теперь мы пришли к тому, что у вас есть затрагиваемая пропозициональная функция, а именно, ‘ x пишет *Веверлея*’, и автор *Веверлея* - это человек, который пишет *Веверлея*, и для того, чтобы человек, который пишет *Веверлея* мог существовать, необходимо, чтобы данная пропозициональная функция обладала двумя свойствами:

1. Она должна быть истинной по крайней мере для одного x .
2. Она должна быть истинной самое большое для одного x .

Если бы никто не написал *Веверлея*, автор не мог бы существовать, а если бы его написали два человека, не мог бы существовать определённый автор, на которого указывает артикль. Так что вам требуются эти два свойства: одно, что она является истинной по крайней мере для одного x , а другое, что она является истинной самое большое для одного x ; и то и другое требуется для существования.

Свойство быть истинным по крайней мере для одного x - это свойство, которое мы рассматривали в прошлый раз; это то, что я выражал, говоря, что пропозициональная функция является *возможной*. Поэтому мы переходим ко второму условию, что она является истинной самое большое для одного x , а это вы можете выразить следующим образом: ‘Если x и y написали *Веверлея*, тогда x тождествен y , чем бы ни были x и y ’. Последнее говорит, что его написал самое большое один человек. Оно не говорит, что кто-то вообще написал *Веверлея*, поскольку если бы никто его не написал, это высказывание всё ещё оставалось бы истинным. Оно говорит только то, что его написал самое большое один человек.

Первое из приведённых условий существования нарушается в случае определённого единорога, второе - в случае определённого жителя Лондона.

Можно объединить эти два условия и получить сложносокращённое выражение, включающее значение обоих. Вы можете их оба редуцировать к тому, что: ‘(“ x написал *Веверлея*” тождественно с “ x есть c ”, чем бы ни был x) возможно относительно c ’. Я думаю, что это просто настолько, насколько вы способны высказать утверждение.

Вы видите, что означает сказать, что существует некоторая сущность s ; мы можем не знать, что она собой представляет, но она такова, что когда x есть s , истинно, что x написал *Веверля*, а когда x не есть s , не истинно, что x написал *Веверля*; и это равно высказыванию, что s - единственный человек, который написал *Веверля*; и я говорю, что у s есть значение, которое делает его истинным. Так что данное целостное выражение, являющееся пропозициональной функцией о s , является *возможным* в отношении s (в объяснённом в прошлый раз смысле).

Вот что я подразумеваю, когда говорю, что автор *Веверля* существует. Когда я говорю: 'Автор *Веверля* существует', я имею в виду, что имеется сущность s такая, что ' x написал *Веверля*' истинно, когда x есть s , и ложно, когда x не есть s . 'Автор *Веверля*' здесь совершенно исчезает как конституента; поэтому, сказав: 'Автор *Веверля* существует', я ничего не говорю об авторе *Веверля*. Вместо этого вы разработали рассмотрение пропозициональных функций, и 'автор *Веверля*' исчез. Вот почему можно осмысленно сказать: 'Автор *Веверля* не существует'. Это было бы невозможно, если бы 'автор *Веверля*' был конституентой пропозиций, в вербальном выражении которых встречается данная фраза.

Тот факт, что вы можете обсуждать пропозицию 'Бог существует', есть доказательство того, что слово 'Бог', как оно используется в данной пропозиции, является дескрипцией, а не именем. Если бы слово 'Бог' было именем, вопрос, касающийся существования, не мог бы возникнуть.

Итак, я определил, что имею в виду, когда говорю, что описываемый предмет существует. Я всё ещё должен объяснить, что подразумеваю, говоря, что описываемый предмет имеет определённые свойства. Предположим, вы хотите сказать: 'Автор *Веверля* был человеком', последнее будет репрезентировано следующим образом: '(" x написал *Веверля*" тождественно с " x есть s ", чем бы ни был x , и s - человек) является возможным в отношении s '.

Вы заметите, что то, что до этого мы придали как значение 'Автор *Веверля* существует', является частью данной пропозиции. Последнее - часть любой пропозиции, в которую фраза 'автор *Веверля*' имеет, как я его называл, 'первичное вхождение'. Говоря о 'первичном вхождении', я имею в виду, что у вас нет пропозиции об авторе *Веверля*, входящей в качестве части в некоторую большую пропозицию типа 'Я убеждён, что автор *Веверля* был человеком' или 'Я убеждён, что автор *Веверля* существует'. Когда она имеет первичное вхождение, т.е. когда пропозиция, к ней относящаяся, вовсе не является частью большей пропозиции, фраза, ко-

торая определяется как значение 'Автор *Веверля* существует' будет частью этой пропозиции. Если я говорю, что автор *Веверля* был человеком, поэтом, шотландцем или кем-то ещё, я говорю об авторе *Веверля*, как имеющим первичное вхождение, высказывание о существовании всегда является частью этой пропозиции. В этом смысле все пропозиции, которые я высказываю об авторе *Веверля*, влекут, что автор *Веверля* существует. Так что любое высказывание, в которое дескрипция имеет первичное вхождение, влечёт, что описываемый объект существует. Если я говорю: 'Нынешний король Франции лыс', это влечёт, что нынешний король Франции существует. Если я говорю: 'Нынешний король Франции имеет прекрасную шевелюру', это также влечёт, что нынешний король Франции существует. Следовательно, если вы не понимаете, каким образом должна отрицаться пропозиция, содержащая дескрипцию, вы придёте к заключению, что не является истинным то, что либо нынешний король Франции лыс, либо он не лыс, поскольку, перечислив все лысые предметы, вы не найдёте его среди них, и перечислив все не лысые предметы, вы также не найдёте его среди них. Найденное мной единственное предположение, позволяющее рассматривать его в общепринятом направлении, - это предположение, что он носит парик. Вы можете избежать гипотезы о том, что он носит парик, только заметив, что отрицанием пропозиции 'Нынешний король Франции лыс' не будет пропозиция 'Нынешний король Франции не лыс', если под ней вы подразумеваете, что 'Существует такой человек, как король Франции, и этот человек не лыс'. Причина этому в том, что когда вы устанавливаете, что нынешний король Франции лыс, вы говорите: 'Существует такое *s*, что *s* есть нынешний король Франции, и *s* - лыс', а отрицанием последнего не является 'Существует такой *s*, что *s* есть нынешний король Франции, и *s* - не лыс'. Оно более сложное. Оно имеет следующий вид: 'Либо не существует такого *s*, что *s* есть нынешний король Франции, либо, если такой *s* существует, то *s* - не лыс.' Вы видите, таким образом, что если вы хотите отрицать пропозицию 'Нынешний король Франции лыс', вы можете сделать это, отрицая то, что он существует, вместо отрицания того, что он лыс. Для того чтобы отрицать высказывание, что нынешний король Франции лыс, которое представляет собой высказывание, состоящее из двух частей, вы можете действовать, отрицая одну из частей. Вы можете отрицать одну часть, которая ведёт к предположению, что нынешний король Франции существует, но не лыс, или другую часть, которая ведёт вас к отрицанию того, что нынешний король Франции существует; любое из этих двух отрицаний ведёт вас к ложности пропозиции 'Нынешний король Франции лыс'.

Когда же вы говорите: 'Скотт - человек', возможности двойственного отрицания нет. Единственный способ, которым вы можете отрицать 'Скотт - человек', это сказать: 'Скотт - не человек'. Но там, где встречаются дескриптивные фразы, у вас есть возможность двойственного отрицания.

Крайне важно осознать, что фраза типа 'определённый такой-то и такой-то' не встречается в анализе пропозиций, в вербальное выражение которых она входит, что, когда я говорю: 'Автор *Веверля* - человек', 'автор *Веверля*' не является субъектом данной пропозиции тем способом, которым субъектом был бы Скотт, если бы я сказал 'Скотт - человек', используя 'Скотт' как имя. Я не могу удовлетворительно подчеркнуть, сколь важен этот пункт, и как много ошибок вы получаете в метафизике, если не осознаёте, что когда я говорю: 'Автор *Веверля* - человек', последняя пропозиция не имеет той же самой формы, как 'Скотт - человек'. Она не содержит конститuentу 'автор *Веверля*'. Важность этого весьма значительна по многим причинам, и одна из них - это вопрос о существовании. Как я указал вам в прошлый раз, имеется огромное количество философии, покоящейся на понятии о том, что существование является, так сказать, свойством, которое вы можете приписать вещам, и что вещи, которые имеют место быть, обладают свойством существования, а вещи, которые не существуют, нет. Это вздор, берёте ли вы виды предметов или описываемые индивидуальные предметы. Когда я, например, говорю: 'Гомер существовал', под 'Гомером' я понимаю некоторую дескрипцию, скажем, 'автор поэм Гомера', и я утверждаю, что эти поэмы были написаны одним человеком, и данная пропозиция весьма сомнительна; но если вы можете предоставить действительного человека, который на самом деле написал эти поэмы (предположим, что существует такой человек), сказать о нём, что он существовал, было бы выражением бессмыслицы, не ложности, но бессмыслицы, потому что только об описываемых людях можно осмысленно сказать, что они существуют. Прошлый раз я указывал на ошибку в выражении: 'Люди существуют, Сократ - человек; следовательно, Сократ существует'. Когда я говорю: 'Гомер существует, это - Гомер; следовательно, это существует', то это ошибка того же самого типа. Аргумент 'Это - автор поэм Гомера, и автор поэм Гомера существует; следовательно, это существует' совершенно ошибочен. Существование может осмысленно утверждаться только там, где есть пропозициональная функция. Вы можете утверждать 'Определённое такое-то и такое-то существует', подразумевая, что существует как раз одно *s*, которое имеет данные свойства, но когда вы предоставите *s*, ими обладающее, вы не в состоянии сказать о таком *s*, что

оно существует, поскольку это бессмысленно; это не ложно, но вообще не имеет значения.

Поэтому индивидуумы, имеющие место в мире, не существуют, или скорее, бессмысленно говорить, что они существуют, и бессмысленно говорить, что они не существуют. Этого нельзя сказать, когда вы дали им имена, но только тогда, когда вы их описали. Когда вы говорите: 'Гомер существует', вы имеете в виду, что 'Гомер' - это описание, которое к чему-то применимо. Дескрипция, когда она полностью установлена, всегда имеет форму 'определённое такое-то и такое-то'.

Тип вещей, которые подобны данным дескрипциям в том отношении, что они встречаются как слова в пропозиции, но на самом деле не являются конституентами правильно проанализированной пропозиции, вещи данного типа я называю 'неполными символами'. В логике существует очень много разновидностей неполных символов, и они являются источниками многих недоразумений и ложной философии, потому что люди введены в заблуждение грамматикой. Вы считаете, что пропозиция 'Скотт смертен' и пропозиция 'Автор *Веверлея* смертен' имеют одну и ту же форму. Вы считаете, что они обе являются простыми пропозициями, приписывающими предикат субъекту. Это совершеннейшее заблуждение; одна из них приписывает (или скорее может приписывать), а другая - нет. Те вещи, которые подобны 'автору *Веверлея*' и которые я называю неполными символами, сами по себе не имеют никакого значения, но приобретают его только в контексте. 'Скотт', взятое как имя, имеет значение само по себе. Оно обозначает определённого человека, и тот существует. Но фраза 'автор *Веверлея*' не является именем и сама по себе не обозначает вообще ничего, потому что когда она используется в пропозициях правильно, эти пропозиции не содержат никакой соответствующей ему конституенты.

Помимо дескрипций существует значительное количество разновидностей неполных символов. Это классы, о которых я буду говорить в следующий раз, и отношения, взятые в расширенном смысле, и т.д. Такие комплексы символов на самом деле представляют собой то, что я называю 'логическими фикциями', и они охватывают практически все объекты, хорошо известные в повседневной жизни: столы, стулья, Пикадилли, Сократа и т.д. Большинство из них либо классы, либо ряды, либо ряды классов. Во всяком случае, все они являются неполными символами, т.е. они являются комплексами, обладающими значением только в использовании и не имеющими никакого значения сами по себе.

Если вы хотите разобраться в анализе мира или анализе фактов или если вы хотите получить какое-либо представление о том, что

на самом деле представляет собой мир, важно осознать сколь многое из того, что имеет место в фразеологии, связано с природой неполных символов. Очень легко это можно видеть в случае с 'автором *Веверлея*', потому что 'автор *Веверлея*' не обозначает ни просто Скотта, ни что-либо ещё. Если бы он обозначал Скотта, пропозиция 'Скотт есть автор *Веверлея*' совпадала бы с пропозицией 'Скотт есть Скотт', что не так, поскольку Георг IV хотел знать, истинна ли первая пропозиция, и не хотел знать истинна ли вторая. Если бы 'автор *Веверлея*' обозначал нечто иное, чем Скотт, пропозиция 'Скотт есть автор *Веверлея*' была бы ложной, что не так. Следовательно, вы должны заключить, что 'автор *Веверлея*' сам по себе на самом деле вообще ничего не обозначает; а это характеристика неполных символов.

VII. ТЕОРИЯ ТИПОВ И СИМВОЛИЗМ: КЛАССЫ

Перед тем как приступить сегодня к главной теме своей лекции, я предпочёл бы сделать несколько замечаний в объяснение и расширение того, что говорил о существовании в двух предыдущих лекциях. Главным образом это является следствием письма, полученного мной от одного из слушателей и поднимающего много вопросов, которые, я думаю, занимают также умы других.

Первый пункт, который я хотел бы прояснить, следующий: Я не имел в виду, что, сказав о вещи, что она существует, подразумевают то же самое, как если говорят, что она возможна. Я имел в виду, что одной и той же является фундаментальная логическая идея, примитивная идея, от которой производны обе эти идеи. Последнее не совсем одно и то же с тем, когда говорят, что высказывание о том, что вещь существует, одинаково с высказыванием, что она возможна, я так не считаю. Я использую слово 'возможно' вероятно в несколько необычном смысле, поскольку мне требуется слово для фундаментальной логической идеи, для которой в обычном языке слова не существует, и, следовательно, если в обычном языке необходимо попытаться выразить рассматриваемую идею, нужно взять некоторое слово и сообщить ему смысл, приданный мной слову 'возможно'; последний ни в коей мере не является тем смыслом, которым оно обладает, но он подходит для моей цели. Мы говорим о пропозициональной функции, что она является возможной, когда имеются случаи, при которых она является истинной. Это не в точности то же самое, что обычно подразумевают, когда, например, говорят, что возможно завтра будет дождь. Но я настаиваю, что обычное использование слова 'возможно' посредством обработки производно от этого понятия. Например, обычно, сказав

о пропозиции, что она возможна, вы подразумеваете нечто подобное следующему. Прежде всего из этого следует, что вы не знаете является ли она истинной или ложной; и, я думаю, во-вторых, из этого следует, что она относится к тому классу пропозиций, из которых о некоторых известно, что они истинны. Когда, например, я говорю: 'Возможно, завтра будет дождь' - пропозиция 'Завтра будет дождь' относится к классу пропозиций 'Дождь идёт в момент времени t ', где t - различные моменты времени. Отчасти мы подразумеваем, что нам не известно, будет дождь, или же нет, но также подразумеваем и то, что знаем, что этот тип пропозиции вполне способен быть истинным, что о значении пропозициональной функции нам известно, что какое-то значение является истинным. Я думаю, вы найдёте, что многие обычные употребления слова 'возможно' проходят под таким руководством. Другими словами, когда вы говорите о пропозиции, что она является возможной, у вас имеется следующее: 'В данной пропозиции есть некоторая конstituента, которая, если преобразовать её в переменную, даст вам пропозициональную функцию, иногда являющуюся истинной'. Следовательно, вы не должны говорить о пропозиции просто, что она возможна, но скорее, что она является возможной в отношении такой-то и такой-то конstituенты. Это было бы более полным выражением.

Говоря, например: 'Львы существуют', я не имею в виду то же самое, как если бы сказал, что львы возможны; поскольку, когда вы говорите: 'Львы существуют', последнее подразумевает, что пропозициональная функция ' x - лев' является возможной в том смысле, что львы есть, тогда как, если вы говорите: 'Львы возможны', последнее вообще является другим типом высказывания, не подразумевающего, что случайное индивидуальное животное может быть львом, но скорее, что *вид* животного может быть *видом*, который мы называем 'львы'. Если вы, например, говорите: 'Единороги возможны', то подразумеваете, что вам не известна какая-либо причина, почему бы не быть единорогам, а это пропозиция совершенно отличная от 'Единороги существуют'. Относительно того, что вы подразумеваете, говоря о том, что единороги возможны, последнее всегда можно свести к тому же самому, как и 'Возможно завтра будет дождь'. Вы имели бы в виду, что пропозиция 'Единороги существуют' является одной из определённого множества пропозиций, из которых истинность некоторых известна, и что описание единорога не содержит ничего такого, что показывало бы невозможность существования подобных зверей.

Когда я говорю, что пропозициональная функция является возможной, подразумеваю существование случаев, в которых она яв-

ляется истинной, я сознательно использую слово 'возможно' в необычном смысле, поскольку мне требуется единственное слово для моей фундаментальной идеи, и я не могу найти какого-то слова в обычном языке, которое выражает то, что я имею в виду.

Во-вторых, предполагается, что когда кто-нибудь говорит, что вещь существует, это подразумевает, что она находится во времени, или во времени и пространстве, по крайней мере во времени. Данное предположение является самым общим, но я не думаю, что на самом деле многое можно сказать в пользу такого использования этого слова; *во-первых*, поскольку не было бы нужды в отдельном слове, если бы это и было всё, что вы подразумевали. *Во-вторых*, поскольку, наконец, можно вполне стремиться к обсуждению вопроса, есть ли вещи, которые существуют безотносительно ко времени, в том смысле, чем бы ни был этот смысл, в котором о вещи, обычно рассматриваемой как существующая, говорится, что она существует. Ортодоксальная метафизика придерживается того, что то, что действительно является реальным, находится не во времени, что находится во времени значит быть более или менее нереальным, и что реально существующее вообще не находится во времени. И ортодоксальная теология считает, что Бог не находится во времени. Я не вижу причины, почему бы вам не соорудить своё определение существования таким образом, чтобы предотвратить такое понятие существования. Я склонен думать, что есть вещи, которые не находятся во времени, и должен принести извинения за использование слова 'существование' в таком смысле, когда у вас уже была фраза 'бытие во времени', вполне удовлетворительно выражающее то, что подразумеваете вы.

Другое возражение на это определение состоит в том, что последнее по крайней мере не годится для того типа употребления 'существования', который обосновывал моё рассуждение и который является общим с математикой. Когда вы берёте теоремы о существовании, например, говоря: 'Существует чётное простое число', вы имеете в виду не то, что число два находится во времени, но то, что вы способны найти число, о котором сможете сказать: 'Оно является чётным и простым'. Обычно в математике говорят о пропозициях такого типа, как теоремы о существовании, т.е. вы устанавливаете, что существует объект такого-то и такого-то типа; в математике этот объект является конечно логическим объектом, не индивидом, не вещью подобной льву или единорогу, но объектом подобным функции или числу, чему-то такому, что явно вообще не имеет свойства бытия во времени, и эта разновидность смысла теорем о существовании релевантна обсуждению значения существования, с которым я имел дело в двух последних

лекциях. Конечно, я придерживаюсь того, что смысл существования можно привести к тому, чтобы охватывать более обычные употребления существования, и фактически дать ключ к тому, что обосновывает эти обычные употребления, как когда говорят, что 'Гомер существовал' или 'Ромул не существовал', или всё, что мы могли бы высказать в этом роде.

Я перехожу теперь к *третьему* предположению о существовании, которое также является обыкновенным, когда об отдельно взятом 'это' вы можете сказать: 'Это существует', в том смысле, что оно не является фантомом, образом или универсалией. Сейчас я думаю, что использование существования затрагивает смешения, от которых исключительно важно освободить разум, действительно достаточно опасные ошибки. Прежде всего, мы должны отделить фантомы и образы от универсалий; они находятся на другом уровне. Фантомы и образы несомненно существуют в том смысле, чем бы он ни был, в котором существуют обычные объекты. Я имею в виду, что если вы закроете глаза и вообразите некоторую визуальную сцену, образы, которые проходят перед вашим разумом в процессе воображения, несомненно существуют. Они суть образы, нечто происходящее, а происходит то, что образы проходят перед нашим разумом, и эти образы представляют собой точно такую же часть мира, как столы, стулья и что-либо ещё. Они являются вполне приличными объектами, и вы только называете их нереальными (если вы так их называете) или трактуете их как несуществующие, поскольку они не обладают обычным типом отношений к другим объектам. Если вы закроете глаза, вообразите визуальную сцену и протянете руку, чтобы прикоснуться к воображаемому, вы не получите тактильного ощущения или, даже неизбежно, тактильного образа. Вы не получите обычной корреляции взгляда и прикосновения. Воображая тяжёлый дубовый стол, вы можете передвинуть его без какого-либо мускульного усилия, чего не случится с дубовым столом, который вы действительно видите. Общие корреляции ваших образов совершенно отличны от корреляций того, что предпочитают называть 'реальными' объектами. Но это не значит сказать, что образы являются нереальными. Это означает только то, что они не являются частью физики. Конечно, я знаю, что подобная вера в физический мир установлена некоторой разновидностью господствующего террора. Вы придерживаетесь того, чтобы неуважительно обходиться с тем, что не подходит физическому миру. Но на самом деле это очень несправедливо в отношении вещей, которые не подходят. Они существуют в той же степени, как и те, что подходят. Физический мир - это некоторый тип правящей аристократии, которой каким-то образом удаётся заставить обращать-

ся с чем-либо другим неуважительно. Подобный тип установки недостойн философа. Мы должны в точности одинаково трактовать вещи, которые не стыкуются с физическим миром, и образы находятся среди них.

Я полагаю, имеется в виду, что 'фантомы' отличаются от 'образов', будучи по природе галлюцинациями, предметами, которые не просто воображаются, но которые сопровождают убеждение. И вновь они совершенно реальны, единственно странное в них - это их корреляции. Макбет видит кинжал. Если бы он попытался дотронуться до него, он не получил бы какого-то тактильного ощущения, но из этого не следует, что он не *видел* кинжал, из этого следует, что он не *дотронулся* до него. Из этого никоим образом не следует, что визуального ощущения не было. Это означает только то, что тип корреляции между взглядом и прикосновением, которую мы обычно используем, является нормальным, но не универсальным правилом. Претендуя на его универсальность, мы говорим, что вещь является нереальной, когда она ему не соответствует. Вы говорите: 'Любой человек, который является человеком, будет делать то-то и то-то'. Затем, вы находите человека, который не будет поступать так, и говорите, что он не является человеком. Это как раз тот же самый случай, как и с кинжалом, до которого вы не можете дотронуться.

В другом месте я объяснял смысл, в котором фантомы являются нереальными¹. Когда вы видите реального человека, непосредственный объект, наблюдаемый вами, представляет собой объект целой системы индивидов, все они взаимопринадлежны и в совокупности продуцируют различные 'явления' человека для себя самого и других. С другой стороны, когда вы видите фантом человека, последний является изолированным индивидом, не соответствующим системе, как ей соответствуют индивиды, которые называют явлениями 'реального' человека. Сам по себе фантом является точно такой же частью мира, как и нормальные чувственные данные, но он утрачивает обычную корреляцию и поэтому приводит к ложным выводам и становится обманчивым.

Что касается универсалий [universals], когда я говорю об индивиде, что он существует, я определённо не подразумеваю то же самое, как если бы говорил, что он не является универсалией. Высказывание относительно любого индивида, что он не является универсалией, совершенно строго бессмысленно - не ложно, но строго и точно бессмысленно. Вы никогда не сможете поместить

¹ См.: *Our Knowledge of External World*, глава III, а также, раздел XII 'Чувственные данные и физика' в *Misticism and Logic*.

индивид на то место, где должна быть универсалия и наоборот. Если я говорю: ' a есть не b ', или если я говорю: ' a есть b ', из этого следует, что a и b одного и того же логического типа. Сказав об универсалии, что она существует, я подразумевал бы это в смысле, отличающемся от того, когда говорят, что индивид существует. Вы можете, например, сказать: 'Существуют цвета спектра между синим и жёлтым'. Последнее было бы вполне приличным высказыванием о цветах, взятых как универсалии. Вы просто подразумеваете, что пропозициональная функция ' x - цвет между синим и жёлтым' представляет собой функцию, которая способна быть истинной. Но встречающийся здесь x не является индивидом, он является универсалией. Таким образом, вы приходите к тому, что крайне важное понятие, включающее в себя существование, представляет собой понятие, которое я развивал в позапрошлой лекции, понятие пропозициональной функции, являющейся иногда истинной или, другими словами, являющейся возможной. Различие между тем, что некоторые называли бы реально существующим и существующим в человеческом воображении или в деятельности моей субъективности, это различие, как мы только что видели, есть всецело различие корреляции. Я имею в виду, будет ошибочной ваша попытка сказать, что всё, что вам является, имеет некоторую более славную форму существования, если оно объединено с теми другими вещами, о которых я вёл речь, в том смысле, что явление вам Сократа должно быть связано с его явлением другим людям. Вы сказали бы, что он был только в вашем воображении, если бы не было тех других корреляций, которые вы обычно ожидаете. Но это не подразумевает, что являющееся вам не есть точно такая же часть мира, как если были бы другие скоррелированные явления. Оно является точно такой же частью реального мира, только ему не достаёт ожидаемых вами корреляций. Последнее приложимо к вопросу об ощущении и воображении. Воображаемые предметы не обладают тем же типом корреляций, как ощущаемые предметы. Если вы хотите подробнее познакомиться с этим вопросом, я обсуждал его в *The Monist* за январь 1915 года, и если кого-то из вас заинтересует, вы найдёте обсуждение там*.

Я перехожу теперь к собственной теме моей лекции, но должен буду рассматривать её довольно поспешно. Необходимо объяснить теорию типов и определение классов. Итак, прежде всего, как я полагаю, большинству из вас известно, что если беспечно обращаться с формальной логикой, вы можете очень легко впасть в противоречия. Многие из них известны в течение долгого времени, некоторые даже со времён греков, но только достаточно недавно было обнаружено, что они имеют отношение к математике, и что

обыкновенный математик, если он не очень осмотрителен, склонен впадать в них, когда приближается к области логики. К несчастью, математические парадоксы более трудно разъяснить, а те, которые разъяснить легко, вызывают удивление просто как загадки или хитрости.

Вы можете начать с вопроса, существует ли наибольшее кардинальное число. Каждый класс предметов, который вы можете выбрать для упоминания, имеет некоторое кардинальное число. Последнее очень легко вытекает из определения кардинального числа как класса подобных классов, и вы склонны предполагать, что класс всех предметов, существующих в мире, имел бы столь много членов, сколько вообще разумно ожидать от класса. Обыкновенный человек предполагал бы, что вы не в состоянии получить класс больший, чем класс всех предметов, существующих в мире. С другой стороны, очень легко доказать, что если вы возьмете выборки некоторых членов класса, осуществляя эти выборки любым возможным для вас подходящим способом, число различных выборок, которые вы сможете сделать, больше чем изначальное число членов. Это легко видеть на примере с малыми числами. Предположим, у вас есть класс как раз с тремя числами: a , b , c . Первая выборка, которую вы можете сделать, - это выборка, не имеющая членов. Следующая выборка: отдельно a , отдельно b , отдельно c . Затем, bc , ca , ab , abc , в общем 8 (т.е. 2^3) выборок. Вообще говоря, если у вас есть n членов, вы можете получить 2^n выборок. Очень легко доказать, что 2^n всегда больше чем n , будет ли n конечным или же нет. Так вы находите, что общее число предметов в мире не является столь большим, как число классов, которые можно получить из этих предметов. Я прошу, чтобы вы принимали эти пропозиции как доказанные, поскольку нет времени переходить к доказательствам, но все они имеются в работе Кантора*. Следовательно, вы найдёте, что общее число предметов в мире никоим образом не является самым большим числом. Наоборот, существует иерархия чисел больших, чем данное. На первый взгляд, это, по-видимому, приводит вас к противоречию. Фактически, у вас есть совершенно точное арифметическое доказательство того, что на небесах или на земле имеется предметов *меньше*, чем грезится нашей философии. Последнее демонстрирует то, как философия делает успехи.

Поэтому вы сталкиваетесь с необходимостью провести различие между классами и индивидами. Вы сталкиваетесь с необходимостью говорить, что класс, состоящий из двух индивидов, сам в свою очередь не является новым индивидом, и это должно быть разъяснено всеми способами; т.е. вы будете должны сказать, что в

том смысле, в котором существуют индивиды, в этом самом смысле не верно сказать, что существуют классы. Смысл, в котором существуют классы, отличается от смысла, в котором существуют индивиды, потому что, если бы смысл в обоих случаях был одинаковым, мир, в котором есть три индивида и, следовательно, восемь классов, был бы миром, в котором имеется по крайней мере одиннадцать предметов. Как давным-давно указывали китайские философы, серая корова и гнедая лошадь составляют три предмета: предметами являются каждая из них, и, взятые вместе, они представляют собой другой предмет, а следовательно, всего три.

Я перехожу теперь к противоречию, относящемуся к классам, которые не являются членами самих себя. В общем то вы сказали бы, что не ждёте от класса, чтобы он был членом самого себя. Например, если вы возьмёте класс всех чайных ложек в мире, сам он не является чайной ложкой. Или, если вы возьмёте всех человеческих существ в мире, их целостный класс в свою очередь не является человеческим существом. Естественно, вы сказали бы, что не можете ожидать от всего класса предметов, чтобы сам он был членом этого класса. Но есть явные исключения. Если вы возьмёте, например, все вещи в мире, которые не являются чайными ложками, и создадите из них класс, этот класс (вы сказали бы) очевидно не будет чайной ложкой. И так со всеми отрицательными классами. И не только с отрицательными классами, ибо, если вы считаете на время, что классы являются предметами в том же самом смысле, в котором предметами являются предметы, вы тогда должны будете сказать, что класс, состоящий из всех предметов в мире, сам является предметом мира, а стало быть, этот класс является членом самого себя. Конечно, вы подумали бы, ясно, что класс, состоящий из всех классов в мире, сам является классом. Я думаю, большинство людей должны чувствовать склонность к такому предположению, и, следовательно, вы здесь получили бы случай класса, являющегося членом самого себя. Если есть какой-то смысл в том, чтобы спросить, является ли класс членом самого себя или же нет, тогда конечно во всех случаях обычных классов повседневной жизни вы найдёте, что класс не является членом самого себя. Соответственно этому вы можете перейти к образованию класса всех тех классов, которые не являются членами самих себя, и, сделав это, вы можете спросить себя, является ли данный класс членом самого себя или же нет?

Предположим прежде, что он является членом самого себя. В этом случае, он представляет собой один из тех классов, которые не являются членами самих себя, т.е., он не является членом самого себя. Предположим затем, что он не является членом самого

себя. В этом случае он не представляет собой один из тех классов, которые не являются членами самих себя, т.е. он есть один из классов, которые являются членами самих себя, т.е. он является членом самого себя. Следовательно, любая гипотеза, что он является или что он не является членом самого себя, приводит к его противоречивости. Если он является членом самого себя, то он не является членом самого себя, а если он не является членом самого себя, то он является членом самого себя.

Это противоречие в высшей степени интересно. Вы можете модифицировать его форму; некоторые формы модификации обоснованы, а некоторые нет. Однажды я предложил форму, которая не была обоснованна, а именно, вопрос о том, должен ли брадобрей бриться сам, или же нет. Вы можете определить брадобрея как того, 'кто бреет всех тех, и только тех, кто не бреется сам'. Вопрос в том, бреется ли сам брадобрей? В этой форме противоречие не слишком трудно разрешить. Но в нашей предыдущей форме, я думаю ясно, вы сможете обойти его, только заметив, что в целом вопрос, является ли класс членом самого себя или же нет, является бессмысленным, т.е., что не класс является или не является членом самого себя, и что даже не правильно говорить подобное, поскольку в целом эта словесная конструкция есть только набор звуков, не имеющий значения. Последнее имеет отношение к тому факту, что классы, как я собираюсь показать, являются неполными символами в том же самом смысле, в котором неполными символами являются дескрипции, о чём я вёл речь прошлый раз; вы высказываете вздор, когда спрашиваете себя, является ли нет класс членом самого себя, поскольку в любом полном высказывании того, что подразумевается пропозицией, которая выглядит как пропозиция о классах, в этом высказывании вы вообще не найдёте никакого упоминания о классе. Если высказывание о классах должно быть значимым, а не чистым вздором, абсолютно необходимо, чтобы его можно было перевести в форму, которая вообще не упоминает классов. Такой тип высказываний, как 'Такой-то и такой-то класс является или не является членом самого себя', не способно к переводу такого рода. Последнее аналогично тому, что я говорил о дескрипциях: символ для класса является неполным символом; на самом деле он не обозначает частей пропозиции, в которых встречается в качестве символа, но при правильном анализе этих пропозиций, данный символ распадается и исчезает.

Есть ещё одно из противоречий, самое древнее, которое я также могу упомянуть, высказывание Эпименида, что 'Все критяне лжецы'. Эпименид - это человек, который безостановочно проспал шестьдесят лет, и, я верю, очнувшись от дремоты, он сделал заме-

чание, что все критяне были лжецами. Противоречию может быть придана более простая форма; если человек высказывает утверждение: 'Я лгу', лжёт ли он, или же нет? Если он лжёт, что и есть как раз то, что он говорит, то он высказывает истину, а не лжёт. Если, с другой стороны, он не лжёт, тогда, очевидно, он говорит истину, утверждая, что он лжёт, а, стало быть, он лжёт, поскольку он правильно говорит о том, что делает. Это древняя загадка, и никто не рассматривал её кроме как шутку до тех пор, пока не было обнаружено, что она должна иметь отношение к таким важным и практическим проблемам, как существует ли наибольшее кардинальное или ординальное число. Тогда, наконец, с этими противоречиями стали обращаться серьёзно. Человек, который говорит: 'Я лгу', на самом деле утверждает: 'Существует пропозиция, которую я утверждаю и которая является ложной'. Это предположительно то, что вы подразумеваете под ложью. Для того чтобы получить противоречие, вы должны взять всё его данное утверждение как одну из пропозиций, к которым применимо его утверждение; т.е. когда он говорит: 'Существует пропозиция, которую я утверждаю и которая является ложной', слово 'пропозиция' должно интерпретироваться как включённое в пропозиции его утверждения в том смысле, что он утверждает ложную пропозицию. Поэтому вы должны предполагать, что у вас имеется определённая общность, а именно, общность пропозиций, но эта общность содержит члены, которые могут быть определены только в терминах самих себя. Потому что когда вы говорите: 'Существует пропозиция, которую я утверждаю и которая является истинной', последнее представляет собой высказывание, чьё значение может быть получено только посредством ссылки на общность пропозиций. Вы не говорите, какая среди всех пропозиций, имеющих место в мире, есть та, которую вы утверждаете и которая является ложной. Следовательно, предполагается, что общность пропозиций простирается перед вами, и что какая-то одна, хотя вы и не говорите какая, утверждается ложно. Совершенно ясно, что вы впадаете в порочный круг, если прежде предполагаете, что эта общность пропозиций простирается перед вами, так что вы можете, не выбирая какой-либо определённой пропозиции, сказать: 'Какая-то пропозиция из этой общности утверждается ложно'; само это утверждение является одним из общности, из которой вы выбираете. Данная ситуация в точности та, которая у вас есть в парадоксе лжеца. Прежде всего вами предполагается заданным множество пропозиций, и вы утверждаете, что некоторая из них утверждается ложно, затем само это утверждение преобразуется в одну из пропозиций данного множества, так что, очевидно, ошибочно предполагать,

что это множество уже здесь в своей полноте. Если вы собираетесь что-то говорить обо 'всех пропозициях', вы должны, прежде всего, определить пропозиции каким-то таким способом, чтобы исключить те из них, которые указывают на все пропозиции уже определённого типа. Из этого следует, что слово 'пропозиция' в том смысле, в котором мы обычно пытаемся его использовать, является бессмысленным, и что мы можем разделить пропозиции на множества и можем высказывать утверждения о всех пропозициях в данном множестве, но такие пропозиции сами не будут членами этого множества. Например, я могу сказать: 'Все атомарные пропозиции являются либо истинными, либо ложными', но само последнее не будет атомарной пропозицией. Если вы без ограничений попытаетесь сказать: 'Все пропозиции являются либо истинными, либо ложными', вы утверждаете вздор, потому что, если бы это не было вздором, оно само должно было бы быть пропозицией и одной из тех пропозиций, которые включаются в свой собственный объём, а следовательно, закон исключённого третьего, как он провозглашён только что, является бессмысленным набором звуков. Вы должны расчленить пропозиции на различные типы, и можете начать с атомарных пропозиций или, если вам нравится, можете начать с тех пропозиций, которые вообще не указывают на множество пропозиций. Затем следующими вы возьмёте те, которые указывают на множества пропозиций той разновидности, которые вы брали первыми. Те, что указывают на множества пропозиций первого типа, вы можете назвать вторым типом, и т.д.

Если вы примените это к человеку, который говорит: 'Я лгу', вы найдёте, что противоречие исчезло, поскольку он должен будет сказать, каким типом лжеца он является. Если он говорит: 'Я утверждаю ложную пропозицию первого типа', фактически это высказывание, поскольку оно указывает на общность пропозиций первого типа, относится ко второму типу. Следовательно, не верным будет то, что он утверждает ложную пропозицию, и он остаётся лжецом. Сходным образом, если бы он говорил, что утверждал ложную пропозицию 30,000-ного типа, последнее было бы утверждением 30,001-го типа, поэтому, он всё ещё оставался бы лжецом. И контраргумент, доказывающий, что он к тому же не был лжецом, разрушается.

Вы можете сформулировать, что общность любой разновидности не может быть членом самой себя. Последнее применимо к тому, что мы говорим о классах. Например, общность классов в мире не может быть классом в том же самом смысле, в котором последние являются классами. Так мы должны различать иерархию классов. Мы будем начинать с классов, которые всецело со-

ставлены из индивидов: это будет первым типом классов. Затем мы перейдем к классам, членами которых являются классы первого типа: это будет второй тип. Затем, мы перейдем к классам, членами которых являются классы второго типа: это будет третий тип, и т.д. Для класса одного типа никогда невозможно быть или не быть тождественным с классом другого типа. Это применимо к вопросу, который я обсуждал немного ранее, относительно того, как много предметов существует в мире. Предположим, в мире имеется три индивида. Тогда, как я объяснял, существует 8 классов индивидов. Классов классов индивидов будет 2^8 (т.е. 256), а классов классов классов индивидов 2^{256} , и т.д. Вы не получите какого-то вырастающего отсюда противоречия, когда задаёте себе вопрос: 'Существует ли наибольшее кардинальное число?', ответ всецело зависит от того, ограничиваетесь ли вы одним типом, или же нет. В рамках любого заданного типа наибольшее кардинальное число существует, а именно, число объектов данного типа, но вы всегда способны получить большее число, переходя к следующему типу. Следовательно, нет столь большого числа, но вы можете получить большее число подходящего высокого типа. Здесь у вас есть две стороны этого спора: одна, когда тип задан, и другая, когда тип не задан.

Ради краткости я говорил так, как если бы все эти различные типы предметов существовали реально. Конечно, это чепуха. Существуют индивиды, но при переходе к классам, классам классов и классам классов классов говорят о логических фикциях. Когда я говорю, что таких предметов нет, это снова некорректно. Бессмысленно сказать: 'Существуют такие предметы', в том же самом смысле слова 'существуют', в котором вы можете сказать: 'Существуют индивиды'. Если я говорю: 'Существуют индивиды' и 'Существуют классы', два выражения 'существуют' в этих двух пропозициях должны будут иметь различные значения, и если они имеют подходящие различные значения, обе пропозиции могут быть истинными. Если, с другой стороны, слово 'существует' используется в обеих пропозициях в одинаковом смысле, тогда по крайней мере одно из этих высказываний должно быть вздором, не ложью, но вздором. Тогда возникает вопрос, что же представляет собой тот смысл, в котором можно сказать: 'Существуют классы', или, другими словами, что же вы подразумеваете высказыванием, в которое, как кажется, входят классы? Прежде всего, что предпочли бы вы сказать о классах? Как раз то же самое, что требуется вам для того, чтобы говорить о пропозициональных функциях. Вы хотите сказать о пропозициональной функции, что она иногда является истинной. Это то же самое, как если о классе говорят, что он

имеет члены. Вы хотите сказать, что это истинно в точности для 100 значений переменных. Последнее одинаково с тем, когда о классе говорят, что он имеет сто членов. Всё то, что вы хотите сказать о классах, одинаково с тем, что вы хотите сказать о пропозициональных функциях, исключая случайные и неуместные лингвистические формы, однако с определёнными оговорками, которые теперь должны быть объяснены.

Возьмём, например, две пропозициональные функции, такие как 'x - человек', 'x - беспёрое, двуногое'. Обе они формально эквивалентны, т.е. когда одна из них является истинной, таковой является и другая, и наоборот. Кое-что из того, что вы можете сказать о пропозициональной функции, не будет необходимо оставаться истинным, если вы на её место подставите другую формально эквивалентную пропозициональную функцию. Например, пропозициональная функция 'x - человек' одна из тех, что должны иметь дело с понятием человечество. Последнее не верно для 'x - беспёрое, двуногое'. Или, если вы говорите: 'Тот-то и тот-то утверждает, что такой-то и такой-то является человеком', откуда входит пропозициональная функция 'x - человек', но 'x - беспёрое, двуногое' - нет. Есть много такого, что вы можете сказать о пропозициональной функции, которая не была бы истинной, если бы вы подставили другую формально эквивалентную пропозициональную функцию. С другой стороны, любое высказывание о пропозициональной функции, которая остаётся истинной или остаётся ложной, в зависимости от обстоятельств, когда вы подставляете вместо неё другую формально эквивалентную пропозициональную функцию, может рассматриваться как относящаяся к классу, который ассоциируется с пропозициональной функцией. Я хочу, чтобы вы брали слова *может рассматриваться* в строгом смысле. Я использую их вместо *является*, поскольку *является* было бы неверным. 'Экстенциональные' высказывания о функциях суть те, что остаются истинными, когда вы подставляете любую другую формально эквивалентную функцию, и они суть те, что могут рассматриваться как относящиеся к классам. Если у вас имеется любое высказывание о функции, которое не является экстенциональным, вы всегда можете образовать из него нечто подобное высказыванию, которое является экстенциональным, а именно, существует функция, формально эквивалентная рассматриваемой, относительно которой рассматриваемое высказывание является истинным. Это высказывание, искусственно образованное из того, с которого вы начинали, будет экстенциональным. Оно всегда будет одинаково истинным или одинаково ложным для любых двух формально эквивалентных функций, и это производное экстенциональное высказывание мо-

жет рассматриваться как соответствующее высказывание о связанном с ним классе. Так, когда я говорю, что 'Класс людей имеет такое-то количество членов', это означает: 'Существует такое-то количество людей в мире', последнее будет производно от высказывания, что ' x - человек' удовлетворяется таким-то количеством значений x , и для того, чтобы получить его в экстенциональной форме, его полагают таким способом, что 'Существует функция формально эквивалентная функции " x - человек", которая является истинной для такого-то количества значений x '. Последнее я бы определил как то, что имею в виду, говоря: 'Класс людей имеет такое-то количество членов'. Этим способом вы находите, что все формальные свойства, которые вам хотелось бы видеть у классов, все их формальные употребления в математике, могут быть получены без предположения, так сказать, что пропозиция, в которую символически входит класс, действительно содержит конституенту, соответствующую этому символу, и будучи правильно проанализированным, этот символ исчезнет тем же самым способом, как исчезают дескрипции, когда правильно проанализированы пропозиции, в которые они входят.

При более обычном взгляде на классы имеются определённые трудности вдобавок к уже упомянутым нами, и которые разрешаются нашей теорией. Одна из них связана с нулевым классом, т.е. с классом, не имеющим членов, который трудно рассматривать на чисто экстенциональной основе. Другая связана с единичным классом. С обычной точки зрения на классы, вы сказали бы, что класс, который имеет только один член, совпадал бы с самим этим членом. Последнее привело бы вас к страшным затруднениям, поскольку в данном случае этот один член является членом данного класса, а именно, самого себя. Возьмём, например, класс 'слушателей лекции в Гордон Сквер'. Очевидно, это класс классов и вероятно, это класс, имеющий только один член, и сам этот один член (до сих пор) содержит более одного члена. Стало быть, если бы вы должны были отождествить класс слушателей лекции в Гордон Сквер с единственным слушателем, имеющимся в Гордон Сквер, вам нужно было бы говорить как о том, что он имеет один член, так и о том, что он имеет двадцать членов, и вы впали бы в противоречие, поскольку этот слушатель имеет более одного члена, но класс слушателей в Гордон Сквер имеет только один член. Вообще говоря, если у вас имеется любое собрание многих объектов, образующих класс, вы в состоянии сформировать класс, у которого данный класс будет единственным членом, и класс, у которого данный класс является единственным членом, будет иметь только один член, хотя этот единственный член и будет содержать много

членов. Это одна из причин, почему вы должны отличать единственный класс от его единственного члена. Другая заключается в том, что если вы так не сделаете, то обнаружите, что класс является членом самого себя, а это вызывает возражение, как мы видели в данной лекции ранее. Я включил тонкости, связанные с тем фактом, что две формально эквивалентные функции могут быть различных типов. О способах трактовки этого вопроса смотрите *Principia Mathematica*, стр.20 и введение, раздел III.

Я вовсе не сказал всего, что должен был сказать на этот счёт. Я намеревался углубиться в теорию типов немного далее. Теория типов на самом деле является теорией символов, а не вещей. В надлежащем логическом языке она была бы совершенно очевидной. Существующие неприятности вырастают из закоренелой привычки пытаться именовать то, что не может быть наименовано. Если бы у вас был надлежащий логический язык, вы бы не пытались этого делать. Строго говоря, наименованными могут быть только индивиды. В том смысле, в котором индивиды существуют, вы не в состоянии сказать истинно либо ложно, что существует что-то ещё. Слово 'существует' - это слово, обладающее 'систематической двусмысленностью', т.е. обладающее строго бесконечным числом разных значений, которые важно различать.

Дискуссия

Вопрос: Можете ли вы рассматривать все эти классы, классы классов и т.д. как единое целое?

М-р Рассел: Всё это фикции, но в каждом случае различные фикции. Когда вы говорите: 'Существуют классы индивидов', высказывание 'существуют' требует расширения и объяснения, и, записав то, что действительно имели в виду или должны были иметь в виду, вы найдёте, что оно представляет собой нечто совершенно отличное от того, что вы думали. Эта процедура расширения и полной записи того, что подразумевается, будет иной, если вы перейдёте к 'Существуют классы классов индивидов'. Имеется бесконечное число значений 'существуют'. Поскольку речь идёт о иерархии классов, только первое является фундаментальным.

Вопрос: Меня интересует, не аналогично ли это пространствам, где первых три измерения действительны, а более высокие измерения просто символические. Я вижу, что различие есть, более высокие измерения существуют, но вы можете рассматривать их как единое целое.

М-р Рассел: Имеется только одно фундаментальное значение, которое является первым, значение, касающееся индивидов, но перейдя к классам, вы отошли настолько далеко от того, что существует, как если бы перешли к классам классов. На самом деле в физическом мире классов не существует. Есть индивиды, но не классы. Если вы говорите: 'Универсум существует', данное значение 'существует' будет совершенно отличным от значения, в котором вы говорите: 'Существуют индивиды', и которое подразумевает, что 'пропозициональная функция " x - индивид" иногда является истинной'.

Все эти высказывания являются высказываниями о символах. Они никогда не относятся к самим вещам, и должны иметь дело с 'типами'. Последнее на самом деле является важным, и я не должен забывать говорить, что отношение символа к тому, что он обозначает, различно в разных типах. Я веду речь теперь не об иерархии классов и т.п., но о том, что отношение предиката к тому, что он обозначает, отличается от отношения имени к тому, что обозначает оно. Нет одного единственного понятия 'значения', как обычно думают, так чтобы вы в одинаковом смысле могли сказать: 'Все символы имеют значение', но существует бесконечное число разных способов значения, т.е. разных типов отношения символа к символизируемому, которые абсолютно различны. Например, отношение пропозиции к факту совершенно отлично от отношения имени к индивиду, как вы можете видеть из того факта, что существует две пропозиции, всегда относящиеся к одному данному факту, а с именем это не так. Последнее демонстрирует вам, что отношение, которое пропозиция имеет к факту, совершенно отлично от отношения имени к индивиду. Вы не должны предполагать, что сверх и помимо этого существует способ, которым вы можете прийти к фактам, именуя их. Вы всегда можете прийти к вещи, на которую нацелены, только посредством надлежащего типа символа, достигающего её подходящим способом. Это реальная философская истина, лежащая в основе всей теории типов.

VIII. ЭКСКУРС В МЕТАФИЗИКУ: ЧТО ЭТО ТАКОЕ

Я перехожу теперь к последней лекции данного курса и предполагаю кратко указать на то, какая мораль должна вытекать из предыдущего, способом предполагающим отношение защищаемых мной доктрин к различным проблемам метафизики. До сих пор я имел дело с тем, что можно назвать философской грамматикой, и боюсь, должен был провести вас в процессе данного исследования

через порядочное количество весьма сухих и затхлых областей, но я думаю, что важность философской грамматики гораздо много большая, чем обычно считают. Я думаю, что практически вся традиционная метафизика наполнена ошибками, обусловленными плохой грамматикой, и что почти все традиционные проблемы метафизики и её традиционные результаты - предполагаемые результаты - обусловлены неспособностью провести определённые виды различий в том, что мы называем философской грамматикой, которую рассматривали в предыдущих лекциях.

Возьмём как самый простой пример - философию арифметики. Если вы считаете, что 1, 2, 3, 4 и остальные числа в каком-либо смысле являются сущностями, если вы считаете, что в области бытия существуют объекты, имеющие такие имена, то сразу же получаете значительный аппарат для вашей метафизики и представляете определённый вид анализа арифметических пропозиций. Когда вы, например, говорите, что 2 плюс 2 равно 4, то в данном случае предполагаете, что образовали пропозицию, конститuentами которой являются число 2 и число 4, а это влечёт все те разнообразные следствия, которые относятся к вашей общей метафизической точке зрения. Если в рассмотренных нами доктринах была какая-то истина, все числа являются тем, что я называю логическими фикциями. Числа представляют собой классы классов, а классы являются логическими фикциями, так что числа - это, так сказать, фикции второго порядка, фикции фикций. Поэтому как часть окончательных конститuent вашего мира у вас отсутствуют такие странные сущности, которые вы склонны называть числами. То же самое применимо во многих других направлениях.

Одна цель, проходящая через всё, что я говорил, заключается в оправдании анализа, т.е. в оправдании логического атомизма, той точки зрения, что если и не на практике, то в теории вы способны достичь конечных простых, из которых построен мир, и что эти простые обладают тем видом реальности, который не принадлежит чему-либо ещё. Как я пытался объяснить, простые представляют собой бесконечное число разновидностей. Существуют индивиды, качества и отношения различных порядков, целая иерархия различных типов простых, но все они, если мы правы, различными способами обладают некоторым видом реальности, не принадлежащим чему-либо ещё. Единственный другой тип объектов, с которым вы сталкиваетесь в мире, представляет собой то, что мы называем *фактами*, и факты представляют собой тип вещей, утверждаемый или отрицаемый пропозициями, и вовсе не являются собственно сущностями в том самом смысле, в котором сущностями являются их конститuenty. Последнее демонстрируется тем

фактом, что вы не можете их именовать. Вы можете только отрицать, утверждать или рассматривать их, но вы не можете их именовать, потому что они не должны именоваться, хотя в другом смысле и истинно, что вы не в состоянии познать мир, если не познаёте факты, создающие истины мира; но знание фактов - это совершенно иное, чем знание простых.

Другая цель, которая проходит через всё, что я говорил, - это цель, олицетворённая в максиме, называемой бритвой Оккама*. Эта максима на практике привходит следующим образом: возьмём некоторую науку, скажем, физику. Здесь у вас есть заданный остов доктрины, множество пропозиций, выраженных в символах, - слова я включаю в совокупность символов - и вы считаете, что у вас есть причина думать, что в целом эти пропозиции, правильно интерпретированные, являются достаточно истинными, но вы не знаете, что действительно представляет собой значение символов, которые вы используете. Значение, в котором они *используются*, должно было бы быть объяснено некоторым прагматическим способом; для вас они обладают определённым типом практического или эмоционального значения, являющегося заданной величиной, но логическое значение не является заданной величиной, оно разыскивается, и вы просматриваете эти пропозиции, анализируя науку, подобную физике, с точки зрения поиска того, что представляет собой мельчайший эмпирический аппарат - или мельчайший аппарат не необходимо всецело эмпирический - из которого вы способны построить эти пропозиции. Что же вначале представляет собой самое малое количество простых неопределённых предметов и самое малое количество недоказанных предпосылок, отталкиваясь от которых, вы можете определить предметы, требующие определения, и доказать то, что нуждается в доказательстве? Эта проблема, в любом предпочитаемом вами смысле, ни в коем случае не является простой, но, наоборот, является крайне трудной. Она относится к тем проблемам, которые требуют весьма значительного учёта логической техники; и то, о чём я говорил в этих лекциях, является предварительными и первыми шагами в этой логической технике. Возможно, вы не сможете достичь решения такой проблемы, о которой я вёл речь, если придёте к ней непосредственным способом как раз с обычной смекалкой, которую накапливают в процессе чтения или изучения традиционной философии. Вам нужен такой аппарат символической логики, о котором говорил я. (Описать данный предмет как символическую логику неадекватно. Я предпочёл бы описать его просто как логику, на том основании, что реально ещё ничего не является логикой, но это звучит столь вычужденно, что я не решаюсь сделать так.)

А сейчас рассмотрим ещё один пример из физики. Прочитав работы физиков, вы найдёте, что они редуцируют материю к определённым элементам - атомам, ионам, частицам или чему угодно. Но в любом случае тип предметов, на который вы нацелены при физическом анализе материи, должен сводиться к очень маленьким её кусочкам, которые всё ещё совершенно подобны материи в том, что они сохраняются во времени и перемещаются в пространстве. Фактически они обладают всеми обычными повседневными свойствами физической материи, не той материи, которая имеется в обыденной жизни - они не имеют вкуса или запаха и не видны невооружённым глазом - но они обладают свойствами, которые вы получите, как только перейдёте от обыденной жизни к физике. Я говорю, что предметы такого типа не являются конечными конституентами материи в любом метафизическом смысле. Совсем незначительная рефлексия, как я считаю, показывает, что все эти предметы являются логическими фикциями в том смысле, о котором я вёл речь. Сказав, что они являются фикциями, я по крайней мере говорю нечто слишком догматическое. Возможно, что все те предметы, о которых говорит физик, и существуют в актуальной реальности, но невозможно, чтобы у нас была вообще какая-то причина предполагать, что они существуют. К этой ситуации вы по большей части приходите при таком анализе. Вы находите, что относительно определённого предмета, установленного как метафизическая сущность, может либо догматически предполагаться его реальность, и тогда у вас не будет возможного аргумента либо в пользу его реальности, либо против его реальности; либо, вместо этого, вы можете сконструировать логическую фикцию, обладающую формальными свойствами формально аналогичными тем, которые предполагает метафизическая сущность, а сама она составлена из эмпирически данных предметов, и что логическая фикция может быть подставлена вместо вашей предполагаемой метафизической сущности и может выполнять все научные цели, которые кто-либо мог пожелать. Со всеми метафизическими сущностями науки или метафизики, с атомами и с остальными дело обстоит так. Под метафизическими сущностями я подразумеваю те предметы, которые, как предполагается, являются частью окончательных конституент мира, но не являются той разновидностью предметов, которые как-то даны эмпирически - я не говорю просто, сами не являются данными эмпирически, но говорю, не являются *разновидностью* предметов, которые даны эмпирически. В случае материи, вы можете начать с того, что дано эмпирически, с того, что видят, слышат, обоняют и т.п., со всех обычных чувственных данных, или можете начать с некоторого обычного объекта, ска-

жем с этой доски, и можете спросить себя: 'Что же я имею в виду, говоря, что эта доска, на которую я сейчас смотрю, одинакова с той доской, на которую я смотрел неделю назад?' Первый простой обычный ответ заключался бы в том, что она *является* той же самой доской, она на самом деле идентична, потому что существует совершенное тождество субстанции или чего-то ещё, какое бы название вы не предпочли. Но когда предполагается этот кажущийся простым ответ, важно заметить, что у вас не может быть какой-то эмпирической причины для такой точки зрения, и, придерживаясь её, вы поступаете так просто потому, что она вам нравится, а не по какой-то другой причине. Всё, что вам действительно известно, суть такие факты, как тот, что, смотря на доску, вы видите сейчас очень близкое сходство с тем, что видели неделю назад, когда на неё смотрели. Я допускаю, что вы знаете, или можете знать, скорее более чем один этот факт. Вы можете заплатить кому-нибудь, чтобы он наблюдал за доской непрерывно в течение недели, и тогда сможете обнаружить, что она предоставляла явления того же самого сорта в течение всего этого периода, при предположении, что ночью было освещение. Таким способом вы могли бы установить непрерывность. Фактически же вы так не делали. Фактически вам не известно, что данная доска находилась под одинаковым наблюдением всё время, но мы будем это предполагать. Итак, существенный вопрос следующий: Что за эмпирическая причина заставляет вас назвать некоторое количество явлений явлениями той же самой доски? Что заставляет вас сказать о последовательности обстоятельств то, что я вижу одну и ту же доску? Первое, что нужно заметить, следующее: это не тот вопрос, на который есть ответ, поскольку вы осознали, что ответ заключается в чём-то эмпирическом, а не в опознании метафизического тождества субстанции. В опыте есть нечто данное, что заставляет вас назвать её той же самой доской, и, единожды постигнув этот факт, вы можете продолжить и сказать, что это данное есть нечто такое (чем бы оно ни было), что заставляет вас назвать её той же самой доской, и которое будет *определяться* как *конституирующее* одну и ту же доску, и здесь отсутствует предпосылка о метафизической субстанции, которая остаётся тождественной. Для нетренированного ума представлять тождество менее легко, чем представлять систему соотнесённых индивидов, связанных друг с другом отношением сходства, непрерывным изменением и т.д. Данная идея явно более сложна, но это - то, что дано эмпирически в реальном мире, а субстанция, в смысле чего-то такого, что непрерывно идентично в одной и той же доске, вам не дано. Стало быть, во всех случаях, где вы по-видимому обладаете непрерывной сущностью, сохра-

няющейся в процессе изменений, то, что вы должны сделать, так это спросить себя, что же заставляет вас рассматривать последовательные явления, как принадлежащие одной и той же вещи. Обнаружив, что же заставляет вас принять точку зрения о принадлежности одной и той же вещи, вы увидите тогда: всё, что заставляет вас сказать так, *конечно же* есть определённый способ единства. Всё, что может быть сверх и помимо этого, я буду осознавать как нечто такое, что не может быть мне известным. Я могу знать, что существует определённый ряд явлений, связанных вместе, и ряд этих явлений определён мной как доска. Таким способом доска редуцируется к логической фикции, поскольку ряд есть логическая фикция. Таким способом все обычные объекты повседневной жизни вытесняются из мира того, что существует, и как существующее на их месте вы обнаруживаете некоторое количество преходящих индивидов той разновидности, которую непосредственно осознают в чувственности. Я хочу прояснить, что не *отрицаю* существование чего-либо; я только отказываюсь утверждать это. Я отказываюсь утверждать существование чего-то такого, что не очевидно, но равным образом я отказываюсь отрицать и существование чего-то такого, что, напротив, очевидно. Поэтому я не отрицаю и не утверждаю это нечто, но просто говорю, что этого нет в области познания и оно определённо не является частью физики; и физика, если она должна быть интерпретирована, должна интерпретироваться с точки зрения того типа вещей, которые могут быть эмпирическими. Если ваш атом предназначен для целей физики, как это несомненно и есть, он должен быть преобразован в конструкцию, и ваш атом фактически преобразуется в ряд классов индивидов. Та же самая процедура, которая применима в физике, будет также применима везде. Приложение к физике я кратко объяснил в своей книге о *Внешнем мире*, глава III и IV*.

До сих пор я говорил о нереальности вещей, которые мы считаем реальными. С равным ударением я хочу вести речь о реальности вещей, которые мы считаем нереальными, типа фантомов и галлюцинаций. Как я объяснил в предыдущей лекции, фантомы и галлюцинации, рассмотренные в себе, находятся на том же самом уровне, как и обычные чувственные данные. Они отличаются от обычных чувственных данных только тем, что не имеют обычных корреляций с другими предметами. В себе они обладают той же самой реальностью, как и обычные чувственные данные. Они обладают наиболее полной, абсолютной и совершенной реальностью, которой что-либо может обладать. Они представляют собой часть окончательных конститuent мира, таких же как скоропреходящие чувственные данные. Говоря о скоропреходящих чувственных

данных, я думаю, очень важно устранить из инстинктов какую-либо склонность к убеждению, что реальность постоянна. Всегда существовал метафизический предрассудок, что если вещь действительно реальна, она должна сохраняться вечно или в течение достаточно приличного промежутка времени. По моему мнению, это совершенно ошибочно. Вещи, которые действительно реальны, сохраняются очень короткое время. Вновь я не отрицаю, что *могут* быть вещи, сохраняющиеся вечно, или в течение тысячелетий; я только говорю, что они не входят в рамки нашего опыта, и что реальные вещи, которые нам известны из опыта, сохраняются в течение очень короткого времени, в течение одной десятой секунды, половины секунды, или около того. Фантомы и галлюцинации находятся среди них, среди окончательных конституент мира. Вещи, которые мы называем реальными, подобные столам и стульям, являются системами, рядами классов индивидов, а индивиды являются реальными вещами, индивиды представляют собой чувственные данные, когда им случается быть данными вам. Стол или стул будут рядами классов индивидов, а стало быть, логическими фикциями. Эти индивиды будут находиться на том же самом уровне реальности как галлюцинации или фантомы. Я должен объяснить, в каком смысле стул является рядом классов. Каждый момент стул предоставляет некоторое количество различных явлений. Все явления, которые он предоставляет в данный момент, образуют класс. Все эти множества явлений различаются время от времени. Если я возьму стул и сломаю его, он будет предоставлять целое множество явлений, отличающихся от тех, что были до того, и даже если не заходить так далеко, он всегда будет изменяться при изменении света и т.д. Так вы получаете во времени ряд различных множеств явлений, и это то, что я имею в виду, говоря о стуле как о ряде классов. Это объяснение слишком грубо, но я оставляю тонкости, как то, что не является действительной темой, рассматриваемой мной. Итак, каждый отдельный индивид, являющийся частью данной целостной системы, связан с другими индивидами в систему. Предположим, например, я беру в качестве своего индивида явление, которое этот стул предоставляет мне в данный момент. Это связано прежде всего с явлением, которое тот же самый стул предоставляет кому-то другому из вас в тот же самый момент, и с явлением, которое он собирается предоставить мне в последующие моменты. Здесь вы сразу же получаете два пути, которые можно извлечь из данного индивида, и этот индивид будет скоррелирован некоторым определённым способом с другими индивидами, которые также принадлежат этому стулу. Последнее - это то, что вы подразумеваете - или должны подразумевать -

говоря, что то, что я вижу перед собой, является реальной вещью в противоположность фантому. Это подразумевает, что она обладает целостным множеством корреляций различных видов. Это означает, что данный индивид, который представляет собой явление стула мне в данный момент, не изолирован, но связан определённым, хорошо известным и привычным способом с другими индивидами, таким способом, который отвечает чьим-либо ожиданиям. И поэтому, когда вы идёте и покупаете стул, вы покупаете не только явление, которое он предоставляет вам в данный момент, но также и те другие явления, которые он продолжает предоставлять, когда оказывается дома. Если бы данный стул был фантомом, он не предоставлял бы каких-либо явлений, когда оказывался дома, и не относился бы к той разновидности вещей, которые вы бы хотели купить. Тип вещей, называемых реальными, представляет собой разновидность целостной скоррелированной системы, тогда как тип, называемый галлюцинациями, нет. Нормальные индивиды в мире суть все те, которые связаны с другими индивидами приличным, общепринятым способом. Затем, иногда получив необычный индивид, подобный просто визуальному стулу, на котором нельзя сидеть, вы говорите, что он является фантомом, галлюцинацией, источая по его поводу запас ругательств. Это и подразумевают, называя его нереальным, потому что слово 'нереальный', применённое таким способом, является ругательством, и оно никогда не применялось бы к вещам, которые *были бы* нереальными, поскольку вы не сердились бы так на них.

Я перейду к некоторым другим иллюстрациям. Возьмём человека. Что заставляет вас сказать, когда вы встречаете своего друга Джона: 'Да ведь это Джон'? Ясно, что не устойчивость метафизической сущности где-то внутри Джона, поскольку даже если была бы такая сущность, она определённо не является тем, что вы видите, когда наблюдаете Джона, идущего по улице; она определённо представляет собой нечто такое, с чем вы не знакомы, не эмпирически данным. Стало быть, в эмпирических явлениях явно есть нечто такое, что он предоставляет вам, нечто в своих отношениях друг к другу, последнее даёт вам возможность объединить всё это вместе и сказать: 'Существует то, что я называю явлениями того же самого человека', и это нечто, заставляющее вас объединить их вместе, не является устойчивым метафизическим субъектом, поскольку последний, существует ли такой устойчивый субъект или же нет, определённо не дан, а то, что заставляет вас сказать: 'Да ведь это Джон', дано. Поэтому Джон не конституируется в известном вам качестве той разновидностью точно установленного Эго, которое лежит в основании его явлений, а среди явлений вы долж-

ны обнаружить некоторые корреляции, которые представляют собой разновидность того, что заставляет вас соположить все эти явления вместе и сказать, что они являются явлениями одного человека. Они различны для вас и для другого человека. В вашем собственном случае, вы должны идти дальше. У вас есть не только то, что вы видите, у вас к тому же есть ваши мысли, воспоминания и все ощущения вашего организма, так что вы обладаете более богатым материалом, и поэтому намного меньше возможность ошибиться относительно вашей собственной идентичности, чем относительно чьей-либо ещё. Конечно, случается, что ошибаются даже относительно собственной идентичности, в случае раздвоения личности и т.п., но, как правило, вы будете знать, что это вы, поскольку вы должны идти далее, чем другие, и вы узнали бы, что это вы, не осознанием Эго, но посредством различных вещей, посредством памяти, по образу вашей чувственности и по способу, которым вы наблюдаете, и множеству вещей. Но все они суть эмпирические данные и дают вам возможность сказать, что человеком, с которым нечто происходило вчера, были вы сами. Так, вы можете объединить всё множество опытов в одну нить, как всё то, что принадлежит вам, и сходным образом могут быть объединены вместе опыты другого человека как всё то, что принадлежит ему, посредством отношения к тому, что действительно наблюдаемо и без предположения о существовании устойчивого Эго. В конечном счёте не имеет значения, с чем мы имеем дело, что точно является заданным эмпирическим отношением между двумя опытами, что заставляет нас сказать: 'Это два опыта того же самого человека'. Не имеет значения, чем точно является это отношение, поскольку логическая формула для конструирования человека одинакова, чем бы оно ни было, и поскольку простой факт, что вы способны знать о принадлежности одному и тому же человеку двух опытов, доказывает, что существует такое эмпирическое отношение, установленное анализом. Назовём это отношение R . Мы будем говорить, что когда два опыта находятся в отношении R друг к другу, тогда о них говорится как об опытах того же самого человека. Последнее есть определение того, что я подразумеваю под 'опытами того же самого человека'. Мы следовали здесь как раз тому же способу, которому следовали при определении чисел. Прежде мы определяем, что подразумевается, когда говорят, что два класса 'имеют то же самое число', а затем определяем, что представляет собой число. Человек, обладающий данным опытом x , будет классом всех тех опытов, которые являются 'опытами того же самого человека' как человека, который испытывает x . Вы можете сказать, то два события со-персональны [co-personal], когда между ними имеется

определённое отношение R , а именно, то отношение, которое заставляет нас сказать, что они являются опытами того же самого человека. Вы можете определить человека, имеющего определённый опыт, как те опыты, которые со-персональны с этим опытом, и вероятно было бы лучше рассматривать их как ряд, нежели как класс, поскольку вы хотите знать, что представляет собой начало человеческой жизни, а что конец. Поэтому мы будем говорить, что человек является определённым рядом опытов. Мы не будем отрицать, что метафизическое Эго может существовать. Мы просто будем говорить, что этот вопрос ни в коей мере нас не интересует, поскольку об этом предмете мы ничего не знаем и не можем знать, а стало быть, он очевидно не может быть вещью, которая входит в науку каким-либо способом. То, что мы знаем, представляет собой ту нить переживаний, которая создаёт личность, и которая соединяет посредством определённых эмпирически данных отношений таких, например, как память.

Я приведу другую иллюстрацию, разновидность проблемы, при разборе которой полезную помощь окажет наш метод. Всем вам известна американская теория нейтрального монизма, которая на самом деле производна от Уильяма Джеймса, а также предполагается в работах Маха*, но в более или менее развитой форме. Теория нейтрального монизма утверждает, что различие между ментальным и физическим является всецело делом структурирования, что действительно структурированный материал в точности одинаков как в случае ментального, так и в случае физического, но они различаются просто тем фактом, что когда вы рассматриваете вещь в сопринадлежности одному и тому же контексту с другими вещами, она будет относиться к психологии, когда же вы рассматриваете её в ином определённом контексте с другими вещами, она будет относиться к физике, а различие относится к тому, что вы рассматриваете в качестве её контекста, как раз тот же самый тип различия, которое имеет место между структурированием людей в Лондоне в алфавитном порядке и географически. Так, согласно Уильяму Джеймсу, действительный материал мира может быть структурирован двумя различными способами, один из которых даёт вам физику, а другой - психологию. Последнее как раз подобно шеренгам или колоннам; в структурировании шеренг и колонн вы можете рассматривать деталь либо как член определённой шеренги, либо как член определённой колонны; деталь остаётся той же самой в обоих случаях, но её контекст различен.

Если вы позволите мне немного чрезмерное упрощение, я могу продолжить речь о нейтральном монизме несколько далее, но вы должны понимать, что я рассказываю о нейтральном монизме

более просто, чем должен, поскольку нет времени устанавливать все оттенки и ограничения. Несколько ранее я говорил о явлениях, предоставляемых стулом. Если мы возьмём какой-то один из этих стульев, мы все можем посмотреть на него, и он предоставит различные явления каждому из нас. Взяв их все вместе, взяв все различные явления, предоставленные стулом каждому из нас в данный момент, вы получите нечто такое, что принадлежит физике. Так что, если взять чувственные данные и упорядочить вместе все те чувственные данные, которые являются различным людям в данный момент, и о которых мы обычно говорим как о явлениях одного и того же физического объекта, тогда этот класс чувственных данных даст вам нечто такое, что относится к физике, а именно, в данный момент стул. С другой стороны, если вместо того, чтобы рассматривать все явления, предоставленные этим стулом всем нам в данный момент, я возьму все явления, которые предоставляют мне сейчас различные стулья в этой комнате, я получу совершенно другую группу индивидов. Все различные явления, предоставленные мне сейчас различными стульями, дадут вам мои опыты в данный момент. Вообще говоря, согласно тому, что можно рассматривать как расширенную точку зрения Уильяма Джеймса, это было бы определением различия между физикой и психологией.

Обычно мы предполагаем, что существует феномен, называемый нами видением стула, но то, что я называю моим видением стула, согласно нейтральному монизму просто является существованием определённого индивида, а именно, индивида, который является чувственным данным этого стула в данный момент. И я, и стул представляют собой логические фикции, и то и другое фактически являются классами индивидов, и один из них будет тем индивидом, который мы называем моим видением стула. Это актуальное явление, предоставленное мне сейчас стулом, является элементом меня и элементом стула, я и стул являются логическими фикциями. Во всяком случае это будет точка зрения, которую вы можете рассмотреть, если будете заниматься оправданием нейтрального монизма. Нет такой простой сущности, на которую вы могли бы указать и сказать: эта сущность является физической, а не ментальной. Согласно Уильяму Джеймсу и нейтральным монистам такого не случается с любой простой сущностью, которую вы можете взять. Любая такая сущность будет членом физического ряда и членом ментального ряда. Итак, я хочу сказать, что если вы желаете проверить такую теорию, как теория нейтрального монизма, если вы желаете обнаружить, является она истинной или ложной, у вас нет надежды как-то обходиться с вашей проблемой, если

на ваших кончиках пальцев нет теории логики, о которой я говорил. В противном случае, вы никогда не сможете вести речь о том, что можно сделать с данным материалом, независимо от того, способны ли вы состряпать из данного материала ту разновидность логической фикции, которая будет иметь свойства, нужные вам в психологии или физике. Последнюю проблему ни в коей мере не легко решить. Вы можете решить её только если действительно владеете весьма значительной технической сноровкой в этих предметах. Сказав это, я должен был бы перейти к разговору о том, что обнаружил, является нейтральный монизм истинным или нет, поскольку иначе вы не смогли бы убедиться, что логика как-то используется в этом предмете. Но я не претендую на знание того, является он истинным или нет. Я все более и более склоняюсь к чувству, что он может быть истинным. Я всё более и более чувствую, что все затруднения, которые встречаются в его отношении, могут быть изобретательно разрешены. Но тем не менее определённое количество затруднений *имеется*; существует некоторое количество проблем, о некоторых из них я говорил в курсе этих лекций. Одна из них связана с вопросом об убеждении, а другая - с разновидностью фактов включающих два глагола. Если такие факты существуют, это, я думаю, может доставить нейтральному монизму достаточные трудности, но, как я указывал, есть теория, называемая бихевиоризмом, которая логически связана с нейтральным монизмом, а эта теория вообще обходится без фактов, содержащих два глагола, и, следовательно, устраняет аргумент против нейтрального монизма. С другой стороны, есть аргумент от эмфатических индивидов, таких как 'это', 'теперь', 'здесь' и тому подобных слов, которые не очень легко, по моему мнению, согласовать с точкой зрения, которая не проводит различие между индивидом и опытом этого индивида. Но аргумент об эмфатических индивидах является таким щекотливым и таким неуловимым, что я не могу чувствовать совершенной уверенности в том, имеет он действительную силу или же нет, и я думаю, что чем дольше кто-то занимается философией, тем более сознательным он становится по мере того, как крайне часто обманывается, и тем менее проявляется его воля к совершенной уверенности в действительной силе аргумента, если даже что-то и есть в том, что вообще является неуловимым и уклончивым, что вообще трудно постичь. Это вынуждает меня к небольшим предосторожностям и сомнениям относительно всех таких аргументов, а потому, хотя я вполне уверен, что вопрос об истинности и ложности нейтрального монизма не должен решаться исключительно посредством них, однако я не претендую на знание того, является нейтральный монизм истин-

ным или нет. Я не теряю надежды обнаружить это со временем, но однако не претендую на знание.

Как я говорил ранее в этой лекции, одна вещь, которую делает наша техника, состоит в предоставлении нам средства конструирования заданного тела символической пропозиции с минимумом аппарата, а любая минимизация аппарата уменьшает риск ошибки. Предположим, например, что вы сконструировали свою физику, с определённым числом сущностей и определённым числом предпосылок; предположим, вы обнаружили, что с помощью незначительного мастерства можно отказаться от половины из этих сущностей и половины из этих предпосылок, вы явно уменьшаете риск ошибки, поскольку если у вас до этого было бы 10 сущностей и 10 предпосылок, а потом осталось 5, то и теперь всё было бы хорошо, но наоборот, что если для 5 всё было хорошо, то так должно быть и для 10, неверно. Следовательно, вы минимизируете риск ошибки с каждым уменьшением числа сущностей и предпосылок. Когда я говорил о доске и говорил, что не собираюсь предполагать существование устойчивой субстанции, лежащей в основании её явлений, это как раз пример рассматриваемого случая. Каким-то образом вы обладаете последовательностью явлений, и если вы способны обойтись без допущения метафизической и постоянной доски, вы рискуете ошибиться меньше, чем рисковали до этого. Вы не необходимо рисковали бы ошибиться меньше, если бы были стеснены *отрицанием* метафизической доски. Польза бритвы Оккама в том, что она уменьшает риск ошибки. Вы можете сказать, что рассмотренная таким способом вся наша проблема принадлежит скорее науке, чем философии. Последнее, я думаю, вероятно истинно, но, я считаю, единственное различие между философией и наукой состоит в том, что наука - это то, что более или менее известно, а философия - это то, что неизвестно. Философия - это часть науки, о которой люди в настоящее время предпочитают иметь мнение, но о которой они не имеют знания. Следовательно, любой успех в познании избавляет философию от некоторых проблем, которые первоначально она имела, и если существует какая-то истина, если существует какое-то значение в виде процедуры математической логики, из этого вытекает, что некоторое количество проблем, относившихся к философии, перестанут принадлежать философии и будут принадлежать науке. И разумеется, в тот момент, когда они становятся разрешимыми, для большого класса философских умов они становятся неинтересными, поскольку многие, кому нравится философия, её шарм состоит в спекулятивной свободе, в том, что вы можете играть гипотезами. Вы можете выдумывать то или иное, что *может* быть истинным, и это очень приятное упражне-

ние до тех пор, пока вы не обнаружите, что является истинным; но когда вы открыли, что является истинным, вся продуктивная игра фантазии в этой области сокращается, и вы покидаете эту область и переходите к другой. Так же, как семьи в Америке во времена Отцов Пилигримов и позже всегда перемещались на запад, к другой стороне леса, поскольку им не нравилась цивилизованная жизнь, так и философ имеет склонность к приключениям и предпочитает пребывать в области, где всё ещё остаются сомнения. Верно, что переход области из философии в науку будет делать её неприятной для весьма важного и полезного типа ума. Я думаю, что во многом это верно для приложений математической логики в тех направлениях, на которые я указывал. Это делает её сухой, точной, методичной и таким образом освобождает её от определённых качеств, которые у неё были, когда вы могли играть с ней более свободно. Я не чувствую своим делом защищать её, поскольку, если это верно, то это верно. Конечно, если это не верно, я должен был бы защитить её перед вами; но если это так, это не мой недостаток, и, следовательно, я не чувствую себя обязанным к какой-либо защите любого типа сухости и скуки в мире. Я сказал бы к тому же, что для тех, кто имеет какой-то вкус к математике, для тех кому нравятся символические конструкции, этот тип мира является весьма восхитительным, и если вы не находите его привлекательным в других отношениях, всё, что необходимо сделать, - это приобрести вкус к математике, и тогда у вас будет очень приятный мир, и с этим выводом я привожу данный курс лекций к концу.

О ПРОПОЗИЦИЯХ: ЧТО ОНИ СОБОЙ ПРЕДСТАВЛЯЮТ И КАКИМ ОБРАЗОМ ОБОЗНАЧАЮТ¹ (1919)

Пропозиция может быть определена следующим образом: *То, в чём мы убеждены, когда наше убеждение истинно или ложно.* Этому определению придана такая форма для того, чтобы избежать допущения, что всякий раз, когда мы убеждены, наше убеждение является истинным или ложным. Для того чтобы от этого определения перейти к описанию того, чем является пропозиция, мы должны решить, что такое убеждение, что такое то, в чём мы можем быть убеждены, и что в убеждении конституирует истинность и ложность. За очевидное я принимаю то, что истинность и ложность убеждения зависит от *факта*, на который оно 'указывает'. Следовательно, хорошо было бы начать наше исследование с рассмотрения природы фактов.

I. СТРУКТУРА ФАКТОВ

Под 'фактом' я подразумеваю нечто комплексное. Если мир не содержит простых, тогда всё, что он содержит, является фактом; если он содержит какие-то простые, тогда факты суть всё то, что он содержит помимо простых. Когда идёт дождь, это факт; когда светит солнце, это факт. Расстояние от Лондона до Эдинбурга - факт. Вероятно, факт и то, что все люди умрут. То, что планеты движутся вокруг Солнца приблизительно по эллипсу, - факт. Говоря обо всём этом, как о фактах, я не подразумеваю фразы, в которых мы их утверждаем, или структуру нашего ума, когда мы высказываем утверждения, но те особенности в устройстве мира, которые делают наши утверждения истинными (если они являются истинными) или ложными (если они являются ложными).

Сказать, что факты комплексны, то же самое, что сказать, что факты имеют *конституенты*. То, что Сократ был греком, что он

¹ В нижеследующем первый раздел, посвящённый структуре факта, не содержит ничего существенно нового и включён только для удобства читателя. Содержащиеся в нём положения я защищал в других работах, а поэтому установлю их здесь догматически. С другой стороны, последующие разделы содержат взгляды, в защиту которых я прежде не выступал и которые главным образом являются следствием попытки определить, что же конституирует 'значение', и которые обходятся без 'субъекта', а только логическим построением.

был женат на Ксантиппе, что он умер, выпив цикуту, суть факты, из которых все имеют нечто общее, а именно то, что все они 'о' Сократе, о котором соответственно говорится, что он является конституентой каждого из них.

Каждая конституента факта занимает в нём свою позицию [position] (или несколько позиций). Например, 'Сократ любит Платона' и 'Платон любит Сократа' имеют одни и те же конституенты, но являются различными фактами, потому что конституенты в этих двух фактах не занимают одной и той же позиции. 'Сократ любит Сократа' (если это факт) содержит Сократа в двух позициях. 'Два плюс два равно четыре' содержит два в двух позициях. ' $2 + 2 = 2^2$ ' содержит 2 в четырёх позициях.

Говорится, что два факта обладают одинаковой 'формой', когда они различаются только в отношении своих конституент. В этом случае мы можем предположить, что один факт получен из другого подстановкой иных конституент. Например, 'Наполеон ненавидит Веллингтона' получается из 'Сократ любит Платона' подстановкой Наполеона вместо Сократа, Веллингтона вместо Платона и *ненавидит* вместо *любит*. Очевидно, что некоторые, но не все, факты могут таким образом быть образованы из 'Сократ любит Платона'. Стало быть, некоторые факты имеют одинаковую с ним форму, а некоторые - нет. Можно репрезентировать форму факта, используя переменные: так ' xRy ' может использоваться для репрезентации формы факта, что Сократ любит Платона. Но использование таких выражений, а также выражений обыденного языка предрасположено к ошибкам, если относиться к ним без должного внимания.

Существует бесконечное число форм фактов. Для простоты временно ограничимся фактами, имеющими только три конституенты, а именно два члена и двухместное (или бинарное) отношение. В факте, который включает три конституенты, две из них можно отличить от третьей в связи с тем обстоятельством, что если эти две конституенты поменять местами, у нас всё ещё имеется факт, или в худшем случае, мы получим факт, говоря противоположное тому, что получилось в результате замены, тогда как третьей конституенту (отношение) нельзя поменять местами ни с какой другой конституентой. Таким образом, если существует такой факт, как 'Сократ любит Платона', то имеет место и то, что либо 'Платон любит Сократа', либо 'Платон не любит Сократа', но ни Сократ, ни Платон не могут заменить *любит*. (В целях иллюстрации, я временно отрицаю тот факт, что Сократ и Платон сами являются комплексными.) Конституента факта, содержащего три конституенты, которую нельзя поменять местами, называется *двухместным* (или бинарным) *отношением*; две другие конститу-

енты называются членами отношения в данном факте. Члены двухместного отношения называются *индивидами* [particulars]¹.

Не все факты, содержащие три конституенты, имеют одинаковую форму. Есть две формы, которыми они могут обладать и которые противоположны друг другу. 'Сократ любит Платона' и 'Наполеон не любит Веллингтона' суть факты, имеющие противоположную форму. Мы будем называть форму, присущую 'Сократ любит Платона', *положительной*, а форму, присущую 'Наполеон не любит Веллингтона', *отрицательной*. Поскольку мы ограничиваемся атомарными фактами, т.е. такими, которые содержат только один глагол и не содержат ни общность, ни её отрицание, различие между положительными и отрицательными фактами провести легко. В более сложных ситуациях всё ещё остаётся два вида фактов, хотя и менее ясно, какой из них положительный, а какой отрицательный.

Таким образом, формы фактов распадаются попарно, так что для данных соответствующих конституент всегда имеется факт одной из двух соотнесённых форм, но не другой. Для любых двух индивидов двухместного отношения, скажем, x , y и R , имеет место либо факт ' xRy ', либо факт ' $\text{не-}xRy$ '. Ради иллюстрации предположим, что x имеет отношение R к y , а z не имеет отношение S к w . Каждый из этих фактов содержит только три конституенты, отношение и два члена; но эти два факта не обладают одинаковой формой. В одной R соотносит x с y ; в другой S не соотносит z с w . Нельзя предполагать, что отрицательный факт содержит конституенту, соответствующую слову 'не'. Он содержит конституент не больше, чем положительный факт соответствующей положительной формы. Различие между двумя этими формами окончательно и нередуцируемо. Данную характеристику формы можно назвать её *качеством*. Таким образом, факты и формы фактов имеют два противоположных качества, положительное и отрицательное.

Человеческой душе внушено почти неутолимое желание отыскать некоторый способ, который позволил бы избежать допущения, что отрицательные факты столь же окончательны, как и положительные. 'Бесконечное отрицание' бесконечно критикуют и интерпретируют. Обычно говорят, что когда мы нечто отрицаем, мы на самом деле утверждаем что-то ещё, несовместимое с тем,

¹ Приведённое выше обсуждение может быть заменено обсуждением субъектно-предикатных фактов, или фактов, содержащих трёхместное, четырёхместное ... отношение, но относительно существования субъектно-предикатных и иных фактов, более сложных, чем те, что содержат три конституенты, могут возникнуть сомнения. Следовательно, факты, которые рассматриваем мы, лучше всего подходят в качестве иллюстрации.

что мы отрицаем. Если мы говорим: 'Розы - не голубые', мы имеем в виду, что 'Розы - белые, красные или жёлтые'. Но такая точка зрения не выдерживает момента проверки. Было бы только приятно, если бы положительное качество, которое предполагают заменить нашим отрицанием, было бы не способно существовать вместе с отрицаемым качеством. 'Стол - квадратный' могло бы отрицаться посредством 'Стол - круглый', но не 'Стол - деревянный'. Единственная причина, по которой мы можем отрицать 'Стол - квадратный' посредством 'Стол - круглый', состоит в том, что круглое *не* есть квадратное, а последнее должно быть фактом как раз в той же степени отрицательным, как и факт, что стол не-квадратный. Таким образом, ясно, что несовместимость не может существовать без отрицательных фактов.

Можно попытаться заменить отрицательный факт простым отсутствием факта. Если *A* любит *B*, можно сказать, что это хороший субстанциальный факт; в то время как если *A* не любит *B*, это можно выразить отсутствием факта, составленного из *A*, любви и *B*, и посредством этого не затрагивать действительного существования отрицательного факта. Но отсутствие факта само по себе является отрицательным фактом; оно представляет собой факт, что *нет* такого факта, как *A* любит *B*. Стало быть, таким способом нельзя избежать отрицательных фактов.

Из множества попыток обойтись без отрицательных фактов, попытка м-ра Демоса¹ - лучшая из мне известных. Его точка зрения сводится к следующему: Между пропозициями есть окончательное отношение *противоположности*; это отношение неопределяемо, но оно имеет то свойство, что когда две пропозиции противоположны, они не могут быть обе истинными, хотя и могут быть обе ложными. Так 'Джон находится в ...' и 'Джон едет в Семипалатинск' противоположны. Когда мы отрицаем пропозицию, то, что мы действительно делаем, это утверждаем: 'Некоторая противоположность данной пропозиции является истинной'. Затруднением для этой теории является установление весьма важного факта, что две противоположности не могут быть обе истинными. 'Отношение противоположности, - говорит м-р Демос, - таково, что если *p* противоположно *q*, *p* и *q* не являются оба истинными (по крайней мере одно из них ложно). Это не должно рассматриваться как определение, поскольку задаёт использование понятия "не", которое, я говорил, эквивалентно понятию "противоположное". На самом деле эпистемологически противоположность по-

¹ 'A Discussion of a Certain Type of Negative Proposition', *Mind*, N.S., No.102 (April, 1917), p. 188-196.

видимому является примитивным понятием' (стр.191). Итак, если мы возьмём утверждение м-ра Демоса, что '*p* и *q* не являются оба истинными' и применим к этому его определение, получится: 'противоположное "*p* и *q* являются оба истинным" является истинным'. Но последнее не даёт того, что нам требуется. Представим, что какой-то упрямый человек говорит: 'Я убеждён, что *p*, и убеждён, что *q*, и также убеждён, что противоположное "*p* и *q* являются оба истинным" является истинным'. Что мог бы ответить м-р Демос такому человеку? Предположительно, он ответил бы: 'Разве вы не видите, что это невозможно? Не может быть такого, чтобы *p* и *q* оба были истинным, а также то, чтобы противоположное "*p* и *q* являются оба истинным" было истинным'. Но оппонент парировал бы, попросив его установить его отрицание в его собственном языке. В этом случае, всё, что мог бы сказать м-р Демос, было бы: 'Дадим имя *P* пропозиции "*p* и *q* являются оба истинным". Тогда пропозиция, которую утверждаете вы и отрицаю я, была бы "*P* является истинным, а также нечто противоположное *P* является истинным". Назовём эту пропозицию *Q*, и если применить моё определение отрицания, я утверждаю, то нечто противоположное *Q* является истинным'. Упрямец это тоже признал бы. Он пошёл бы дальше, всегда принимая противоположности, но отказываясь сделать какое-либо отрицание. На такую установку, насколько я могу видеть, нет ответа, кроме как сменить предмет разговора. Фактически необходимо принять, что две противоположности не могут быть обе истинными, и не рассматривать это как высказывание, к которому должно применяться предлагаемое определение отрицания. И причина в том, что мы должны быть в состоянии сказать, что пропозиция не является истинной, не упоминая никакой другой пропозиции.

Дискуссия, приведённая выше, преждевременно ввела пропозиции для того, чтобы следовать аргументации м-ра Демоса. Позднее, определив пропозиции, мы увидим, что все они являются положительными фактами, даже тогда, когда они утверждают отрицательные факты. В этом, я думаю, источник нашей нерасположенности к тому, чтобы принять отрицательные факты как окончательные. Тему отрицательных фактов можно продолжить и дальше, но я желаю приступить собственно к теме моей статьи. Я более не буду говорить об этом, а просто замечу, что множество несовпадающих рассмотрений демонстрирует необходимость принятия *общих* фактов, т.е. фактов о всех или некоторых индивидах из некой их совокупности.

II. ЗНАЧЕНИЕ ОБРАЗОВ И СЛОВ

Вопросы, которые возникают относительно пропозиций, столь многочисленны и разнообразны, что нелегко решить, с какого начать. Один из самых важных - это вопрос о том, являются ли пропозиции тем, что я называю 'неполными символами', или же нет. Другой вопрос - это вопрос о том, может ли слово 'пропозиция' обозначать что-то, кроме формы слов. Третий вопрос касается способа, которым пропозиция указывает на факт, который делает её истинной или ложной. Я не предполагаю, что только эти вопросы важны, но во всяком случае любая теория пропозиций должна быть в состоянии на них ответить.

Начнём с наиболее осязаемого: пропозиция как форма слов. Снова возьмём 'Сократ любит Платона'. Чем бы ни было значение комплексного символа, ясно, что оно зависит от значения отдельных слов. Таким образом, до того как можно надеяться понять значение пропозиции как формы слов, мы должны понять, что же конституирует значение отдельных слов.

Логики, насколько я знаю, очень мало сделали в направлении объяснения природы отношения, называемого 'значением', но их не за что винить, поскольку эта проблема по существу является проблемой психологии. Но до того, как мы займёмся вопросом о значении слова, необходимо сделать одно важное замечание о том, что такое слово.

Если мы ограничимся словами, произнесёнными в одном языке, то слово представляет собой класс близко родственных шумов, произведённых выдохнутым воздухом, объединённых с движением горла, языка и губ. Это не является *определением* 'слов', поскольку некоторые шумы лишены смысла, а последний есть часть определения 'слов'. Прежде важно, однако, осознать, что то, что мы называем одним словом, не есть единственная сущность, но класс сущностей; отдельные примеры слова 'собака' существуют так же, как отдельные примеры собак. И когда мы слышим шум, мы можем сомневаться, является ли он невятно произнесённым словом 'собака' или же нет; шумы, которые являются примерами слов, сводятся к другим шумам посредством непрерывных градаций, так же, как согласно эволюционной гипотезе, сами собаки могут перейти в волков. И, конечно, точно те же замечания применимы к написанным словам.

Для начала, очевидно, что если мы возьмём какие-то слова, типа 'Сократ' или 'собака', значение слова заключается в некотором отношении к объекту или множеству объектов. Первый вопрос, который нужно задать, состоит в следующем: "Может ли отноше-

ние, называемое 'значением', быть непосредственным отношением между словом, как физическим событием, и самим объектом, или же отношение должно проходить через 'ментального' посредника, которого можно назвать 'идеей' объекта?

Если мы примем точку зрения, что 'ментального' посредника не требуется, мы должны будем рассматривать 'значение' слова, как состоящее в том, что Джеймс назвал бы 'процессами поведения'. Другими словами, причины и следствия, сопровождающие слово, будут связаны некоторым, ниже определяемым способом с объектом, который является его значением. Возьмём самый простой пример из повседневности: Вы видите Джона и говорите: 'Привет, Джон' - это задаёт *причину* слова; вы зовете: 'Джон', и Джон появляется в дверях - это задаёт *следствие* слова. Поэтому в данном случае Джон выступает и как причина, и как следствие слова 'Джон'. Когда мы говорим о собаке, что она 'знает' свою кличку, речь идёт только о таких причинных корреляциях, которые являются несомненными; мы не можем быть уверены, что у собаки есть какие-то 'ментальные' процессы, когда мы зовём её, и она приходит. Возможно ли, что всякое использование и понимание языка заключается просто в том факте, что определённые события являются этому причиной, и в свою очередь вызывают определённые события?

Более или менее условно такой взгляд на язык отстаивал профессор Уотсон* в своей книге *Поведение*¹. Бихевиористский подход, насколько я его понимаю, утверждает, что 'ментальные' феномены, даже если они и могут существовать, не поддаются научной обработке, поскольку каждый из них может быть зафиксирован только одним наблюдателем - фактически, в высшей степени сомнительно, в состоянии ли даже один наблюдатель осознать нечто не сводимое к некоторым телесным обстоятельствам. Бихевиоризм представляет собой не метафизику, но методологический принцип. Поскольку язык является наблюдаемым феноменом, и поскольку язык имеет свойство, называемое нами 'значением', для бихевиоризма существенно дать такое описание 'значения', которое не вводило бы ничего такого, что известно только через интроспекцию. Профессор Уотсон признаёт это обязательство и приступает к работе для того, чтобы его выполнить. Не нужно явно *предполагать*, что он не сможет этого сделать, хотя я и склоняюсь к убеждению, что теория языка, не принимающая в расчёт образы,

¹ *Behavior: An Introduction to Comparative Psychology* (New York, 1914), работа Джона Б. Уотсона, профессора психологии университета Джона Хопкинса. Особенно см. стр. 321-334.

неполна в жизненно важном пункте. Но прежде позвольте нам рассмотреть то, что должно быть сказано в пользу бихевиористской теории языка.

Профессор Уотсон вообще отрицает наличие образов, которые он заменяет ослабленными кинастетическими ощущениями, особенно теми, что относятся к произнесению слов *sotto voce**. Он определяет 'неявное [implicit] поведение', как 'затрагивающее только механизмы речи (или более разнообразную мускулатуру) минимальным способом; т.е. положения и установки тела' (стр.19). Он добавляет: 'Эти слова подразумевают, что существует, или должен существовать, метод наблюдения неявного поведения. В данный момент ничего такого нет. Мы убеждены, что гортань и язык - месторасположение большинства этих феноменов' (стр.20). Более детально он повторяет эти взгляды в последующих разделах. Способ обучения разумному использованию слов излагается следующим образом: 'Стимул (объект), например, коробка, на который часто реагирует ребёнок, посредством таких движений как открывание, закрывание, помещение объекта внутрь, может служить иллюстрацией нашего аргумента. Няня, заметив, что ребёнок реагирует своими руками, ногами и т.п. на коробку, начинает говорить "коробка", когда ребёнок берёт коробку, "открой коробку", когда он её открывает, "закрой коробку", когда он её закрывает, и "положи куклу в коробку", когда выполняется данное действие. Это повторяется снова и снова. С течением времени происходит так, что без какого-то другого, иного, чем коробка, стимула, первоначально вызывавшего только телесные привычки, он начинает говорить "коробка", когда её видит, "открой коробку", когда её открывает и т.д. Видимая коробка становится теперь стимулом, способным высвободить либо телесные привычки, либо привычные слова, т.е. развитие привело к двум вещам: (1) к последовательности функциональных связей среди установок, ведущих от визуальных рецепторов к мускулам гортани, и (2) к последовательности уже связанных ранее установок, которые перешли от тех же рецепторов к мускулам тела ... Объект встретился со взглядом ребёнка. Он бежит к нему, пытается достать его и говорит "коробка" ... Наконец слово произносится без выполнения движения по направлению к коробке ... Формируется привычка движения к коробке, когда руки полны игрушек. Ребёнок учится складывать их туда. Когда его руки заняты игрушками, а коробка отсутствует, всплывает привычное слово и он взывает "коробка"; ему её дают, он открывает её и складывает игрушки внутрь. Это приблизительные наброски того, что мы назвали бы генезисом правильной языковой привычки' (стр.329-330).

Несколькими страницами ранее он говорит: 'Мы ничего не говорим о рассудке, поскольку признаём его не как подлинный тип человеческого поведения, а только как особую форму языковой привычки' (стр. 319).

Вопросы, поставленные изложенной выше теорией языка, очень важны, поскольку в них заключена возможность того, что можно назвать материалистической психологией. Если человек разумно говорит и пишет, он со всей возможной очевидностью даёт нам надежду на то, что обладает разумом. Если же разумную речь и письмо можно объяснить в соответствии с профессором Уотсоном, не остаётся ничего такого, что он мог бы сделать, чтобы убедить нас в том, что он не просто физическое тело.

Я думаю, бихевиористскому взгляду на язык есть подходящие возражения, основывающиеся на факте и на неработоспособности теории. Возражение, основывающееся на факте, заключается в том, что отрицание образов оказывается эмпирически неоправданным. Возражение, основывающееся на теории (на которое, несмотря на его явную силу, я думаю, можно дать ответ), состоит в том, что затруднительно на основании цитированного выше учесть обстоятельства, сопровождающие слово, когда объект просто желаем и не присутствует актуально. Рассмотрим возражения по порядку.

(1) *Существование образов.* - Профессор Уотсон, как следует заключить, не владеет способностью к визуализации и не склонен думать, что ею владеют другие. Кинастетические образы могут быть объяснены как действительно незначительные ощущения того же самого типа, как и те, что относятся к актуальным движениям. Внутренняя речь, в частности, поскольку она не сопровождается слуховыми образами, я думаю, действительно может состоять из таких незначительных ощущений и сопровождаться незначительными движениями языка и гортани, как требует бихевиоризм. Тактильные образы вероятно могут быть объяснены сходным образом. Но визуальные и слуховые образы не могут быть объяснены подобным способом, потому что взятые как ощущения, они на самом деле противоречат законам физики. Стул, расположенный напротив вас, пуст; вы закрываете глаза и наглядно представляете своего друга, сидящего на нём. Это происходит в вас, а не во внешнем мире. Это *может быть физиологическим* событием, но даже в этом случае оно должно радикально отличаться от зрительных ощущений, поскольку оно не представляет собой части данных, на которых строится наше познание физического мира вне нашего собственного тела. Если вы попытаетесь убедить обычного неискущённого человека, что он не сможет вызвать зрительный образ друга, сидящего на стуле, но способен только использовать

слова, описывая то, на что были бы похожи такие обстоятельства, он заключил бы, что вы сумасшедший. (Последнее утверждение основано на эксперименте.) Я не вижу какой-либо причины отвергать вывод, первоначально предложенный опытами Гальтона*, а именно, что привычка к абстрактным занятиям делает способность учёных к наглядному представлению много хуже среднего, и они много более заняты словами в своём 'мышлении'. Когда профессор Уотсон говорит: 'Я вообще отбрасываю образы и пытаюсь показать, что практически всё естественное мышление осуществляется с точки зрения сенсорно-моторных процессов в гортани (но не с точки зрения образного мышления)' (*Psychological Review*, 1913, стр.174), мне кажется, он по ошибке принимает личностную особенность за универсальную человеческую характеристику.

Конечно, отрицание бихевиористами образов есть часть их отрицания интроспекции как источника познания. Поэтому в данный момент хорошо бы рассмотреть доводы в пользу подобного отрицания.

Мне кажется, что аргументы тех, кто отвергает интроспекцию как научный метод, покоятся на двух вполне отчётливых основаниях, одно из которых значительно более явно выражено в их работах, чем другое. Более эксплицитное основание заключается в том, что данные, полученные интроспекцией, являются приватными [private] и верифицируемы только одним наблюдателем, а стало быть, не могут обладать той степенью публичной [public] уверенности, которой требует наука. Другое, менее явное основание, состоит в том, что физическая наука конструирует пространственно-временной космос, подчиняясь определённым законам, и раздражение вызывает то, что в мире существуют вещи, которые не подчиняются этим законам. Стоит отметить, что определение интроспекции различается в соответствии с тем, берём ли мы первое или второе из этих оснований возражения.

Если приватный характер - главное возражение против данных интроспекции, мы должны будем включить в их число все телесные ощущения. Зубная боль, например, приватна по существу. Дантист может видеть, что ваши зубы в таком состоянии, при котором боль правдоподобна, но он не чувствует вашей боли, а только знает на своём собственном опыте сходных состояний то, что вы подразумеваете под болью. Соотнесённость дупла и зубной боли установлена рядом наблюдений, каждое из которых было приватным в точности в том смысле, который рассматривается как недопустимый. И тем не менее никто не назовёт человека интроспективным, поскольку он осознаёт зубную боль, и не очень затруднительно найти в физическом мире место, где болят зубы. Я не буду

настаивать на том, что в приведённом анализе все наши ощущения являются приватными, и что публичный мир физики строится на подобиях, а не на тождествах. Но имеет смысл настаивать, что приватность ощущений, которая даёт нам познание нашего собственного тела, превосходит знание, которое у нас есть о других телах. Это важно, потому что никто не рассматривает как научно ничтожное знание нашего собственного тела, которое приобретает-ся с помощью таких приватных данных.

Это приводит нас ко второму доводу в возражении против интроспекции, а именно, что её данные не подчиняются законам физики. Оно, хотя и менее акцентировано, я думаю, является возражением, которое на самом деле считается более сильным из двух. И это возражение ведёт к определению интроспекции, гораздо более гармонирующему с употреблением, чем то, которое является следствием того, что приватность делается сущностной характеристикой её данных. Например, Кнайт Данлэп, энергичный противник интроспекции, утверждает, что образы на самом деле являются мышечными сокращениями¹, и что очевидно рассматривать наше осознание мышечных сокращений как то, что не проходит под заголовком интроспекции. Я думаю, обнаружится, что сущностная характеристика данных интроспекции связана с *локализацией*: либо они вообще не локализованы, либо, если эти данные рассматриваются как часть физического мира, они не локализованы в таком месте, которое уже физически занято чем-то с ними несовместимым. В любом случае данные интроспекции должны рассматриваться как не подчиняющиеся законам физики, и это, я думаю, является фундаментальной причиной того, почему делается попытка их отвергнуть.

Вопрос о публичности данных и вопрос об их физическом статусе вполне взаимосвязаны. Мы можем различить постепенно уменьшающуюся степень публичности в различных данных. Данные зрения и слуха более публичны; запах в некоторой степени менее; прикосновение ещё менее, висцеральные ощущения едва ли публичны вообще. Дело заключается в степени и частоте совпадений ощущений у соседей в одно и то же время. Если мы слышим удар грома, когда его не слышит никто другой, мы думаем, что

¹ *Psychological Review* (1916), 'Thought-Content and Feeling', стр.59. См. также его статьи в предыдущих номерах этого же журнала: 'The Case against Introspection' (1912), стр.404-413, и 'The Nature of Perceived Relations' (там же), стр.415-446. В последней статье он утверждает, что "интроспекция", лишённая своего мифологического предположения о наблюдении за сознанием, на самом деле представляет собой наблюдение за телесными ощущениями и чувствами' (стр.427).

сошли с ума; если же мы чувствуем боль в животе, когда её никто не чувствует, у нас нет повода для удивления. Поэтому мы говорим, что боль в животе моя, тогда как гром нет. Но то, что является моим, включает и то, что принадлежит телу, и в данном случае это боль в животе. Боль в животе *локализована*; она занимает место, близкое к поверхности живота, которая видима и пальпируема. (Как осуществляется локализация, нас в этой связи не касается.) Итак, когда мы рассматриваем локализацию образов, мы находим различия согласно природе образов. Образы приватных ощущений могут быть локализованы там, где должны быть приватные ощущения, без причинения какого-либо значительного или сильного нарушения физических законов. Образы слов могут быть локализованы во рту. По этой причине нет *prima facie* возражения, рассматривающего их, как поступает Уотсон, в качестве незначительных ощущений; этот взгляд может или не может быть истинным, но его нельзя отвергнуть сразу же. В отношении всех приватных ощущений различие между образом и ощущением не является точным и определённым. Но визуальные и слуховые образы находятся в совершенно ином положении, поскольку физическое событие, на которое они указывали бы, если бы были ощущениями, не имеет места.

Таким образом, решающим феноменом в отношении интроспекции являются образы публичных ощущений, т.е. особенно зрительные и слуховые образы. Несмотря на Уотсона, на основании наблюдения кажется невозможным отрицать, что такие образы встречаются. Но они не являются публичными и, взятые как ощущения, противоречат законам физики. Возвращаясь к случаю наглядного представления друга, сидящего на стуле, который фактически пуст, вы не сможете локализовать образ ни в теле, потому что он является зрительным, ни (как физический феномен) на стуле, поскольку стул как физический объект пуст. Таким образом, кажется, что физический мир не включает всего того, что мы осознаём, и что должно принять интроспекцию как источник знания отличный от ощущения.

Разумеется, я не предполагаю, что зрительные и слуховые образы являются нашими единственными не физическими данными. Я взял их как то, что предоставляет самый сильный пример для аргументации, но когда они приняты, нет более какой-либо причины отрицать другие образы.

Наш критицизм, основанный на факте и направленный против Уотсона, привёл нас к заключению, что невозможно избежать допущения образов, как чего-то радикально отличного от ощущений, в частности, как чего-то неподдающегося законам физики.

Остаётся рассмотреть возможный критицизм, основанный на теории, а именно, что трудно с его точки зрения учесть обстоятельства, сопутствующие слову, когда отсутствует объект желания. Я не думаю, что этот критицизм обоснован, но считаю, что соображения, которые он предполагает, являются важными.

(2) *Слова в отсутствии их объектов.* - В данном Уотсоном описании того, как ребёнок учится использовать слово 'коробка', внимание почти всецело концентрируется на способе, которым слова приходят в соприкосновение с присутствующей коробкой. Есть единственное краткое упоминание использования слова, когда объект отсутствует, но желается: 'Формируется привычка движения к коробке, когда руки полны игрушек. Ребёнок учится складывать их туда. Когда его руки заняты игрушками, а коробка отсутствует, всплывает привычное слово и он взывает "коробка"'. Затруднение, - я думаю преодолимое - возникающее в отношении данного описания, состоит в том, что здесь по-видимому отсутствует адекватный стимул для привычного слова в предполагаемых обстоятельствах. Мы предполагаем, что привычка сформировалась при произнесении слова 'коробка', когда коробка присутствует; но каким образом такая привычка ведёт к использованию того же самого слова, когда коробка отсутствует? Те, кто убеждён в образах, будут говорить, что в отсутствие коробки у ребёнка будет её образ, и этот образ будет иметь те же самые ассоциации, как и коробка, включая ассоциацию со словом 'коробка'. Этим способом объясняется использование слова; но в описании Уотсона оно остаётся загадочным. Рассмотрим, к чему сводится последнее возражение.

Феномен, называемый мышлением, каким бы образом его не анализировали, имеет определённые характеристики, которые нельзя отрицать. Одна из наиболее очевидных характеристик состоит в том, что он даёт нам возможность действовать со ссылкой на отсутствующие объекты, а не только со ссылкой на те объекты, которые чувственно присутствуют. Тенденция бихевиористской школы заключается в том, чтобы подчинить познание действию и рассматривать действие как физически объяснимое. Итак, я не хочу отрицать, что множество действий, возможно большинство, объяснимы физически, но тем не менее, по-видимому, невозможно объяснить *все* действия, не учитывая 'представлений', т.е. образов отсутствующих объектов. Если отвергнуть этот взгляд, будет необходимо отказаться от объяснения всех желаний. Уотсон не имеет

дело с желанием¹; оно и родственные слова отсутствуют в предметном указателе к его книге. В отсутствие такого феномена, как желание, затруднительно видеть, что происходит, когда ребёнок с полными игрушек руками говорит 'коробка'. Естественно было бы сказать, что имеет место образ коробки, соединённый с чувством, которое мы называем 'желание', и что образ ассоциируется со словом так же, как ассоциировался бы объект, поскольку образ походит на объект. Но Уотсон требует, чтобы руки, полные игрушек, были причиной слова 'коробка' без какого-либо посредника. И на первый взгляд неясно, как это должно осуществляться.

На это возражение, по-видимому, есть два возможных ответа: первый заключается в том, что обстоятельства, сопутствующие образу, по обычной теории столь же загадочны, как и обстоятельства, сопутствующие слову в теории Уотсона; другой - что переход от полных рук к слову 'коробка' является свёрнутым [telescoped] процессом, производным от привычного перехода от полных рук к коробке и отсюда к слову 'коробка'. Возражение на второй из этих ответов по-видимому заключается в том, что переход к слову 'коробка' в отсутствие коробки воспринимается совершенно непохожим на переход к слову через посредство действительной коробки; в последнем случае есть удовлетворённость, в первом удовлетворённость отсутствует. Свёрнутые процессы вызывают сходные ощущения относительно полных процессов; поскольку они различны, постольку они дают большее удовлетворение, как требующие меньше усилий. Слово 'коробка' есть не элемент усилий ребёнка, но стадия на пути к их завершению. Поэтому кажется затруднительным свести обстоятельства, сопровождающие слова в желании, к свёрнутому процессу. Возражение на первый ответ, а именно, что обстоятельства, сопровождающие образ, столь же загадочны, как и обстоятельства, сопровождающие слово, состоит в том, что если принять образы, мы можем принять психологические законы причинности, которые отличны от законов причинности физического мира, тогда как с точки зрения Уотсона мы будем должны принять психологические законы, которые отличны от законов физики. В физическом мире, если *A* часто вызывает *B*, а *B* часто вызывает *C*, не случается так, что в тех случаях, когда *A* не влечёт *B*, оно тем не менее влечёт *C* посредством свёрнутого процесса. Я часто хожу в определённый ресторан (*A*), обедаю там (*B*) и нахожу, что моё чувство голода удовлетворено (*C*). Но тем не ме-

¹ Единственное обсуждение желания у Уотсона, насколько я знаю, имеется в связи с психоанализом в его статье 'The Psychology of Wish Fulfilment', *Scientific Monthly* (ноябрь, 1916).

нее, если по определённой причине ресторан закрыт, происходит так, что *B* не удаётся выполнить, и я не могу достичь *C*. Если бы я мог, хозяйствовать в военное время было бы легче. Итак, процесс, предполагаемый Уотсоном, строго аналогичен данному. В его теории мы имеем чистый переход от наполненных рук (*A*) к коробке (*B*) и отсюда к слову 'коробка' (*C*). Затем однажды переход от *A* к *B* не удаётся, но тем не менее остаётся переход от *A* к *C*. Последнее требует иных законов причинности, чем законы причинности физики - по крайней мере *prima facie*. Если принять образы, легко видеть, что законы характеризующих их обстоятельств и результатов отличаются от законов физики, и, следовательно, указанное выше затруднение в отношении них отсутствует; но если их отрицают, в рамках материальной области требуются иные законы причинности.

Этот аргумент, однако, ни в коем случае не окончателен. Поведение живой материи в некоторых отношениях очевидно отличается от поведения мёртвой материи, но это не доказывает, что различия окончательны. Газы и твёрдые тела ведут себя различно, однако и те и другие в конце концов подчиняются физическим законам. Главные особенности в поведении животных обусловлены привычкой и ассоциацией и, я думаю, могут быть суммированы в следующем законе: 'Когда *A* и *B* часто сосуществуют в близких временных интервалах, одно из них имеет тенденцию быть причиной другого'. Этот закон будет применяться только к происходящему в теле одного животного. Но, я думаю, он подходит и для описания свёрнутых процессов, и для использования слов в отсутствие их объектов. Так, в примере Уотсона ребёнку в опыте дана последовательность: полные руки, коробка, слово 'коробка'. Таким образом, полные руки и слово 'коробка' часто сосуществуют в близких временных интервалах, и, стало быть, полные руки могут стать причиной слова 'коробка'. Они не могут быть причиной самой коробки, поскольку последнее управляется физическими законами, независимыми от тела ребёнка; но они могут быть причиной слова. (Однако сформулированный выше закон можно объяснить в ортодоксальном физическом направлении посредством свойств нервной ткани и не требовать фундаментального различия между физиологией и физикой.) Если, следовательно, образы эмпирически сомнительны, я не рассматриваю их как теоретически необходимые для описания обстоятельств, сопровождающих слова в отсутствие их объектов.

Уильям Джеймс в своей работе *Исследования по радикальному эмпиризму* развивал взгляд, что ментальное и физическое различаются не по составу, из которого они созданы, но только своими

законами причинности. Этот взгляд весьма привлекателен, и я приложил много усилий, чтобы убедиться в этом. Я думаю, Джеймс прав, проводя различия между законами причинности по существу. По-видимому, есть психологические и физические законы причинности, отличающиеся друг от друга¹. Мы можем определить психологию как изучение одной разновидности законов, а физику как изучение другой. Но когда мы начинаем рассматривать строение двух наук, кажется, что существуют некоторые индивиды, подчиняющиеся только физическими законам (а именно, материальные предметы в отсутствие восприятия), некоторые индивиды, подчиняющиеся только психологическим законам (а именно, по крайней мере образы), и некоторые индивиды, которые подчиняются и тем, и другим законам (а именно, ощущения). Таким образом, ощущения будут как физическими, так и ментальными, тогда как образы будут чисто ментальными. Использование слов, актуально произнесённых или написанных, есть часть физического мира, но поскольку слова приобретают своё значение через образы, невозможно адекватно рассматривать слова без введения психологии и без учёта данных, полученных с помощью интроспекции. Если этот вывод обоснован, бихевиористская теория языка неадекватна, несмотря на тот факт, что она предлагает много такого, что является истинным и важным.

Впредь я буду предполагать существование образов и продолжу, отталкиваясь от данной предпосылки, определять 'значение' слов и образов.

При рассмотрении значения слова ли, образа ли мы должны различать:

- (1) Причины слова или образа.
- (2) Его следствия.
- (3) То, что является отношением, конституирующим значение.

Достаточно ясно, что 'значение' - это отношение, включающее законы причинности, но оно включает и нечто ещё, что менее легко определить.

Значение слов как правило отличается от значения образов в зависимости от ассоциации, а не от сходства.

'Мыслить' значение слова значит вызывать образ того, что оно обозначает. Естественно, взрослые люди, говорящие на своём родном языке, используют слова, не задумываясь об их значении. Человек 'понимает' слово, когда (а) подходящие обстоятельства

¹ Я не претендую на знание того, является ли это различие окончательным и нередуцируемым. Я только говорю, что при современном состоянии науки его необходимо принять практически.

заставляют его их использовать, (в) их восприятие вызывает в нём подходящее поведение. Мы можем назвать (а) и (в) активным и пассивным пониманием соответственно. Собаки часто обладают пассивным пониманием некоторых слов, но не активным пониманием.

Для 'понимания' слова вовсе не нужно, чтобы человек 'знал, что оно обозначает', в том смысле, чтобы он был способен сказать: 'Это слово обозначает то-то и то-то'. Слово имеет значение более или менее нечётко; но значение должно обнаруживаться единственно наблюдением за его использованием; первым идёт использование, значение дистиллируется из него. Отношение слова к своему значению фактически заключается в природе закона причинности, и тому, чтобы человек, используя слово правильно, осознавал его значение, причин не более, чем планете, движущейся правильно, осознавать законы Кеплера.

Для иллюстрации того, что подразумевается под 'пониманием' слов и предложений, предположим, что вы прогуливаетесь по Лондону с рассеянным другом. Вы говорите: 'Берегись, приближается машина!' Он оглядывается и отпрыгивает без необходимости в каком-либо ментальном посреднике. Здесь нет нужды в 'представлениях', но только в напряжении мускулов, за которым быстро следует действие. Он 'понимает' слова, потому что действует правильно. Такое 'понимание' может рассматриваться как относящееся к нервам и мозгу, будучи привычками, приобретёнными в процессе изучения языка. Таким образом, понимание в этом смысле может быть редуцировано к простым психологическим законам причинности.

Если вы говорите то же самое французу, слабо знающему английский, он пройдёт через некоторую внутреннюю речь, которую можно представить следующим образом: 'Qui dit-il? Ah oui, une automobile'. После этого остальное происходит, как в случае с англичанином. Уотсон утверждал бы, что внутренняя речь должна быть вначале актуально произнесена; мы же настаиваем, что её можно просто вообразить. Но в данный момент на этом пункте не стоит задерживаться.

Если вы то же самое говорите ребёнку, который ещё не знает слово 'машина', но знает другие слова, используемые вами, вы вызываете чувство тревоги; вы будете должны указать и сказать: 'Здесь, вот машина'. После этого ребёнок чётко поймёт слово 'машина', хотя он может включить в это понимание трамвай и паровоз. Если ребёнок слышал слово 'машина' в первый раз, он может в течение долгого времени продолжать вызывать эту сцену, когда слышит данное слово.

Итак, мы обнаружили четыре способа понимания слов:

- (1) В подходящих случаях вы используете слово надлежащим образом.
- (2) Когда вы его слышите, вы поступаете соответственным образом.
- (3) Вы ассоциируете слово с другим словом (скажем в другом языке), которое оказывает соответствующее воздействие на поведение.
- (4) Когда слово изучается впервые, вы ассоциируете его с объектом, который есть то, что оно 'обозначает'; таким образом, слово приобретает некоторое такое же причинное воздействие, как и объект. Слово 'Машина!' может заставить вас отпрыгнуть так же как и машина, но оно не может сломать ваши кости.

Пока всё можно объяснить поведением. Но до сих пор мы рассматривали только то, что можно назвать 'демонстративным' ['demonstrative'] использованием языка, указывающим на особенности присутствующего окружения; мы не рассматривали то, что можно назвать его 'нарративным' ['narrative'] использованием, примером которого может служить рассказ о некотором воспоминаемом событии.

Вновь рассмотрим случай, когда ребёнок в первый раз слышит слово 'машина'. Будем предполагать, что по какому-то более позднему случаю ребёнок вспоминает инцидент и соотносит его с чем-то ещё. В этом случае и активное, и пассивное понимание слов отличается от того, когда слово используется демонстративно. Ребёнок не видит машину, но только вспоминает её; слушающий не оглядывается в ожидании увидеть подъезжающую машину, но 'понимает', что машина проехала некоторое время назад. Последнее обстоятельство в целом значительно труднее объяснить в бихевиористском направлении - в самом деле, оно не вызывает какого-либо поведения. Ясно, что поскольку ребёнок вспоминает по-настоящему, он владеет картиной прошедшего происшествия и его слова подобраны таким образом, чтобы описать картину; и поскольку слушающий по-настоящему постигает то, о чём идёт речь, он получает картину более или менее подобную той, что есть у ребёнка. Верно, что этот процесс может быть свёрнут посредством оперирования словесной привычкой. Ребёнок не в состоянии по-настоящему вспомнить инцидент, но только владеет навыком подходящих слов, как в случае с поэмой, которую мы знаем сердцем, хотя и не можем вспомнить то, что учили. И слушающий также может обращать внимание только на слова, а не вызывать какую-то соответствующую картину. Но тем не менее возможность образа памяти у ребёнка и образа воображения у слушателя создаёт сущ-

ность 'значения' слова. Поскольку оно отсутствует, слова являются просто аналогами, способными к значению, но в данный момент им не обладающими. Мы можем сказать, что в то время, когда слова используются в демонстративном описании и направлены на то, чтобы вызывать ощущения, те же самые слова используются в нарративном описании и направлены на то, чтобы вызвать образы.

Таким образом, у нас имеется два других способа (возможно не фундаментально отличных), которыми слова в состоянии обозначать, а именно, способ памяти и способ воображения. Другими словами:

- (5) Слова могут использоваться для описания или вызывания образа памяти; для его описания, когда он уже существует, или для его вызывания там, где к словам есть навык, и известно, что они подходят для описания части прошедшего опыта.
- (6) Слова могут использоваться для описания и создания образов воображения: для их описания, например, в случае с поэтом или прозаиком, или для их создания в обычном случае передачи информации - хотя в последнем случае при создании имажинативного образа имеется тенденция сопровождать его убеждением, что нечто подобное произошло.

В совокупности об этих двух способах использования слов можно сказать как об использовании слов в 'мышлении'. С этим способом использования слов, поскольку он зависит от образов, нельзя иметь дело совершенно в бихевиористском направлении. И на самом деле, это наиболее существенная функция слов: они, первично через свою связь с образами, приводят нас в соприкосновение с тем, что отстоит от нас во времени или в пространстве. Когда они воздействуют без посредничества образов, последнее, по-видимому, свёрнутый процесс. Таким образом, проблема значения слов редуцируется к проблеме значения образов.

'Значение образов' - это самая простая разновидность значения, поскольку образы похожи на то, что они обозначают, тогда как слова, как правило, нет. Об образах говорится как о 'копиях' ощущений. Верно, что это допущение подвержено скептическому критицизму, но я буду предполагать, что оно истинно. Для здравого смысла последнее, по-видимому, подтверждается такими опытами, как, например, когда в памяти воскрешают знакомую комнату, а затем входят в комнату и находят её такой, какой она вспоминалась. Если наша память была ошибочной, мы должны предполагать, что комната и наш образ её претерпели аналогичные изменения, а это не выглядит как приемлемая гипотеза. Таким образом, для практических целей мы оправдываемся предположением, что в данном случае наш образ воскресил в памяти то, чем была комна-

та, когда мы видели её в предыдущий раз. Мы можем тогда сказать, что наш образ 'обозначает' комнату.

Вопрос о том, что 'обозначает' данный образ, частично находится в пределах контроля нашей воли. Образ напечатанного слова может обозначать не слово, но то, что слово обозначает. Образ треугольника может обозначать один отдельный треугольник или треугольники вообще. Мысля собаку вообще, мы можем использовать смутный образ собаки, который подразумевает вид, а не какого-то представителя вида. Аналогично, вызывая в памяти лицо друга, мы обычно вызываем не какой-то один специальный случай, когда мы его видели, но компромиссный образ многих случаев.

В то время, как одни образы обозначают индивиды, а другие - универсалии (на ранних стадиях мышления значение является слишком смутным, чтобы определённо быть индивидом или универсалией), все образы являются индивидами, но то, что они обозначают, зависит от природы их *causal efficacy**. Образ обозначает универсалию, если его воздействие зависит только от его прототипа, являющегося примером данной универсалии. Таким образом, если я вызываю образ собаки с точки зрения на общее высказывание о собаках, я *использую* только те характеристики своего образа, которые он разделяет со всеми образами собак. Мы можем до некоторой степени использовать или игнорировать отдельные черты образа по нашему выбору. Используя *слова*, мы всегда игнорируем всё то, что специфично для примера слова, за исключением элокуции и каллиграфии. Два примера слова 'собака' схожи более, чем две собаки; это одна из причин, почему слова помогают рассматривать универсалии.

Приняв принцип Юма, что простые идеи производны от впечатлений, мы будем придерживаться того, что в любом случае простые чувственные качества, входящие в образ, являются 'копиями' чувственных качеств, данных в ощущении. Комплексные образы часто, но не всегда, являются копиями комплексных ощущений; их конститuenty, если прав Юм, всегда являются копиями чего-то данного в ощущении. То, копией чего является образ, называется его 'прототипом'; и последний, или его части, по принципу Юма, всегда являются необходимой частью причины либо образа, либо его конститuent (в случае комплексного образа воображения).

Воздействия образа имеют тенденцию быть похожими на воздействия прототипа, продуцируя желание или отвращение к нему. Это одна связь между образом и его значением. Мысль о питье воздействует на жаждающего человека аналогично воздействию взгляда на запотевший стакан. То же самое относится к словам

первоначально несомненно через их способность вызывать образы, но затем непосредственно.

Способ, которым образ похож на прототип, специфичен. Образы, как класс, имеют (за редкими исключениями) характеристики, отличающиеся от ощущений как класса, но индивидуальные образы, подчинённые этим различиям, похожи на индивидуальные ощущения. Образы, однако, обладают различными степенями смутности, и чем они смутнее, тем более различные объекты могут приниматься за их прототипы. Самый близкий подход, который я могу сделать к определению отношения образа и прототипа, следующий: Если объект *O* есть определённый прототип (или в случае смутности неопределённый прототип) образа, тогда в присутствии *O* мы можем опознать его как то, образом 'чего' мы обладали. Тогда мы можем сказать, что *O* является определённым значением (или в случае смутности неопределённым значением) образа. Но, как мы видели, значение в некоторой степени подчиняется воле; 'родовой' образ, например, есть просто образ, предназначенный для того, чтобы быть родовым.

III. ПРОПОЗИЦИИ И УБЕЖДЕНИЕ

Относительно убеждения необходимо рассмотреть три элемента: (1) содержание, в котором убеждены; (2) отношение содержания к своему 'объективному корреляту' ['objective'], т.е. к факту, который делает его истинным или ложным; (3) элемент, который является убеждением, как противоположный рассмотрению одного и того же содержания, или является затрагивающим содержание сомнением, желанием и т.д. Второй из этих вопросов я предлагаю отложить до следующего раздела; и сейчас, следовательно, мы не рассматриваем вопрос о том, что делает убеждение истинным или ложным, хотя важно помнить, что свойство быть истинным или ложным, это то, что особо характеризует убеждения. Другие два вопроса мы будем рассматривать в этом разделе.

(1) *Содержание убеждения.* - Точка зрения, принятая на этот вопрос, до некоторой степени зависит от взгляда на то, что мы принимаем за 'идеи' или 'представления'. Здесь мы имеем огромное множество теорий, на которых настаивают различные авторы. Многие представители аналитической психологии - Мейнонг, например, - различают в представлении три элемента, а именно, акт (или субъект), содержание и объект. Реалисты, типа д-ра Мура* и меня, имеют привычку отвергать содержание, хотя сохраняют акт и объект. С другой стороны, американские реалисты отвергают и

акт, и содержание и сохраняют только объект; тогда как идеалисты, если и не на словах, то на деле, отвергают объект и сохраняют содержание.

Существует ли какой-нибудь способ решения среди этого смешанного множества гипотез?

Я должен признаться, что теории, разлагающие представление на акт и объект, более меня не удовлетворяют. Акт, или субъект, схематически удобен, но эмпирически не обнаруживаем. Он, по-видимому, служит той же самой цели, которую обслуживают точки пространства и моменты времени, числа, частицы и остальной аппарат математики. Все эти вещи должны быть *сконструированы*, а не постулированы; они не входят в состав мира, но представляют собой совокупности, которые удобно обозначить так, как если бы они были единичными предметами. То же самое, по-видимому, будет истинным и для субъекта, и я затрудняюсь обнаружить какой-либо действительный феномен, который можно было бы назвать 'актом' и рассматривать как конституенту представления. Логические аналогии, которые привели меня к данному выводу, были усилены аргументами Джеймса и американских реалистов. Поэтому, мне кажется необходимым сконструировать теорию представления и убеждения, которая не использует 'субъекта' или 'акт' как конституенту представления. То, что такого предмета, как 'субъект' нет, определено ничуть не в большей степени, чем то, что нет точек пространства или моментов времени. Такие предметы *могут* существовать, но у нас отсутствует причина предполагать, что они есть, а стало быть, наши теории должны избегать предположения о том, что они существуют или что они не существуют. *Практический* результат этого тот же самый, как если бы мы предположили, что они не существуют, но теоретическая установка отличается.

Первый результат отбрасывания субъекта приводит к тому, что теория ментальных событий необходимо становится менее относительной. Например, точку зрения Brentano*, что ментальные феномены характеризуются 'объективной референцией', нельзя принять в её очевидном смысле. В частности, ощущение нельзя более рассматривать как отношение субъекта к чувственно данному; соответственно различие между ощущением и чувственно данным утрачивается; становится невозможным рассматривать ощущение как познавательное в каком-либо смысле. *Per contra** ощущение становится в равной степени частью предмета физики и психологии: оно одновременно является частью сознания человека, который 'обладает' ощущением, и частью тела, которая 'воспринима-

ется' посредством ощущения'¹. Эта тема требует расширения, но не здесь, поскольку она не совсем соответствует нашей теперешней теме.

Помимо ощущений 'представления', как предмет наблюдения, по-видимому, составлены из образов. Образы, согласно только что сказанному, по своей собственной природе не должны рассматриваться как относительные; тем не менее, по крайней мере в случае образов памяти считается, что они указывают за себя, на нечто такое, что они 'обозначают'. Мы уже имели дело с значением образов, насколько было возможно, без введения убеждения; но ясно, когда мы вспоминаем посредством образов, последние сопровождаются убеждением, которое можно выразить (хотя и с недостаточной подробностью), говоря, что их считают копиями чего-то существующего ранее. И помимо памяти образы едва ли могут приобретать значение. Таким образом, анализ убеждения даже существен для полного описания значения слов и образов - ибо значение слов, как мы обнаруживаем, зависит от значения образов, зависящих в свою очередь от памяти, которая сама является формой убеждения.

Таким образом, до сих пор у нас было два типа ментального 'состава', а именно, (а) ощущения, которые к тому же являются физическими, и (в) образы, которые являются чисто ментальными. Ощущения не 'обозначают', но образы часто обозначают опосредованно через убеждение.

Теория убеждения, которую я прежде защищал, а именно, что оно состоит во множественном отношении субъекта к объектам, конституирующим 'объективный коррелят', т.е. факт, который делает убеждение истинным или ложным, становится невозможной в связи с отбрасыванием субъекта. Когда отбрасывается субъект, конституенты убеждения не могут быть одинаковыми с конституентами его 'объективного коррелята'. Последнее имеет как преимущества, так и недостатки. Недостатки вытекают из различия между содержанием и объективным коррелятом, что, по-видимому, делает последний сомнительным в том смысле, что мы не можем сказать, что нам 'известен' объективный коррелят². Преимущества производны от реабилитации содержания, что делает возможным допущение пропозиций в качестве действительно ком-

¹ Предлагаемая теория тел развита в моей книге *Our Knowledge of the External World*.

² Важная часть 'познания' состоит в том факте, что посредством 'представлений' мы можем действовать способом, соответствующим отсутствующему объекту и независящим от стимулов имеющегося ощущения. Я не развивал в данной статье такой порядок идей, но я не хочу преуменьшать его важность.

плексных обстоятельств и избавление от затруднений, связанных с ответом на вопрос: В чём мы убеждены, когда убеждены ложно? Однако теория, которую я намерен отстаивать, рекомендуется не этими преимуществами и отвергается не вследствие указанных недостатков; для признания она представляется на основании согласования с тем, что можно наблюдать эмпирически, и потому что она отвергает всё мифологическое или просто схематическое. Удобна она эпистемологически или же нет - это вопрос, не имеющий отношения к её истинности или ложности, и не его я предполагаю рассматривать далее.

Являются ли ощущения и образы, в зависимости от ситуации, подходящим материалом, из которого составлены убеждения? Я думаю, да. Но этот вопрос должно задавать дважды: один раз в отношении содержания, т.е. того, в чём убеждены, а затем снова в отношении убеждения. Пока мы рассмотрим содержание.

То, в чём убеждены, всегда должно быть разновидностью того, что мы выражаем с помощью пропозиции - эту точку зрения я собираюсь утверждать или отрицать. Может случиться так, что возможно быть убеждённым в одном простом образе. Однако для наших целей важны те убеждения, даже если они и не единственны, которые, если их передать эксплицитно словами, принимают форму пропозиции, т.е., что A есть B , что x находится в отношении R к y , что все люди смертны, что нечто похожее на *это* существовало ранее или любое другое такое предложение. Но психологическая классификация содержаний убеждений весьма отличается от логической классификации, и в данный момент нас занимают психологические вопросы. Психологически некоторые из имеющихся убеждений, по-видимому, относятся к воспоминаниям и ожиданиям. Вызывая в памяти некоторые недавние события, вы в чём-то убеждены. Приходя в знакомое место, вы можете ожидать, что многое найдёте, как обычно; вы в состоянии обладать образом того, как ваш гость приветствует вас, и можете быть убеждены, что это произойдёт. В таких случаях убеждение, вероятно, не облекается в слова, но если бы это было так, оно приняло бы форму пропозиции.

Пока я буду определять 'пропозицию' как *содержание убеждения*, за исключением того, когда, если это возможно, содержание является простым. Но поскольку мы ещё не определили 'убеждение', это определение всё ещё нельзя рассматривать как вполне ценное.

Содержание убеждения *может* состоять только из слов, но если это так, то это свёрнутый процесс. Первичный феномен убеждения заключается в вере в образы, для которого память, вероятно,

наиболее элементарный пример. Но, можно настаивать, убеждения памяти не состоят *только* из образов памяти вместе с чистым убеждением; ясно, что образы могут быть одинаковыми для памяти и ожидания, которые тем не менее являются различными убеждениями. Я склоняюсь к точке зрения, что различие в данном случае относится не к содержанию убеждения, но к убеждению; 'убеждение', по-видимому, является родовым термином, охватывающим различные виды обстоятельств, два из которых память и ожидание. Если это так, различие оттенков [tense] в его психологически самой ранней форме является не частью того, в чём убеждены, но только способом убеждения в последнем; вкладывание оттенков в содержание есть результат позднейшей рефлексии. Соответственно мы можем продолжать рассматривать образы как задающие всё содержание того, в чём убеждены, когда последнее не выражено в словах.

Я буду различать пропозицию, выраженную в словах, как 'словесную пропозицию' ['world-proposition'], и пропозицию, состоящую из образов, как 'образную пропозицию' ['image-proposition']. Как общее правило, словесная пропозиция 'обозначает' образную пропозицию; последнее относится к случаю с ложными пропозициями точно так же, как и к случаю с истинными, поскольку образные пропозиции так же способны ко лжи, как и словесные пропозиции¹. Я не буду говорить о факте, который делает пропозицию истинной или ложной, как о её 'значении', поскольку такое употребление привело бы к путанице в случае лжи. Я буду говорить об отношении пропозиции к факту, который делает ее истинной или ложной, как о её 'объективном референте', или просто её 'референте'. Но это не будет занимать нас до следующего раздела.

Соответствие словесных пропозиций и образных пропозиций, как правило, ни в коей мере не является точным или простым. Форма слов, если она не искусственно сконструирована, обычно выражает не только содержание пропозиции, но также и то, что может быть названо 'пропозициональной установкой' - воспоминание, ожидание, желание и т.д. Эти установки не образуют часть пропозиции, т.е. содержание того, в чём убеждены, когда мы убеждены, или содержание желаемого, когда мы желаем.

Проиллюстрируем содержание убеждения на примере. Предположим, я убеждён, но не в словах, что 'будет дождь'. Что происхо-

¹ Существуют, однако, ограничения на параллелизм, обусловленные тем, что слова к тому же часто выражают то, что относится к природе убеждения, точно так же, как и то, что относится к содержанию. Мы как раз имели пример этому в случае оттенков; другой пример будет рассматриваться позднее в отношении отрицания.

дит? (1) Образы, скажем, визуального явления дождя, ощущение сырости, стук дождевых капель, взаимосвязаны примерно так, как были бы взаимосвязаны ощущения, если бы был дождь, т.е. имеется комплексный *факт, составленный из образов*, обладающий структурой, аналогичной структуре объективного факта, который делал бы убеждение истинным. (2) Имеется *ожидание*, т.е. та форма убеждения, которая отсылает к будущему; вскоре мы это рассмотрим. (3) Имеется отношение между (1) и (2), позволяющее нам сказать, что (1) есть то, 'что ожидается'. Это отношение также требует исследования.

Наиболее важная вещь относительно пропозиции заключается в том, что независимо, состоит ли она из образов или из слов, что бы ни случилось, она представляет собой действительный факт, имеющий определённую аналогию структуры - исследуемую далее - с фактом, делающим её истинной или ложной. Словесная пропозиция, если не вдаваться в тонкости, 'обозначает' соответствующую образную пропозицию, и образная пропозиция имеет объективный референт, зависящий от значения составляющих её образов.

(2) *Убеждение*. - Мы переходим теперь к вопросу о том, что же действительно конституирует убеждение, в противоположность вопросу о содержании убеждения.

'Каждый, - говорит Уильям Джеймс, - знает разницу между воображением вещи и убеждением в её существовании, между предположением пропозиции и согласием с её истинностью ... По своей внутренней природе убеждение, или чувство реальности, является разновидностью чувства наиболее родственного эмоциям, чем что-либо ещё'¹.

В главном этот взгляд, по-видимому, неизбежен. Когда мы убеждены в пропозиции, мы обладаем определённым чувством, относящимся к содержанию пропозиции таким способом, который описывается как 'убеждение в данной пропозиции'. Но я думаю, что различные разнообразные чувства объединяются под одним словом 'убеждение', и что нет какого-либо одного чувства, которое по преимуществу является убеждением.

Однако до того, как мы начнём анализировать убеждение, необходимо рассмотреть теорию, которая, защищается ли она явно или же нет, по-видимому, неявно содержится в прагматизме и способна, в случае истинности, предоставить сильный аргумент в пользу этой философии. Согласно данной теории - за которую я не могу нести какую-то авторскую ответственность - нет единственно-

¹ *Psychology*, том II, глава XXI, стр.283. Курсив Джеймса.

го обстоятельства, которое можно описать как 'убеждение в пропозиции', но убеждение заключается просто в случайной действительности. Некоторые идеи подвигают нас к действию, другие - нет; о тех, которые подвигают нас к действию, говорится как о идеях, в которых 'убеждены'. Бихевиорист, отрицающий образы, должен будет идти даже дальше и вообще отрицать образные пропозиции. Для него, я полагаю, убеждение будет подобно силе в физике, воображаемой фиктивной причиной последовательности действий. Животное, желающее *A* (каков бы ни был бихевиористский смысл 'желания'), переходит к попытке осуществить *B*, мы тогда говорим, что животное 'убеждено', что *B* подразумевается посредством *A*. Последнее есть просто способ объединения определённого множества актов и не репрезентирует какое-либо единственное обстоятельство в животном. Но этот взгляд, что бы не было сказано в его пользу там, где рассматривается животное, осуждается в отношении человеческих существ при допущении образов. При допущении образов становится невозможным отрицать, что образные пропозиции встречаются у людей, и ясно, что убеждение особо имеет дело с пропозициями, при условии, что пропозиции имеют место. И если это принять, мы не можем провести различие между пропозицией, в которой убеждены, и пропозицией, просто рассматриваемой, состоящей *только* в присутствии или отсутствии случайной действительности. Если мы соблюдаем максимум 'одинаковая причина, одинаковое действие', мы должны придерживаться того, что если пропозиция, в которой убеждены, имеет действие, отличное от действия той же самой пропозиции, просто рассматриваемой, должно быть некоторое *внутреннее* различие между убеждением и рассмотрением. Факт, что убеждение не действует на нас так, как рассмотрение, удостоверяет в некотором внутреннем различии между двумя феноменами, даже когда рассматриваемая пропозиция является одной и той же в обоих случаях¹. Последнее возражение, по-видимому, фатально для установленной выше точки зрения, основанной на случайной действительности, хотя я считаю, что кое-какая истина *предполагается* данной точкой зрения.

Мне кажется, что имеются различные чувства, которые могут придаваться пропозиции, одно из которых конституирует убеждение. Из них я привёл бы в пример воспоминание, ожидание и простое вневременное согласие. Существуют ли другие, я не знаю. Воспоминание для своей истинности требует, чтобы объективный коррелят пропозиции был в прошлом, ожидание - чтобы он был в

¹ Ср.: Brentano, *Psychologie vom empirischen standpunkte* (Leipzig, 1874), стр.268. (Критика: Bain, *The Emotions and the Will*.)

будущем, тогда как для простого согласия не требуется какого-либо особого временного отношения убеждения к объективному корреляту. Дизъюнкция и импликация, возможно, могут затрагивать другие виды чувства убеждения. Главное значение этих различных чувств с нашей точки зрения покоится на затруднении, которое они создают при переводе феноменов убеждения в слова. По-видимому, оттенок полагает временное отношение в содержание того, в чём убеждены, тогда как, если рассмотренная выше теория верна, оттенок первично включается в природу чувства убеждения. Однако возможно, что можно упростить наше обсуждение, ограничиваясь простым согласием, поскольку несомненно возможно согласие с пропозицией, рассматривающей прошлое или будущее, как противоположное её воспоминанию или ожиданию.

Если мы на самом деле правы, когда человек обладает не выраженным в словах убеждением, которое конституируется чувством согласия, происходит следующее: (а) мы имеем пропозицию, состоящую из взаимосвязанных образов и, возможно, частично из ощущений; (в) у нас есть чувство согласия; (с) у нас есть действительно имеющее место отношение между чувством согласия и пропозицией такое, которое выражается, когда говорят, что это пропозиция, с которой согласны. Для других форм убеждения мы должны только подставить вместо согласия другие чувства.

В противоположность изложенной выше теории можно утверждать, что убеждение не является положительным феноменом, хотя сомнение и неверие являются таковыми. Можно утверждать, что то, что мы называем убеждением, включает только существование соответствующих образов, которые будут иметь воздействия, являющиеся характеристикой убеждения, если какая-то другая одновременная сила им противодействует. Можно развить бихевиористскую логику, начинающуюся с определения, что две пропозиции логически несовместимы, когда они вызывают в теле физически несовместимые движения. Например, для рыбы в одно и то же время нельзя быть убеждённой в двух пропозициях: 'хорошо бы съесть этого червяка' и 'этот червяк насажен на крючок'. Ибо убеждение (в данном случае) заключалось бы в поведении: одно убеждение - съесть червяка; другое - уплыть от него - всегда предполагая при этом (как неизменно делают бихевиористы), что рассматриваемой рыбе не наскучила жизнь. Не заходя так далеко, мы, тем не менее, можем согласиться с пассажем, который Джеймс (*loc.cit.*, стр.288) цитирует из Спинозы: 'Чтобы яснее понять это, представим себе мальчика, воображающего лошадь и ничего более. Так как такое воображение включает в себе существование лошади и так как мальчик не представляет ничего, что уничтожало

бы это существование, то он необходимо будет смотреть на лошадь, как находящуюся налицо, и не будет в состоянии сомневаться в её существовании, хотя и не знает о нём достоверно ... я отрицаю, чтобы человек, поскольку он воспринимает, обходился без всякого утверждения. В самом деле, что такое значит воспринимать крылатого коня, как не утверждать об этом коне, что он имеет крылья? В самом деле, если бы душа кроме крылатого коня ничего другого не воспринимала, то она смотрела бы на него, как на находящегося налицо, и не имела бы никакой причины сомневаться в его существовании, равно как и никакой возможности признавать его, если только воображение крылатого коня не связано с идеей, уничтожающей существование этого коня'. (*Ethics*, II, 49, *Scholium*.)*

С этой доктриной Джеймс полностью согласен, добавляя курсивом:

‘Любой объект, который остаётся непротиворечивым, ipso facto является объектом убеждения и полагается как абсолютная реальность’.*

Итак, если данная точка зрения корректна, из неё, по-видимому, следует (хотя Джеймс и не делает такого вывода), что нет нужды в каком-либо особом чувстве убеждения и что простое существование образов даёт всё, что требуется. Состояние ума, в котором мы просто рассматриваем пропозицию, без убеждения в ней или неверия в неё, будет тогда проявляться для нас как надуманный продукт, результат некоторой соперничающей силы, добавляющей к образной пропозиции позитивное чувство, которое может быть названо неопределённостью или отсутствием убеждения - чувство, которое можно сравнить с чувством человека, ожидающего сигнал перед стартом. Такой человек, хотя и не двигается, находится в совершенно отличных условиях от условий человека, находящегося в полном покое. И поэтому человек, рассматривающий пропозицию в отсутствие убеждения, будет в напряжении, сдерживающем естественное стремление к реакции на пропозицию, которую он проявил бы, если бы ничего не мешало. С этой точки зрения убеждение главным образом состоит просто в существовании соответствующих образов без каких-либо противодействующих сил.

То, что более всего рекомендует указанная выше точка зрения, по-моему мнению, есть способ, которым она соответствует ментальному развитию. Сомнение, неопределённость суждения и неверие - все они, по-видимому, более поздние и более комплексные, чем вовсе неотрефлексированное согласие. Убеждение, как позитивный феномен, если оно существует, по-видимому, является результатом сомнения, решением после обсуждения, с признанием

не просто этого, но *этого-скорее-чем-того*. Нетрудно предположить, что собака обладает образами (возможно обонятельными) своего отсутствующего хозяина или кролика, которого она мечтает поймать. Но весьма трудно предположить, что она может просто развлекаться воображаемыми образами, которым не придано согласие. (Когда мы говорим о 'согласии', в этот момент мы просто подразумеваем то влияние на действие, которое может естественным образом ожидаться, чтобы сопровождать убеждение.) Влияние галлюцинаторных образов также хорошо подходит этой теории. Такие образы, как кажется, часто становятся постепенно всё более и более живыми, по крайней мере до тех пор, пока они исключают противоречащие образы, которые предохраняли бы их от оказывающего влияние действия.

Я думаю, можно допустить, что простой образ без добавления какого-либо положительного чувства, которое можно назвать 'убеждением', склонен обладать определённой динамической силой, и в этом смысле спокойный образ имеет силу убеждения. Но хотя последнее и может быть истинным, оно не описывает ничего, кроме простейших феноменов в области убеждения. Например, оно никак не объясняет ни воспоминание, ни ожидание, в которых, хотя они и отличаются во многом по характеру действия, образ является знаком, чем-то указывающим за себя на иное событие. Оно не в состоянии объяснить убеждения, которые не resultируются в каком-либо непосредственном действии, такие как убеждения математики. Поэтому я заключаю, что существуют чувства убеждения того же самого порядка, как и чувства сомнения, желания или неверия, хотя феномены, близко аналогичные феноменам убеждения, и могут продуцироваться простыми непротиворечивыми образами.

Примеры, подобные примеру мальчика, воображающего крылатого коня, подвержены тому, чтобы продуцировать определённое смешение. Образ крылатого коня конечно же существует, и если мальчик рассматривает его как реальный, он не впадает в ошибку. Но образы, сопровождающиеся убеждением, естественным образом рассматриваются как знаки; убеждение заключается не в образе, но в чём-то таком, на что указывается (или в логическом языке 'описывается') посредством образа. Это особенно очевидно в случае воспоминания. Когда мы вспоминаем событие посредством присутствующих образов, мы не убеждены в настоящем существовании образов, но в прошлом существовании чего-то похожего на них. Почти невозможно перевести в слова то, что происходит, без значительных искажений. Отстаиваемая мной точка зрения заключается в том, что в таком случае мы обладаем специфическим чув-

ством, называемым воспоминанием, которое имеет определённое отношение к образу памяти. Образ памяти конституирует образную пропозицию, но перевод нашего убеждения в слова представляет собой 'нечто подобное тому, что *было*', а не 'нечто похожее на то, что *есть*', как это было бы при согласии, и не входило бы в природу воспоминания или ожидания. И даже этот перевод едва ли аккуратен, поскольку слова указывают не только на образы, но за образы, на то, что они обозначают. Поэтому когда мы используем слово, как если бы оно обозначало образ, нам требуется неестественное удвоение слов для того, чтобы достичь то, что обозначает образ. Последнее обнаруживает неожиданное усложнение, ведущее к значительному недостатку правдоподобия. Но в целом вопрос адаптации языка к психологии после долгих лет, в течение которых он адаптировался к плохой логике, является таким трудным, что я едва ли сделаю больше, чем указав на некоторые связанные с ним проблемы.

IV. ИСТИННОСТЬ И ЛОЖНОСТЬ

Мы переходим теперь к вопросу, который оставили в стороне в начале третьего раздела, а именно: Что представляет собой отношение содержания убеждения к его 'объективному корреляту', т.е. к факту, который делает его истинным или ложным?

В ранней статье для Аристотелевского общества¹, критикуя м-ра Иоахима*, я указывал причины, по которым придерживаюсь того, что истина заключается в корреспонденции, а не в когеренции. Я не предполагаю сейчас повторять эти аргументы, но буду предполагать, без каких-либо добавлений, что истинность или ложность убеждения зависят от его отношения к факту, отличному от него самого. Этот факт я называю его 'объективным коррелятом'. Поступая так, я не следую в точности тому же использованию, как у Мейнонга, который придерживается того, что ложные объективные корреляты существуют так же, как и истинные, и который поэтому не отождествляет свои объективные корреляты с фактами, делающими пропозиции истинными или ложными. Я не могу назвать факт 'значением' пропозиции, поскольку это ошибочно, когда пропозиция является ложной. Если в прекрасный день я говорю: 'Дождливо', вы не можете сказать, что значением моего высказывания является тот факт, что светит солнце. Не могу я

¹ 'On the Nature of Truth', *Proc.Arist.Soc.*, (1907). Перепечатано с некоторыми изменениями в *Philosophical Essays* под заголовком 'The Monistic Theory of Truth'.

использовать и слово 'денотация', поскольку последнее слишком уподобляет пропозиции именам и дескрипциям. Но я буду говорить, что пропозиция 'указывает на' ['refers to'] свой объективный коррелят. Таким образом, когда мы рассматриваем образные пропозиции, 'указывание на' занимает место 'значения'. С другой стороны, об образных пропозициях в простых случаях можно говорить как о 'значении' словесных пропозиций, которые также 'указывают на' объективный коррелят.

Согласно теории пропозиций, предполагаемой в предыдущем разделе, было бы ошибочно рассматривать истинность и ложность как отношения 'идеального' к 'реальному'. Пропозиции являются фактами в точности в том же самом смысле, в котором фактами являются их объективные корреляты. Отношение пропозиции к своему объективному корреляту не является отношением чего-то воображаемого к чему-то действительному; оно представляет собой отношение между двумя равным образом прочными и равным образом действительными фактами. Один из них, пропозиция, составлен из образов с возможной примесью ощущений; другой - может быть составлен из чего угодно.

Вопрос о том, можно ли в каком-либо смысле образы, являющиеся совсем простыми, назвать истинными или ложными, я не буду обсуждать. То, что я рассматриваю, суть пропозиции и их истинность и ложность; вопрос о том, существуют ли какая-то другая истинность или ложность, можно оставить открытым.

В отношении истинности и ложности существует два различных вопроса, один из которых можно назвать формальным, а другой - материальным. Формальный вопрос связан с отношениями между формой пропозиции и формой её объективного коррелята в соответствующих случаях истинности и ложности; материальный вопрос, который специально подчёркивается прагматистами, связан с действием истинного и ложного убеждения соответственно. Настолько, насколько люди хотят быть убеждёнными истинно (что, как я говорил, иногда случается), это происходит потому, что истинные убеждения по предположению, как правило, обладают лучшим значением для реализации желаний, чем ложные убеждения. Если не вспоминать материальный вопрос, схематическая трактовка формального вопроса может показаться совершенно бесплодной и схоластической. Тем не менее я предполагаю обратиться к формальному вопросу.

Простейшая возможная схема соответствия между пропозицией и объективным коррелятом предоставляется такими случаями, как визуальные образы памяти. Я вызываю образ комнаты, которая мне известна, и у меня образ окна находится слева от камина. Я

придаю данному образу ту разновидность убеждения, которую мы называем 'воспоминанием'. Когда комната была представлена чувственно, окно на самом деле находилось слева от камина. В этом случае я обладаю комплексным образом, который для наших целей мы в состоянии разложить на (а) образ окна, (в) образ камина, (с) отношение, при котором (а) находится слева от (в). Объективный коррелят состоит из окна и камина с тем же самым отношением между ними. В таком случае объективный коррелят пропозиции состоит из значений его конституентных образов, находящихся (или, что тоже может быть, не находящихся) в том же самом отношении, как и то, что имеет место между конституентными образами в пропозиции. Когда объективный коррелят заключает то же самое отношение, пропозиция является истинной; когда объективный коррелят не заключает того же самого отношения, пропозиция является ложной. В соответствии с тем, что говорилось об отрицательных фактах в разделе I, всегда существует тот или другой из этих двух возможных объективных коррелятов, а стало быть, пропозиция всегда является либо истинной, либо ложной.

Но такая идиллическая простота корреспонденции бывает редко. Она отсутствует уже в словесных пропозициях, которые обозначают такие простые визуальные образные пропозиции. В фразе 'А находится слева от В', даже если мы трактуем 'находится-слева-от' как одно слово, у нас есть факт, состоящий из *трёх* членов с *трехместным* отношением, а не два члена с *двухместным* отношением. Лингвистический символ для отношения сам не является отношением, но является таким же прочным членом, как и другие слова предложения. Можно сконструировать язык так, что последнее не всегда будет иметь место; несколько особо важных отношений могут символизироваться отношением между словами. Например, 'AB' может подразумевать 'А находится слева от В'. Можно практиковать и то, что произнесение А на высоких нотах, а В - на низких, будет подразумевать, что А начальствует над В. Но практические возможности данного метода символизации отношений, очевидно, весьма ограничены, и в действительном языке отношения символизируются словами (главным образом глаголами и предлогами) или частями слов (флексиями)¹. Следовательно, лингвистическое высказывание факта более комплексный факт, чем тот, который оно утверждает, и соответствие словесных пропози-

¹ Это не совсем верно для очень примитивных языков. Но они так нечётки и двусмысленны, что часто о них нельзя сказать, обладают ли они каким-либо способом выражения одного отношения, а не некоторого количества других отношений, что равным образом может подразумеваться используемой фразой.

ций своему объективному корреляту никогда не является столь простым, как простейшее соответствие в случае образных пропозиций.

И снова, случай с отрицательными фактами и отрицательными пропозициями полон сложностей. Пропозиции, образные ли, словесные ли, сами всегда являются *положительными* фактами. В случае словесных пропозиций имеются различные положительные факты (фразы), из которых одна является истинной, когда объективный коррелят положителен, другая - когда он отрицателен; фразы 'А любит В' и 'А не любит В' сами обе являются положительными фактами. Мы не можем символизировать утверждение, что А не любит В, просто имея слова 'А' и 'В' без слова 'любит' между ними, поскольку мы не в состоянии практически различить факт, что слово 'любит' не встречается между ними, от факта, что, например, слово 'ненавидит' не встречается между ними. Слова и фразы, предназначенные для коммуникации, должны быть чувственно воспринимаемы, а чувственное восприятие факта всегда является положительным. Таким образом, не существует тождества между различием положительных и отрицательных фактов и различием положительных и отрицательных словесных пропозиций; последние - и то и другое - сами являются положительными фактами, хотя и различаются отсутствием или наличием слова 'не'.

В случае образных пропозиций вновь утрачивается параллелизм с отрицательными фактами, но иного рода. Образные пропозиции не только всегда являются положительными, но даже не существует двух видов положительных образных пропозиций, как это имеет место со словесными пропозициями. 'Не' отсутствует в образных пропозициях; 'не' относится к чувству, а не к содержанию пропозиции. Можно быть убеждённым, или нет, в образной пропозиции; это различное чувство в отношении одинакового содержания, а не одинаковое чувство в отношении различных содержаний. Способ визуализации 'А-не-находится-слева-от-В' отсутствует. Рассматривая последнюю пропозицию, мы находим себя визуализирующими 'А-находится-справа-от-В' или нечто подобное. Это одна из сильных причин нежелания принять отрицательные факты.

Таким образом, в отношении оппозиции положительного и отрицательного мы имеем следующие различные типы двойственности:

- (1) Положительные и отрицательные факты.
- (2) Образные пропозиции, в которых можно быть убеждённым или нет, но которые не допускают какой-либо двойственности

содержания, соответствующего положительным и отрицательным фактам.

(3) Словесные пропозиции, которые всегда являются положительными фактами, но которые распадаются на два вида: один верифицируется положительным объективным коррелятом, другой - негативным объективным коррелятом.

Таким образом, простейшие виды параллелизма между пропозицией и фактом должны рассматриваться только в случае позитивных фактов и пропозиций. Там, где факт является негативным, соответствие необходимо становится более сложным. Отчасти ошибка в осознании утраты параллелизма между отрицательными фактами и отрицательными словесными пропозициями суть то, что сделало корректную теорию отрицательных фактов такой трудной для того, чтобы её открыть или чтобы в неё поверить.

Вернёмся теперь к положительным фактам и убеждениям в разных пропозициях. В случае пространственных отношений мы обнаружили, что для отношений конституентных образов возможно быть одинаковыми с отношениями конституент объективного коррелята. В моей визуализации того, что *A* находится слева от *B*, мой образ *A* находится слева от моего образа *B*. Встречается ли тождество отношения, такое как между образной пропозицией и его объективным коррелятом, где-то кроме случая пространственных отношений?

Случай, который естественно рассмотреть следующим, - это случай с временными отношениями. Предположим, я убеждён, что *A* предшествует *B*. Может ли это убеждение иметь в качестве своего содержания образ *A*, предшествующий образу *B*? На первый взгляд, большинство людей без колебаний отвергнут такую гипотезу. Мы так часто говорили, что идея последовательности не является последовательностью идей, что почти автоматически считаем понимание последовательности чем-то таким, в чём более ранние и более поздние части последовательности должны присутствовать одновременно. По-видимому, стремление изменить эту точку зрения в общем рассматривается как несомненное, и тем не менее я не могу сопротивляться серьёзным сомнениям в его истинности. Конечно, факт в том, что мы часто обладаем последовательностью образов без убеждённости в том, что их прототипы имеют тот же самый временной порядок. Но это ничего не доказывает, поскольку в любом случае убеждение является чем-то таким, что должно быть добавлено к образной пропозиции. Очевидно ли то, что мы не можем обладать образом *A*, за который следует образ *B* и переходить к убеждению в этой последовательности? И не может ли это

быть убеждением в том, что *A* предшествует *B*? Я не вижу причины, почему бы этому не иметь место. Когда, например, я воображаю человека, высказывающего предложение, или когда в связи с этим я действительно слышу, что он его высказывает, по-видимому, как вопрос эмпирического факта, отсутствует какой-либо момент, в который всё предложение представлено воображению или чувству, и однако, чем бы ни было обычное значение фразы, я могу 'понять предложение как целое'. Я слышу слова упорядоченно, но никогда не слышу всё предложение сразу; однако я понимаю предложение в целом в том смысле, что оно оказывает на меня направленное действие, каким бы оно ни было. Вы подходите ко мне и говорите: 'Ваша крыша обвалилась, и дождь протекает прямо в комнату, разрушая всю вашу обстановку'. Я понимаю то, что вы говорите, поскольку выражаю ужас, звоню владельцу дома, пишу в страховую компанию, и вереница фургонов вывозит мои вещи. Однако из этого ни в коей мере не следует, что всё предложение было имажинативно представлено мне в какой-то один момент. Моё убеждение в вашем высказывании является каузальным единством и, по предположению, представляет собой единое событие. Но в ментальных делах каузальное единство вполне может быть несколькими событиями в различные моменты времени. Последнее является частью точки зрения Бергсона* на повторяемость; оно также предполагается законом привычки. Оно вполне может быть преобразовано в одно из фундаментальных различий между физикой и психологией. Таким образом, нет хорошей причины тому, чтобы, когда мы убеждены в последовательности, существовал бы какой-то один момент, в рамках которого существует всё содержание убеждения. Убеждение в последовательности само вполне может быть последовательностью. Если это так, временные отношения, как и пространственные, допускают простейший тип соответствия, при котором отношение в образной пропозиции совпадает с отношением в объективном корреляте. Но я только хочу предложить эту точку зрения как возможную; я не чувствую себя готовым сказать с какой-либо уверенностью, что фактически это истинно.

Соответствие пропозиции и факта неизмеримо усложняется, когда мы переходим к более сложным типам пропозиций: пропозициям о существовании, общим пропозициям, дизъюнктивным и гипотетическим пропозициям и т.д. Эта тема важна и способна, я уверен, пролить много нового света на логику; но я не буду продолжать её здесь.

Общую природу формального соответствия, создающего истинность или ложность, можно видеть из простейшего случая: случая

двухместного отношения, которое одинаково в факте и в образной пропозиции. У вас есть образ *A*, находящийся слева от вашего образа *B*; последнее обстоятельство является образной пропозицией. Если *A* находится слева от *B*, пропозиция является истинной; если *A* не находится слева от *B*, она является ложной. Фраза '*A* находится слева от *B*' обозначает образную пропозицию и является истинной, когда последняя истинна, и ложной, когда последняя ложна; с другой стороны, фраза '*A* не находится слева от *B*' является истинной, когда образная пропозиция является ложной, и ложной, когда последняя истинна. Таким образом, для простейшего случая мы получили формальное определение истинности и ложности как для образных пропозиций, так и для словесных пропозиций. Легко видеть, что тот же самый вид определения может быть распространён на более сложные случаи.

Заметим, что истинность и ложность в их формальном смысле первично являются свойствами пропозиций, а не убеждений. Производно мы называем убеждение истинным, когда оно представляет собой убеждение в истинной пропозиции, а неверие называем истинным, когда оно относится к ложной пропозиции; но *первично* формальные значения 'истинности' и 'ложности' приложимы к пропозициям.

Но когда мы переходим к тому, что придаёт важное значение истинности и ложности в противоположность тому, что конституирует их формальное определение, важны убеждения, а не пропозиции. Убеждения влияют на действия и, я говорю, влияние истинных убеждений приятны более, чем влияния ложных убеждений. Попытка *определить* истину таким способом кажется мне ошибочной. Но поскольку мы ограничиваемся формальным определением истины, затруднительно видеть, почему этим способом интересуются. Поэтому важно помнить о связи убеждения с действием. Но я не думаю, что приятные влияния убеждения сами по себе являются удовлетворительной его верификацией, или что эта верификация может быть использована для *определения* истины. Существуют, например, истинные пропозиции о прошлых состояниях дел, которые не могут быть верифицированы. Формальное определение истины посредством соответствия пропозиции и её объективного коррелята, по-видимому, единственно теоретически адекватно. Дальнейшее исследование, независимо от того, если наше определение корректно, есть ли что-нибудь такое, что может стать известным, я не могу теперь предпринимать; но если результат такого исследования будет неблагоприятным, я не рассматривал бы его как предоставляющий какое-либо теоретическое возражение на предложенное определение.

ЛОГИЧЕСКИЙ АТОМИЗМ (1924)

Философия, которую я защищаю, в общем рассматривается как разновидность реализма и обвиняется в непоследовательности из-за собственных оснований, которые, по-видимому, противоречат данной доктрине. С моей стороны, я не рассматриваю коллизию между реалистами и их оппонентами как фундаментальную; я могу изменить свою точку зрения на эту коллизию, не изменяя своего мнения относительно любой из доктрин, на которую желал бы обратить особое внимание. Я придерживаюсь того, что логика фундаментальна для философии, и что школы характеризуются скорее своей логикой, а не своей метафизикой. Моя собственная логика является атомистичной, и это тот аспект, на котором я хотел бы сделать ударение. Поэтому я предпочитаю описывать свою философию как 'логический атомизм', а не как 'реализм', независимо от того, предшествует ли данному слову какое-то прилагательное или же нет.

В качестве предисловия полезными могут быть несколько слов относительно исторического развития. Я пришёл в философию через математику, или скорее через желание найти некоторую причину убеждённости в истинности математики. С ранней юности я горячо желал убедиться в том, что может существовать такая вещь, как познание, сочетающаяся со значительными затруднениями в допущении много из того, что проходит как познание. По-видимому, ясно, что лучший шанс обнаружить несомненную истину заключался бы в чистой математике, однако некоторые из аксиом Евклида были очевидно сомнительными, и исчисление бесконечно малых, когда я его изучал, содержало массу софизмов, которые я не мог обойти вниманием как что-то другое. Я не видел причины сомневаться в истинности арифметики, но я не знал тогда, что можно сделать так, чтобы арифметика включала всю традиционную чистую математику. В восемнадцатилетнем возрасте я прочитал *Логику* Милля*, но был глубоко неудовлетворён его соображениями в пользу принятия арифметики и геометрии. Я не читал Юма, но мне казалось, что чистый эмпиризм (который я отказывался принять) должен вести к скептицизму, а не к подтверждению, как у Милля, общепризнанных научных доктрин. В Кембридже я читал Канта и Гегеля, а также *Логику* м-ра Брэдли, которая глубоко на меня повлияла. В течение нескольких лет я был учеником м-ра Брэдли, но около 1898 года я изменил свои взгляды, по большей части в результате споров с Дж.Э.Муром. Больше я не мог быть уверенным в том, что знание создаёт какие-то различия в

познаваемом. Также я обнаружил, что смещаюсь в сторону плюрализма. Анализ математических пропозиций убедил меня в том, что они не могут быть объяснены даже как отчасти истинные, если не допускать плюрализм и действительность отношений. В это время случай привёл меня к изучению Лейбница, и я пришёл к заключению (в последующем подтверждённому мастерскими исследованиями Кутюра*), что значительная часть большинства его характерных мнений обусловлена чисто логической доктриной о том, что каждая пропозиция имеет субъект и предикат. Эту доктрину Лейбниц разделяет со Спинозой, Гегелем и м-ром Брэдли; мне кажется, что если её отвергнуть, всё основание метафизики всех этих философов разрушится. Поэтому я вернулся к проблеме, которая первоначально привела меня в философию, а именно, к основаниям математики и применению к ним новой логики, в основном производной от Пеано* и Фреге*, доказательства которой (по крайней мере, так я думаю) гораздо более продуктивны, чем доказательства традиционной философии.

Прежде всего я обнаружил, что многие из запасённых философских аргументов, касающихся математики (в основном производных от Канта), стали между тем недействительными в результате прогресса в математике. Неэвклидова геометрия подорвала аргумент трансцендентальной эстетики. Вейерштрасс* показал, что дифференциальное и интегральное исчисление не требуют понятия бесконечно малого, и что, стало быть, всё, сказанное философами на такую тему, как непрерывность пространства, времени и движения, должно рассматриваться как явная ошибка. Кантор освободил понятие бесконечного числа от противоречия, и, таким образом, разрушил антиномии Канта, а также многое у Гегеля. Наконец, Фреге в деталях показал, каким образом арифметика может быть выведена из чистой логики без необходимости в каких-либо свежих идеях или аксиомах; последнее разрушило утверждение Канта о том, что ' $7 + 5 = 12$ ' является синтетическим выражением - по крайней мере в его очевидной интерпретации. Когда все эти результаты были получены, не с помощью какого-то героического метода, но с помощью терпеливого детального размышления, я стал думать о вероятности того, что философия заблуждается, адаптируя героические средства для интеллектуальных затруднений, и что решения должны быть найдены просто большей заботой и аккуратностью. Этой точки зрения с течением времени я стремился придерживаться всё более и более строго, и она привела меня к сомнениям, является ли философия, как исследование, отличное от науки и предполагающее свои собственные методы, чем-то большим, чем неудачным наследием теологии.

Работа Фреге не была окончательной, прежде всего, потому, что она применялась только к арифметике, и не применялась к другим отраслям математики; во-вторых, потому что его предпосылки не исключали определённых противоречий, которым оказывались подвержены все прежние системы формальной логики. Д-р Уайтхед и я, в соавторстве, попытались исправить эти два дефекта в *Principia Mathematica*, которая, однако, всё ещё не достигает конца в некоторых фундаментальных пунктах (особенно в аксиоме сводимости). Но несмотря на её недостатки, я думаю, никто из читавших эту книгу не будет оспаривать её главное утверждение, а именно, что из определённых идей и аксиом формальной логики с помощью логики отношений можно вывести всю чистую математику без каких-либо новых неопределённых идей или недоказанных пропозиций. Технические методы математической логики, развитые в этой книге, кажутся мне очень сильными и способными обеспечить новый инструментарий для обсуждения многих проблем, которые до сих пор оставались подчинёнными философской нечёткости. *Понятие природы и Принципы Естественного познания* д-ра Уайтхеда*, могут служить иллюстрацией того, что я имею в виду.

Когда чистая математика организуется как дедуктивная система - т.е. как множество всех тех пропозиций, которые могут быть выведены из определённого множества предпосылок, - становится очевидным, что если мы убеждены в истинности чистой математики, последнее не может быть только в результате того, что мы убеждены в множестве предпосылок. Некоторые из предпосылок много менее очевидны, чем некоторые из их следствий. Последнее обнаруживается всегда, когда наука упорядочивается как дедуктивная система. Логически простейшие пропозиции системы не являются наиболее очевидными и не обосновывают главной части наших причин уверенности в системе. В случае эмпирических наук это очевидно. Электродинамика, например, может быть сконцентрирована в уравнениях Максвелла, но в этих уравнениях уверены из-за наблюдаемой истинности некоторых из их логических следствий. В точности то же самое происходит в чистой области логики; логически первые принципы логики - по крайней мере некоторые из них - должны приниматься на веру, не сами по себе, но из-за своих следствий. Эпистемологический вопрос: 'Почему я убеждён в данном множестве пропозиций?', совершенно отличен от логического вопроса: 'Что представляет собой наименьшая и логически наипростейшая группа пропозиций, из которой может быть выведена данная группа пропозиций?'. Причины нашей уверенности в логике и чистой математике, отчасти, только индуктивны и

вероятны, несмотря на тот факт, что в своём логическом порядке пропозиции логики и чистой математики следуют из предпосылок логики посредством чистой дедукции. Я считаю этот пункт важным, поскольку ошибки склонны вырастать из уподобления логического порядка эпистемологическому, а также и наоборот, из уподобления эпистемологического порядка логическому. Единственный способ, которым работы по математической логике проливают свет на истинность или ложность математики, заключается в опровержении предполагаемых антиномий. Последнее показывает, что математика *может* быть истинной. Но демонстрация того, что математика *является* истинной, требует других методов и других рассмотрений.

Одна очень важная эвристическая максима, которую д-р Уайтхед и я на опыте обнаружили применимой в математической логике и с тех пор применяли в других областях, представляет собой форму бритвы Оккама. Когда некоторое множество предполагаемых сущностей обладает чёткими логическими свойствами, оказывается, на большом количестве примеров, что предполагаемые сущности могут быть заменены чисто логическими структурами, составленными из сущностей, не обладающими такими чёткими свойствами. В этом случае, при интерпретации остова пропозиций, в которых прежде уверились как в пропозициях о предполагаемых сущностях, мы можем заменить логические структуры без изменения какой-либо детали остова рассматриваемых пропозиций. Последнее является экономией, поскольку сущности с чёткими логическими свойствами всегда выводные, и если пропозиции, в которых они встречаются, могут быть интерпретированы без осуществления этого вывода, теряется основание для вывода, и наш остов пропозиции защищён от необходимости в сомнительном шаге. Принцип может быть установлен в форме: 'Везде, где только возможно, заменяй конструкции из известных для вывода сущностей на неизвестные сущности'.

Использования данного принципа очень различны, но не понятны в деталях тем, кто не знаком с математической логикой. Первый пример, к которому я перейду, - это то, что я назвал 'принципом абстракции' или 'принципом обходиться без абстракций'¹. Данный принцип применим в случае любого симметричного и транзитивного отношения, такого как равенство. Мы склоняемся к заключению, что такие отношения вырастают из предположения некоторого общего качества. Последнее может быть истинным или же нет; вероятно, это может быть истинным в одних случаях, но не

¹ External World, стр. 42.

истинным в других. Но все формальные назначения общего качества могут быть сохранены элементами группы членов, имеющих рассматриваемое отношение к данному члену. Возьмём, например, величину. Предположим, что у нас есть группа стержней, и все они одинаковой длины. Легко предположить, что существует определённое качество, называемое их длиной, которое все они разделяют. Но все пропозиции, в которых встречается это предполагаемое качество, будут сохранять своё истинностное значение неизменным, если вместо 'длина стержня x ' мы возьмём 'элемент группы всех тех стержней, которые обладают длиной такой же, как у x '. В других специальных случаях - например, при определении действительных чисел - возможны более простые конструкции.

Весьма важным примером данного принципа является фрегеанское определение кардинального числа данного множества членов как класса всех множеств, 'подобных' данному множеству, - где два множества являются 'подобными', когда существует одно-однозначное отношение, чьей областью является одно множество и чьей обратной областью является другое множество. Таким образом, кардинальное число есть класс всех тех классов, которые подобны данному классу. Это определение оставляет неизменным истинностное значение всех пропозиций, в которые входят кардинальные числа, и избегает отсылки к множеству сущностей, называемых 'кардинальными числами', которые не требуются нигде, кроме как с целью сделать арифметику понятной, а теперь более нет нужды и в этой цели.

Вероятно, даже более важным является тот факт, что с помощью сходных методов можно обойтись без классов. Математика полна пропозиций, которые, по-видимому, требуют, чтобы класс или агрегат был бы в некотором смысле единой сущностью - например, пропозиция 'число комбинаций n предметов любое количество раз равно 2^n '. Поскольку 2^n всегда больше, чем n , эта пропозиция приводит к затруднениям, если допускаются классы, поскольку число классов сущностей в универсуме больше, чем число сущностей в универсуме, что было бы странно, если бы классы были некоторыми из сущностей. К счастью, все пропозиции, в которых, как кажется, упоминаются классы, могут быть интерпретированы без допущения, что существуют классы. Это, возможно, наиболее важные приложения нашего принципа. (См. *Principia Mathematica*, *20.)

Другой важный пример связан с тем, что я называю 'определёнными дескрипциями', т.е. с такими фразами, как 'чётное и простое' ['the even prime'], 'нынешний король Англии' ['the present King of England'], 'нынешний король Франции' ['the present King of France']. Затруднения всегда возникали при интерпретации та-

ких пропозиций, как 'Нынешний король Франции не существует'. Затруднение вырастает из предположения, что 'нынешний король Франции' является субъектом данной пропозиции, что приводило к необходимости предположить, что он обладает подобием существования, хотя он и не существует. Но затруднительно приписать даже подобие существования 'круглому квадрату' или 'чётному и простому, которое больше чем 2'. Фактически 'круглый квадрат не существует' истинно в той же степени, как и 'нынешний король Франции не существует'. Таким образом, различие между существованием и подобием существования нам не поможет. Факт в том, что когда слова 'определённый такой-то и такой-то' ['the so-and-so'] входит в пропозицию, отсутствует соответствующая единственная конституента пропозиции, и когда пропозиция вполне проанализирована, слова 'определённый такой-то и такой-то' исчезают. Важное следствие теории дескрипций заключается в том, что бессмысленно сказать: 'А существует', если 'А' не является (или не обозначает) фразу формы 'определённый такой-то и такой-то'. Если определённый такой-то и такой-то существует, и x есть такой-то и такой-то, сказать: ' x существует' бессмысленно. Существование в том смысле, в котором оно приписывается единичным сущностям, таким образом удаляется из списка категорий. Обнаруживается, что онтологический аргумент и большинство его опровержений зависят от плохой грамматики. (См. *Principia Mathematica*, *14.)

Существует множество других примеров подстановки конструкций вместо выводов в чистой математике, например, ряды, ординальные числа и действительные числа. Но я перейду к примерам из физики.

Очевидными примерами являются точки и моменты времени. Д-р Уайтхед показал, как сконструировать их из множества событий, каждое из которых имеет конечную протяжённость и конечную длительность. В теории относительности отсутствуют точки или моменты времени, в которых мы первоначально нуждались, но имеются события-частицы [event-particles], которые в старом языке соответствуют тому, что может быть описано как точка в момент времени или моментальная точка. (Прежде, точка пространства длилась на протяжении всего времени, а момент времени охватывал всё пространство. Сейчас требуемое математической физикой единство не имеет ни пространственного, ни временного протяжения.) События-частицы конструируются посредством того же самого логического процесса, посредством которого конструировались точки и моменты. В таких конструкциях мы, однако, находимся в плоскости, отличной от конструкций в чистой математике. Возможность конструирования события-частицы зависит от существо-

вания множества событий с определёнными свойствами; существуют ли требуемые события, может быть известно только эмпирически, если вообще может. Следовательно, *a priori* отсутствует причина предполагать непрерывность (в математическом смысле) или чувствовать уверенность, что могут быть сконструированы события-частицы. Если квантовая теория, как кажется, требует дискретного пространства-времени, наша логика точно так же готова встретить её требования, как готова встретить требования традиционной физики, которая нуждается в непрерывности. Вопрос является чисто эмпирическим и наша логика (как это и должно быть) равным образом адаптируется к любой альтернативе.

Сходные рассуждения применимы к частицам материи или к кусочкам материи конечного размера. Материя традиционно обладает двумя из тех 'чётких' свойств, которые отмечают логическую конструкцию; во-первых, два кусочка материи не могут находиться в одном и том же месте в одно и то же время; во-вторых, один и тот же кусочек материи не может находиться в двух местах одновременно. Опыт подстановки конструкций вместо выводов делает подозрительность ко всему такой аккуратной и точной. Никто не сможет поспособствовать чувству, что непроницаемость не является эмпирическим фактом, выведенным из наблюдения за бильярдными шарами, но является логически необходимой. Это чувство всецело оправдано, но это не было бы так, если бы материя не была логической конструкцией. Огромное число обстоятельств сосуществуют в любом малом регионе пространства-времени; когда мы говорим о том, что не является логической конструкцией, мы не находим такого свойства, как непроницаемость, но наоборот, обнаруживаем бесконечное перекрывание событий в части пространства-времени, каким бы малым она не была. Причина непроницаемости материи заключается в том, что такой её делают наши определения. Грубо говоря, просто для того, чтобы дать понятие о том, как это происходит, мы можем сказать, что кусочек материи есть всё то, что происходит в определённом месте пространства-времени, и что мы конструируем это место, обозначая кусочки материи таким способом, чтобы они не пересекались. Материя непроницаема потому что, если мы создадим наши конструкции так, чтобы сохранить непроницаемость, установить физические законы легче. Непроницаемость - это логически необходимый результат определения, хотя тот факт, что такое определение удобно, является эмпирическим. Кусочки материи не находятся среди кирпичиков, из которых построен мир. Кирпичики суть события, а кусочки материи - это часть структуры, для которой мы находим удобным уделить отдельное внимание.

В философии ментальных событий также есть некоторые возможности применения нашего принципа конструкций *versus** выводов. Как субъект, так и познавательные отношения к тому, что познаётся, имеют то схематическое качество, которое вызывает наши подозрения. Ясно, что субъект, если он вообще должен быть сохранён, должен быть сохранён как конструкция, а не как выводимая сущность; единственный вопрос заключается в том, достаточно ли полезен субъект для осмысленного конструирования. Познавательное отношение к тому, что познаётся, снова не может быть непосредственным, единственным и окончательным, как одно время считали. Хотя я и не согласен с прагматизмом, я думаю, Уильям Джеймс был прав, уделяя внимание комплексности 'познания'. В кратком очерке, таком, как этот, невозможно выдвинуть причин такой точки зрения. Но тот, кто понял наш принцип, согласится с тем, что *prima facie* здесь есть повод для его применения. Большая часть моей книги *Анализ сознания** состоит в применении данного принципа. Но так как психология научно много менее совершенна, чем физика, возможности применения этого принципа не столь хороши. При использовании принцип зависит от существования некоторого достаточно надёжного остова пропозиций, который должен интерпретироваться логиками таким способом, чтобы предохранить их истинность при минимизации элементов вывода до ненаблюдаемых сущностей. Стало быть, принцип предполагает довольно продвинутую науку, в отсутствие которой логик не знает, что он должен конструировать. До недавнего времени казалось необходимым конструировать геометрические точки; сегодня требуются события-частицы. С точки зрения изменения в таком продвинутом предмете, как физика, ясно, что конструкции в психологии должны быть чисто условными.

До сих пор я говорил о том, что не необходимо предполагать как часть окончательных конститuent мира. Но логические конструкции, подобно всем другим конструкциям, требуют материала, и как раз наступило время обратиться к позитивному вопросу относительно того, чем должен быть этот материал. Этот вопрос, однако, требует предварительного обсуждения логики и языка и их отношения к тому, что они пытаются репрезентировать.

Я думаю, влияние языка на философию было глубоким и почти неосознанным. Если мы не хотим, чтобы это влияние ввело нас в заблуждение, необходимо его осознать и обдуманно спросить себя насколько оно законно. Субъектно-предикатная логика с субстанциально-атрибутивной метафизикой как раз предоставляют интересующий нас случай. Сомнительно, чтобы последние были изобретены и людьми, говорящими на неарийском языке; по-

видимому, они определённо не возникли в Китае, кроме как в связи с буддизмом, который принёс туда индийскую философию. И вновь, естественно, рассмотреть другой тип примера, предполагая, что собственное имя, которое может осмысленно использоваться, обозначает единичную сущность; мы предполагаем, что существует определённое, более или менее постоянное сущее, называемое 'Сократ', поскольку одно и то же имя приложимо к последовательности обстоятельств, которые мы вынуждены рассматривать как явление одного и того же сущего. Когда язык становится более абстрактным, в философию входит новое множество сущностей, а именно, сущности, репрезентируемые абстрактными словами, - универсалии. Я не хочу утверждать, что существуют универсалии, но определённо существует много абстрактных слов, которые обозначают единичную универсалию, - например, треугольность или рациональность. Язык вводит нас в заблуждение как в отношении своего словаря, так и в отношении своего синтаксиса. Если наша логика не должна вести к ложной метафизике, мы должны принимать меры предосторожности в обоих отношениях.

Синтаксис и словарь различным образом воздействовали на философию. Словарь больше всего влияет на здравый смысл. И наоборот, можно утверждать, что здравый смысл создаёт наш словарь. Последнее только отчасти истинно. Первоначально слова применяются к вещам, которые более или менее подобны без какой-либо рефлексии относительно того, имеют ли они какое-нибудь основание тождества. Но когда однажды в использовании зафиксированы объекты, к которым применимо слово, на здравый смысл оказывает влияние существование слова и тенденция предполагать, что одно слово должно обозначать один объект, который будет универсалией в случае прилагательного или абстрактного слова. Таким образом, влияние словаря нацеливает на разновидность платоновской множественности вещей и идей.

Влияние синтаксиса в случае индоевропейских языков совершенно иное. Практически любая пропозиция может быть представлена в форме, в которой она обладает субъектом и предикатом, объединёнными связкой. Естественно заключить, что каждый факт имеет соответствующую форму и состоит в том, что субстанция обладает качеством. Разумеется, это ведёт к монизму, поскольку факт существования нескольких субстанций (если бы это был факт) не имел бы требуемой формы. Сами философы, как правило, убеждены, что свободны от подобного типа влияния лингвистических форм, но большинство из них, как мне представляется, ошибаются в этом убеждении. При размышлении об абстрактных предметах тот факт, что слова для абстракций не более абстрактны, чем

обычные слова, всегда делает легче мысль о словах, чем о том, что они обозначают, и постоянно противиться соблазну мыслить о словах почти невозможно.

Те, кто не становится жертвой субъектно-предикатной логики, имеют тенденцию к тому, чтобы сделать на один шаг дальше, и допускают отношения с двумя членами, такие как раньше-и-позже, больше-и-меньше, право-и-лево. Язык пригоден к такому расширению субъектно-предикатной логики, поскольку мы говорим: 'А предшествует В', 'А превосходит В' и т.п. Легко доказать, что факт, выраженный пропозицией такого сорта, не может состоять в том, что субстанция обладает качеством, или в том, что две или более субстанций обладают двумя или более качествами. (См.: *Основания математики*, § 214.) Стало быть, расширение субъектно-предикатной логики в данном случае оправдано, но, очевидно, дальнейшее расширение может быть доказано с необходимостью с помощью точно таких же аргументов. Сколь далеко необходимо продолжить ряд трёхчленных, четырёхчленных, пятичленных . . . отношений, я не знаю. Но определённо необходимо идти дальше двучленных отношений. В проективной геометрии, например, порядок точек на линии или плоскостей, пересекающих линию, требует четырёхместного отношения.

Самое неудачное воздействие особенностей языка связано с прилагательными и отношениями. Все слова относятся к одинаковому логическому типу; слово является классом рядов шумов или очертаний соответственно тому, слышатся они или читаются. Но значения слов дифференцируются на различные типы; атрибут (выраженный прилагательным) относится к типу, отличному от типа объекта, к которому он может быть (истинно либо ложно) приписан; отношение (выраженное, возможно, предлогом, возможно, переходным глаголом, возможно, некоторым другим способом) относится к типу, отличному от типа членов, между которыми оно имеет или не имеет место. Определение логического типа является следующим: *A* и *B* относятся к одному и тому же логическому типу, если и только если задан какой-то факт, конститuentой которого является *A*, существует соответствующий факт, конститuentой которого является *B*, и последний либо является результатом подстановки *B* вместо *A*, либо отрицанием того, что таким образом получилось. Рассмотрим иллюстрацию: Сократ и Аристотель относятся к одному и тому же типу, поскольку и 'Сократ был философом', и 'Аристотель был философом' - факты; Сократ и Калигула относятся к одному и тому же типу, поскольку и 'Сократ был философом', и 'Калигула не был философом' - факты. Любить и убить относятся к одному и тому же типу, поскольку и

‘Платон любил Сократа’, и ‘Платон не убивал Сократа’ - факты. Из определения формально следует, что когда два слова обладают значениями различных типов, отношение слов к тому, что они обозначают, по типу различны; другими словами, не существует одного отношения обозначения между словами и тем, что они обозначают, но есть столь много отношений обозначения, каждое из которых различного логического типа, сколько существует логических типов среди объектов, для которых имеются слова. Этот факт является очень мощным источником ошибок и смешений в философии. В частности, он делает в высшей степени затруднительным выразить в словах какую-либо теорию отношений, которая логически способна быть истинной, поскольку язык не в состоянии сохранить различие в типе между отношением и его членами. Большинство из аргументов за и против реальности отношений испорчены из-за этого источника смешения.

Здесь я предлагаю на некоторое время отвлечься и рассказать, по возможности кратко, что думаю об отношениях. В прошлом моя собственная точка зрения на предмет отношений была менее ясной, чем я считал, но она ни в коей мере не совпадала с тем, что предполагали о ней мои критики. Из-за отсутствия ясности в моих собственных мыслях я был не в состоянии передать то, что подразумевал. Предмет отношений труден, я и теперь далёк от утверждения, что прояснил его. Но, я думаю, определённые вопросы стали мне ясными. Во время написания *Оснований математики*, я ещё не видел необходимости в логических типах. Учение о типах глубоко затрагивает логику и, я думаю, показывает, что оно является обоснованным элементом в аргументах тех, кто возражает против ‘внешних’ отношений. Но из-за силы их главной позиции, учение о типах, наоборот, ведёт к более полному и радикальному атомизму, чем тот, что я рассматривал в качестве возможного двадцать лет назад. Вопрос об отношениях один из наиболее важных, что возникают в философии, поскольку его включает большинство других вопросов: монизм и плюрализм (вопрос о том, является ли вообще что-либо истинным, кроме истины как целого, или вообще реальным, кроме реальности как целого), идеализм и реализм, в некоторых из присущих им форм; вероятно, от него зависит и само существование философии как предмета, отличного от науки и предполагающего свои собственные методы. Прояснению того, что я подразумеваю, послужит пассаж из книги м-ра Брэдли *Исследования об истине и реальности**, который я беру не в целях спора, но поскольку он поднимает в точности те вопросы, которые должны быть подняты. Но прежде всего я попытаюсь

установить свою собственную точку зрения, не вдаваясь в дискуссию¹.

Определённые противоречия - из которых самым простым и самым старым является противоречие критянина Эпименида, сказавшего, что все критяне лжецы, и которое может быть сведено к человеку, говорящему: 'Я лгу' - убедили меня после пяти лет, посвящённых в основном одному этому вопросу, что решение технически невозможно без доктрины типов. В своей технической форме эта доктрина устанавливает просто то, что слово или символ могут образовывать часть осмысленной пропозиции, и в этом смысле иметь значение, не становясь причиной бессмыслицы, без того чтобы их всегда можно было подставить на место другого слова или символа в ту же самую или другую пропозицию. Установленная таким способом, эта доктрина может показаться трюизмом. Выражение 'Брут убил Цезаря' осмысленно, но выражение 'Убил убил Цезаря' - бессмыслица, так что мы не можем заменить 'Брут' на 'убил', хотя оба слова имеют значение. Это явно соответствует здравому смыслу, но, к сожалению, почти вся философия заключается в попытке забыть его. Например, следующие слова по самой своей сути грешат против этого: атрибут, отношение, комплекс, факт, истина, ложь, не, лжец, всезнание. Чтобы придать значение этим словам, мы должны сделать обходной маневр с помощью слов или символов и различных способов, которыми они могут обозначать; и даже тогда мы обычно приходим не к одному значению, но к бесконечному ряду различных значений. Все слова, как мы видели, относятся к одному и тому же логическому типу; следовательно, когда значения двух слов относятся к различным типам, отношения двух слов к тому, что они обозначают, также относятся к различным типам. Слова для атрибутов и слова для отношений относятся к одному и тому же типу, следовательно, мы можем осмысленно сказать: 'Слова для атрибутов и слова для отношений имеют различное использование'. Но мы не можем осмысленно сказать: 'Атрибуты не являются отношениями'. Согласно нашему определению типов, поскольку отношения являются отношениями, форма слов 'Атрибуты являются отношениями' будет не ложной, но бессмысленной, и форма слов 'Атрибуты не являются отношениями' должна быть сходным образом не истинной, но бессмысленной. Однако высказывание 'Слова для атрибутов не

¹ В этом вопросе я во многом обязан моему другу Виттенштейну. Смотри его *Tractatus Logico-Philosophicus*, Kegan Paul, 1922. Я не принимаю всех его доктрин, но то, чем я ему обязан, будет очевидно тем, кто читал его книгу.

являются словами для отношений' является осмысленным и истинным.

Теперь мы можем заняться вопросом о внутренних и внешних отношениях, помня, что обычная формулировка с обеих сторон не совместима с учением о типах. Я начну с попыток установить доктрину внешних отношений. Бесполезно говорить: 'Члены независимы от своих отношений', поскольку 'независимы' - это слово, которое ничего не обозначает. О двух событиях можно говорить как о причинно независимых, когда каузальная цепь не ведёт от одного к другому; последнее случается в специальной теории относительности, когда разделение между событиями пространственноподобно. Очевидно, этот смысл 'независимости' не подходит. Если, сказав: 'Члены независимы от своих отношений', мы подразумеваем: 'Два члена, имеющих данное отношение, были бы одинаковыми, если бы они его не имели', это очевидно ложно; поскольку, будучи тем, что они есть, они обладают отношением, и стало быть, всё то, что не обладает этим отношением, является другим. Если мы имеем в виду - как нам предлагают противники внешних отношений - что отношение является третьим членом, который входит между двумя другими членами и каким-то образом застёгивает их, это очевидно абсурдно, ибо в этом случае отношение перестаёт быть отношением, а то, что на самом деле относительно, - это пристёгивание отношения к членам. Понятие отношения как третьего члена, находящегося между двумя другими, грешит против учения о типах и его должно сторониться с предельной заботой.

Что же тогда мы можем подразумевать под учением о внешних отношениях? Прежде всего то, что реляционная пропозиция в общем формально не является логически эквивалентной одной или более субъектно-предикатным пропозициям. Установим последнее более точно: Если задана реляционная пропозициональная функция ' xRy ', то в общем это не тот случай, когда мы в состоянии найти предикаты α , β , γ такие, что для всех значений x и y xRy эквивалентно $x\alpha$, $y\beta$, $(x,y)\gamma$ (где (x,y) обозначают целостность, состоящую из x и y) или какому-то одному или двум из них. Это, и только это, я хочу утверждать, когда отстаиваю учение о внешних отношениях; и ясно, это по крайней мере часть того, что отрицает м-р Брэдли, когда отстаивает учение о внутренних отношениях.

Вместо 'единства' или 'комплексы', я предпочитаю говорить 'факты'. Должно быть понято, что слово 'факт' не может осмысленно входить в какой-либо позиции в предложение, в которое может осмысленно входить слово 'простое'; факт не может встречаться там, где может встречаться простое. Мы не должны гово-

ритель: 'Факты не являются простыми'. Мы можем сказать: 'Если должна сохраняться осмысленность, символ для факта не должен заменяться символом для простого, или *vice versa**'. Но должно заметить, что в этом предложении слово 'для' имеет различные значения в двух случаях его использования. Если нам необходимо обладать языком, который должен предохранять нас от ошибок, относящихся к типам, символ для факта должен быть пропозицией, а не единственным словом или буквой. Факты могут утверждаться или отрицаться, но не могут быть наименованы. (Когда я говорю: 'Факты не могут быть наименованы', это, строго говоря, бессмыслица. То, что можно сказать без того, чтобы выразить бессмыслицу, следующее: 'Символ для факта не является именем'.) Последнее иллюстрирует то, каким образом обозначение является различным отношением для различных типов. Способ обозначить факт заключается в том, чтобы утверждать его; способ обозначить простое заключается в том, чтобы именовать его. Очевидно, именованное отличается от утверждения, и сходные различия существуют там, где рассматриваются более усовершенствованные типы, хотя язык никак не выражает этих различий.

В исследовании м-ром Брэдли моих взглядов есть много других вопросов, которые требуют ответа. Но так как моя теперешняя цель скорее объяснить, чем спорить, я пропускаю их, надеясь, что уже достаточно сказал о вопросе, касающемся отношений и комплексов, чтобы сделать ясной ту теорию, которую я защищаю. В отношении типов я только добавлю, что большинство философов иногда её принимает, а некоторые её отрицают, но все они (насколько я знаю) избегают того, чтобы точно её сформулировать и вывести из неё те следствия, которые не согласуются с их системами.

Я перейду теперь к некоторым критическим аргументам м-ра Брэдли (*loc.cit.*, стр.280 и далее). Он говорит:

'В главном позиция м-ра Рассела остаётся для меня непонятной. С одной стороны, я склонен думать, что он защищает строгий плюрализм, для которого неприемлемо ничего, кроме простых членов и внешних отношений. С другой стороны, м-р Рассел подчеркнуто утверждает и везде использует идеи, которые плюрализм несомненно должен отвергнуть. Он везде основывается на сущностях, которые являются комплексными и которые не могут быть разложены на члены и отношения. Эти две позиции, по моему мнению, непримиримы, поскольку вторая, как я её понимаю, фатально противоречит первой'.

Что касается внешних отношений, моя точка зрения суть та, которую я только что установил, а не та, что вменяется мне теми, кто со мной не согласен. Но в отношении сущностей вопрос более тру-

ден. Это тема, с которой язык по самой своей сути особенно не приспособлен иметь дело. Поэтому я должен просить у читателей снисхождения, если то, что я скажу, не будет в точности тем, что я имею в виду, и попытаться увидеть то, что я подразумеваю, несмотря на неизбежные лингвистические препятствия ясному выражению.

Начнём с того, что я не думаю, что комплексы или сущности существуют в том же самом смысле, в котором существуют простые. Я не считал так, когда писал *Основания математики*, но, принимая в расчёт учение о типах, я с тех пор отказался от этого взгляда. Говоря в общих чертах, я рассматриваю простые и комплексы как всегда относящиеся к различным типам. Другими словами, высказывания 'Существуют простые' и 'Существуют комплексы' используют слово 'существуют' в различных смыслах. Но если я использую слово 'существуют' в том смысле, который оно имеет в высказывании 'Существуют простые', тогда словесная конструкция 'Комплексы не существуют' не является ни истинной и ни ложной, но бессмысленной. Последнее демонстрирует, как трудно в обычном языке высказать ясно то, что я хочу сказать о комплексах. В языке математической логики много легче высказать то, что я хочу, но много труднее побудить людей к пониманию того, что имею в виду, говоря это.

Должен объяснить, что, говоря о 'простых', я говорю о чём-то таком, что как таковое не входит в опыт, но известно только посредством вывода, как граница анализа. Вполне возможно, что при большем логическом мастерстве необходимость в их допущении может отпасть. Язык логики не будет приводить к ошибке, если все его простые символы (т.е. те символы, которые не имеют каких-то частей, являющихся символами, или какой-то значимой структуры) обозначают объекты некоторого одного типа, даже если эти объекты не являются простыми. Единственный недостаток такого языка заключается в том, что он не способен иметь дело с чем-то более простым, чем объекты, которые он репрезентирует посредством простых символов. Но я признаю, и это кажется мне очевидным (как это казалось и Лейбницу), что то, что является комплексным, должно состоять из простых, хотя число конститuent и может быть бесконечным. Также очевидно и то, что логическое употребление старого понятия субстанции (т.е. того употребления, которое не влечёт темпоральной длительности) может быть применимо, если вообще может, только к простым; объекты других типов не обладают тем типом бытия, который ассоциируется с субстанцией. Сущность субстанции с символической точки зрения заключается в том, что она может быть только наименована - в языке, построен-

ном на старый манер, она никогда не встречается в пропозиции иначе как субъект или как один из членов отношения. Если то, что мы рассматриваем как простое, на самом деле является комплексом, мы можем получить неприятности, именуя его, когда то, что мы должны делать, заключалось бы в его утверждении. Например, если Платон любит Сократа, отсутствует сущность 'любовь Платона к Сократу', но есть только факт, что Платон любит Сократа. И говоря о последнем как о 'факте', мы уже делаем его более субстанциальным и более единым, чем имеем на это какое-то право.

Атрибуты и отношения, хотя они и могут не допускать анализ, отличаются от субстанций тем, что предполагают структуру, и что не может быть значимого символа, который символизировал бы их в изоляции. Все пропозиции, в которых атрибут и отношение *выглядят* как субъект, являются осмысленными только в том случае, если они могут быть приведены к форме, в которой приписываются атрибуты или отношения соотносят. Если бы это не имело места, то существовали бы осмысленные пропозиции, в которых атрибут или отношение занимали бы позицию, характеризующую субстанцию, что противоречило бы учению о типах и создавало бы противоречия. Таким образом, собственный символ для 'желтого' (предположим, ради иллюстрации, что последнее - атрибут) не является единственным словом 'жёлтое', но представляет собой пропозициональную функцию 'x - жёлтое', где структура символа показывает позицию, которой должно обладать слово 'жёлтое', если оно должно быть осмысленным. Сходным образом, отношение 'предшествует' должно репрезентироваться не этим единственным словом, но символом 'x предшествует y', показывая способ, которым символ может встречаться осмысленно. (Здесь предполагается, что значения не приписываются x и y, когда мы говорим о самом атрибуте или отношении.)

Символ для самой простой возможной разновидности факта всё ещё будет обладать формой 'x - жёлтый' или 'x предшествует y', только эти 'x' и 'y' больше не будут неопределёнными переменными, но будут именами.

Вдобавок к фактам, в которых нам не были даны в опыте простые как таковые, существуют другие препятствия действительному созданию такого корректного логического языка, который я пытался описать. Это препятствие нечётко. Все наши слова более или менее заражены нечёткостью, в результате чего я и имею в виду, что не всегда ясно, применимы ли они к данному объекту или же нет. Последнее более или менее вообще относится к природе слов, а не приложимо только к отдельным индивидам, но это не делало бы их нечёткими, если бы индивиды, к которым они при-

ложимы, были бы определённым множеством. Но на практике этого никогда не случается. Однако легко вообразить, что данный дефект легко преодолим, тем не менее его трудно преодолеть фактически.

Цель предыдущего обсуждения идеального логического языка (который, конечно же, совершенно бесполезен для повседневной жизни) двояка: во-первых, предотвратить выводы от природы языка к природе мира, которые являются ошибочными, поскольку они зависят от логических дефектов языка; во-вторых, через исследование того, что логика требует от языка, который должен избегать противоречий, выдвинуть соображения о том, какую разновидность структуры предположительно и с достаточным основанием может иметь мир. Если я прав, в логике нет ничего такого, что могло бы помочь нам в выборе между монизмом и плюрализмом, или в выборе между тем, что существуют окончательные реляционные факты, и взглядом, что они не существуют. Мой собственный выбор в пользу плюрализма и отношений покоится на эмпирических основаниях после того, как я сам убедился, что априорные аргументы в пользу противного необоснованны. Но я не думаю, что эти аргументы могут быть адекватно опровергнуты без тщательного рассмотрения логических типов, и изложенное выше просто набросок.

Однако последнее приводит меня к вопросу о методе, который, я думаю, является очень важным. Что в философии мы должны принять как данное? Что мы будем рассматривать как обладающее самой большой степенью вероятности, чтобы быть истинным, и что собственно отрицается, когда входит в конфликт с другой очевидностью? Мне кажется, что в главном наука обладает гораздо большей вероятностью истинности, чем любая продвинутая философия до сих пор (разумеется, я не исключаю и свою собственную). В науке есть много вопросов, относительно которых люди приходят к согласию; в философии - нет. Следовательно, хотя каждая пропозиция в науке и может быть ложной, и на практике определено, что некоторые из них являются ложными, однако мы будем мудрее, строя нашу философию на науке, поскольку риск ошибки в философии достаточно более определёнен, чем в науке. Если бы мы могли надеяться на определённость в философии, вопрос был бы иным, но насколько я могу видеть, такая надежда является химеричной.

Разумеется, те философы, чьи теории *prima facie* приходят в противоречие с наукой, всегда претендуют на способность интерпретировать науку так, что она будет истинной на своём собственном уровне, с той минимальной степенью истины, которая должна

удовлетворять скромного учёного. Те, кто утверждает позицию такого типа, связаны - так мне кажется - с тем, чтобы в деталях показать, каким образом должна воздействовать интерпретация. Я думаю, что во многих случаях это должно быть совершенно невозможно. Я не думаю, например, что те, кто не верит в реальность отношений (в том смысле, который объяснён выше), в состоянии интерпретировать те многочисленные разделы науки, которые разрабатывают асимметричные отношения. Даже если бы я и не мог видеть способа ответить на возражения против отношений, поставленные (например) м-ром Брэдли, я бы всё ещё думал, что возможность какого-то ответа более правдоподобна, чем его отсутствие, поскольку считал бы, что ошибка в самом утончённом и абстрактном аргументе более вероятна, чем столь фундаментальная ложь в науке. Допуская, что всё, в чём мы убеждены, сомнительно, тем не менее кажется, что всё, в чём мы убеждены в философии, ещё более сомнительно, чем детали науки, хотя вероятно и не более сомнительно, чем большинство поспешных обобщений последней.

Вопрос интерпретации важен почти для каждой философии, и я совсем не склонен отрицать, что многие научные результаты требуют интерпретации до того, как они могут пригодиться согласующейся философии. Требование 'конструкции *versus* выводов' само является требованием интерпретации. Но, я думаю, что любой обоснованный вид интерпретации должен оставлять детали неизменными, хотя он и может задать новое значение фундаментальным идеям. На практике это означает, что *структура* должна быть сохранена. И проверка последнего заключается в том, что все пропозиции науки оставались бы, хотя могут быть найдены новые значения для их терминов. На философском уровне рассматриваемый случай затрагивается в отношении физической теории света к нашему восприятию света. Последнее обеспечивает различным физическим обстоятельствам соответствие с различными видимыми цветами и, таким образом, делает структуру физического спектра одинаковой со структурой того, что мы наблюдаем, когда смотрим на радуго. Если структура не сохраняется, мы не можем обоснованно говорить об интерпретации. А структура и есть как раз то, что уничтожается монистической логикой.

Разумеется, я не хочу предполагать, что в любой области науки структура, обнаруживаемая в настоящее время наблюдением, есть в точности то, что существует. Наоборот, в высшей степени вероятно, что действительная структура более хорошо структурирована, чем наблюдаемая структура. Последнее столь же применимо к психологическому, как и к физическому материалу. Это основыва-

ется на том факте, что там, где мы воспринимаем различия (например, между двумя оттенками цвета), различие существует, но там, где мы не воспринимаем различие, из этого не следует, что оно отсутствует. Поэтому при любой интерпретации у нас есть право требовать сохранения наблюдаемых различий и обеспечения места для до сих пор не наблюдаемых различий, хотя мы не можем заранее видеть, какими они будут, за исключением того, когда они могут через вывод быть связаны с наблюдаемыми различиями.

В науке структура - это главный предмет изучения. Самое значительное в теории относительности приходит с тем фактом, что она заменяет единственным четырёхмерным многообразием (пространство-время) два многообразия (трёхмерное пространство и одномерное время). Последнее относится к изменению структуры и, поэтому, имеет далеко идущие следствия, но любое изменение, не затрагивающее изменение структуры, не создаёт много различий. Математическое определение и изучение структуры (под названием 'отношение-числа') образует IV часть *Principia Mathematica*.

Дело философии, как я его понимаю, по существу состоит в логическом анализе с последующим логическим синтезом. Философия больше, чем любая конкретная наука, связана со взаимоотношениями различных наук и возможными конфликтами между ними; в частности, она не может дать молчаливое согласие на конфликт между физикой и психологией или между психологией и логикой. Философия должна быть всесторонней и смелой в выдвижении гипотез относительно универсума, которые наука пока не в состоянии подтвердить или опровергнуть. Но они всегда должны быть представлены как гипотезы, а не (что слишком часто бывает) как неизменные установления, подобные религиозным догмам. Кроме того, хотя всесторонние конструкции являются частью дела философии, я не думаю, что это самая важная часть. По моему мнению, самая важная часть заключается в критике и прояснении понятий, которые имеют тенденцию рассматриваться как фундаментальные и усваиваться некритически. В качестве примера я могу упомянуть разум, материю, сознание, познание, опыт, причинность, волю, время. Я думаю, все эти понятия являются неточными и приблизительными, по существу заражёнными нечёткостью, не способными образовать часть какой-либо точной науки. Из первоначального многообразия событий могут быть построены логические структуры, которые удовлетворительным образом будут обладать свойствами, подобным свойствам вышперечисленных общих понятий, чтобы объяснить их распространённость, но вряд ли нас удовлетворит значительная ошибка, если допустить их как фундаментальные.

Последующее я предлагаю как очерк возможной структуры мира; это не более чем очерк, и не предлагается более чем как возможный.

Мир состоит из некоторого числа, возможно, конечного, возможно, бесконечного, сущностей, которые обладают различными отношениями друг к другу, и, вероятно, также различными качествами. Каждая из этих сущностей может быть названа 'событием'; с точки зрения физики, построенной на старый манер, событие занимает короткое конечное время и небольшое конечное количество пространства, но так как мы не стремимся владеть пространством и временем, построенным на старый манер, данное высказывание не может рассматриваться в его поверхностном значении. Каждое событие имеет к определённому числу других событий отношение, которое может быть названо 'соприсутствием' ['compresence']; с точки зрения физики всё собрание сопричастующих событий занимает один небольшой регион пространства-времени. Один из примеров множества сопричастующих событий заключается в том, что может быть названо содержанием разума человека в один момент времени - т.е. все его ощущения, образы, воспоминания, мысли и т.д., которые могут темпорально сосуществовать. Его визуальное поле обладает, в некотором смысле, пространственным протяжением, но последнее не должно смешиваться с протяжённостью физического пространства-времени; каждая часть его визуального поля сопричастует с каждой другой частью и с остальным 'содержанием его ума' в данное время; и собрание сопричастующих событий занимает минимальный регион в пространстве-времени. Такие собрания существуют не только там, где существует мозг, но и везде. С любой точки в 'пустом пространстве' можно сфотографировать некоторое количество звёзд, если ввести камеру; мы считаем, что свет путешествует через регионы, расположенные между его источником и нашими глазами, а стало быть, в этих регионах нечто происходит. Если свет от некоторого количества различных источников достигает определённого минимального региона в пространстве-времени, тогда в этом минимальном регионе существует по крайней мере одно событие, соответствующее каждому из этих источников, и все эти события являются сопричастующими.

Мы будем определять множество сопричастующих событий как 'минимальный регион'. Мы находим, что минимальный регион образует четырёхмерное многообразие и что посредством минимальных логических манипуляций мы можем сконструировать из него пространственно-временное многообразие, требуемое физикой. Мы находим также, что из некоторого числа различных ми-

нимальных регионов мы зачастую можем выбрать множество событий, одно из каждого, которые близко схожи, если они отобраны из соседних регионов, и различаются от одного региона к другому согласно обнаруживаемым законам. Существуют законы распространения света, звука и т.д. Мы находим также, что определённые регионы в пространстве-времени обладают совершенно специфическими свойствами; эти регионы суть те, о которых говорится, что они заняты 'материей'. Такие регионы могут быть объединены посредством законов физики в следы или трубы, много более растянутые в одном измерении пространства-времени, чем в трёх других. Такие трубы конституируют 'историю' кусочка материи; с точки зрения самого кусочка материи измерение, в котором он наиболее растянут, может быть названо 'временем', но последнее только приватное время данного кусочка материи, поскольку оно не согласуется в точности с тем измерением, в котором наиболее растянуты другие кусочки материи. Пространство-время весьма специфично не только в рамках кусочка материи, но также оно достаточно специфично у его окружения, которое становится меньше по мере того, как пространственно-временная дистанция становится больше; закон этой особенности есть закон гравитации.

Все виды материи в некоторой степени, а некоторые виды материи особенно (а именно, нервная ткань), склонны к формированию 'привычек', т.е. к изменению своей структуры в заданной окружающей среде таким способом, что когда они впоследствии попадают в сходное окружение, они реагируют новым способом, но если сходные окружения часто повторяются, реакция в конце концов становится приблизительно однородной, оставаясь отличной от реакции в первом случае. (Когда я говорю о реакции кусочка материи на свою окружающую среду, я мыслю как строение множества сопричастующих событий, из которых он состоит, так и природу следа в пространстве-времени, который конституирует то, что мы обычно называем его движением; и то и другое называются 'реакциями на окружение', поскольку существуют законы, коррелирующие их с характеристиками окружающей среды.) Из привычки могут быть сконструированы особенности того, что мы называем 'разумом'; разум - это след множества сопричастующих событий в регионе пространства-времени, где существует материя, особенно склонная к формированию привычки. Большая склонность, большая комплексность и организованность формируют разум. Таким образом, разум и мозг не являются действительно различными, но когда мы говорим о разуме, мы главным образом мыслим множество сопричастующих событий в рассматриваемом регионе и некоторые из их отношений к другим событиям,

образующим части других периодов в истории рассматриваемой нами пространственно-временной трубы, тогда как, если мы говорим о мозге, мы ведём речь о множестве сопричастующих событий как целостности и рассматриваем внешние отношения к другим множествам сопричастующих событий, также взятым как целостности; в мире мы рассматриваем очертание трубы, а не события, из которых составлено каждое её сечение.

Разумеется, гипотеза, кратко изложенная выше, нуждается в расширении и совершенствовании во многих направлениях для того, чтобы полностью соответствовать научным фактам. Она не выдвигается как законченная теория, но просто как предположение того типа, которое может быть истинным. Конечно, легко вообразить другие гипотезы, которые могут быть истинными, например, гипотезу, что нет ничего помимо ряда множеств событий, конституирующих мою историю. Я не думаю, что существует какой-то метод достижения одной единственно возможной гипотезы, а стало быть, уверенность в метафизике кажется мне недостижимой. В этом отношении я должен признать, что многие другие философы имеют преимущество, поскольку несмотря на их различия *inter se**, каждый из них приходит к уверенности в своей собственной исключительной истине.

ЛОГИКА И ОНТОЛОГИЯ (1957)

Цель моей статьи - во-первых, обсудить работу Дж.Ф.Варнока «Метафизика в логике», опубликованную в *Исследованиях по концептуальному анализу* под редакцией профессора Энтони Флу, а затем высказать то немногое, что я должен сказать о своём собственном мнении на этот счёт. Начнём с нескольких общих замечаний. М-р Варнок принадлежит к школе «Философия без слёз», названной так потому, что она делает философию намного более лёгкой, чем та когда-либо до этого была: для того чтобы быть компетентным философом, необходимо только изучить книгу Фаулера *Употребление современного английского языка*; аспиранты могут обратиться к книге *Королевский английский*, но этой книгой нужно пользоваться с осторожностью, поскольку, как показывает её название, она несколько устарела. М-р Варнок утверждает, что нам не следовало бы «навязывать лаконичную простоту логики мучительной сложности языка». Его интересует дискуссия по поводу квантора существования, и он считает важным указать на то, что ряд утверждений, которые логики объединяют под единым символом $\exists$, представлены в обычной речи различными фразами. На этом основании он предполагает, что общее понятие, выраженное посредством $\exists$, искусственно и не имеет особой важности. Мне кажется, что это совершенно абсурдный вывод. Возможно, я смогу проиллюстрировать его абсурдность с помощью басни.

Некогда давным-давно на берегу реки обитало племя. Говорят, что река называлась «Исис», а те кто жил возле неё, - «исидиане», но возможно это более поздние наслоения на оригинальную легенду. Язык племени включал слова «пескарь», «форель», «окунь», «щука», но не содержал слова «рыба». Часть исидиан, спустившись вниз по реке несколько дальше обычного, поймали то, что мы называем сёмгой¹. Немедленно завязался бурный спор: одни утверждали, что это существо - разновидность щуки; другие настаивали, что оно неприятно на вид и опасно, а потому любой, кто упомянет о нём, будет изгнан из племени. Это положение дел застал странник, прибывший с берега другого потока и презираемый за хромоту. «В языке нашего племени, - сказал он, - есть слово 'рыба', которое мы применяем равным образом и к пескарю, и к форели, и к окуню, и к щуке, а также и к этому созданию, вызвавшему столь бурный спор». Исидиане вознегодовали. «Что означа-

¹ См.: *Crotchet Castle*, часть IV.

ет, - говорили они, - использование таких новомодных слов? В нашем языке всё, что мы вылавливаем из реки, имеет название, так как это всегда или пескарь, или форель, или окунь, или щука. Ты можешь выступать против этого взгляда, ссылаясь на прецедент, имевший место в нижних пределах нашего священного потока, но мы думаем, что лингвистически экономичнее было бы принять закон о том, чтобы этот случай не упоминался. Таким образом, мы относимся к вашему слова 'рыба' как к примеру бесполезного педантизма».

Эта басня пародирует аргумент м-ра Варнока против квантора существования. «Квантор существования» есть общее понятие, аналогичное понятию «рыба». Применённый к именам, он подобен пескарю, применённый к предикатам - форели, применённый к отношениям - окуню и т.д. Тот факт, что в обычной речи люди используют различные слова по разным поводам тогда, когда логик использует квантор существования, обусловлен тем, что люди, не изучавшие логику, не достигли самой общей идеи, представленной посредством $\exists$, подобно тому, как исидиане из басни не достигли общей идеи «рыба». М-р Варнок говорит, что квантор существования смешивает то, что различает обыденная речь. Это в точности соответствует тому, как если бы исидиане сетовали на то, что человек, который использует слово «рыба», путает пескаря со щукой. М-р Варнок говорит «о неопределимой сложности обычной речи». Я не отрицаю, что в обычном словоупотреблении имеют место различия, которые не используются в логике. В обычную речь закладывается выражение наших собственных эмоций. Если мы говорим, что такой-то является отъявленным негодяем, или что такой-то, к несчастью, не всегда поступает в соответствии с моральными нормами, фактический элемент и в том, и в другом утверждении совпадает, но наша эмоциональная установка в отношении одного и того же факта отличается в обоих случаях.

М-р Варнок обдуманно и сознательно игнорирует всё, что сделали логики для прояснения проблем, с которыми он намеревается иметь дело. Обыгрывая высказывание «Валгалла - мифологична», он не упоминает какую-либо ясную теорию, в соответствии с которой высказывания, выглядявшие как высказывания о Валгалле, на самом деле представляют собой высказывания о «Валгалле». Эта теория может быть верной или ошибочной, но я не могу увидеть оправдание для претензии на то, что такой теории не существует. В начале своей статьи он говорит нам, что центральный вопрос, который его интересует, это вопрос «Существуют ли абстрактные сущности?» Затем он возражает против логической интерпретации слова 'существует', и на этом основании (я, по крайней мере, не

смог найти в его статье другого) оставляет свой центральный вопрос без ответа, и, по-видимому, с его точки зрения, такой ответ не возможен. Он совершенно справедливо замечает, что использование слова «нечто» в обычной речи не влечет существования такой вещи, и приводит в качестве примера суждение «нечто является простым числом», которое, как он говорит, «несколько необычно и озадачивает». Ему не приходит в голову, что язык математической логики превосходит обычный язык как в точности, так и в общности. Если имеется двенадцать предметов и двенадцать имён, легко может случиться так, что обычная речь припишет все двенадцать имён всем двенадцати предметам. Обычная речь обладает двумя противоположными недостатками: в ней часто используется одно слово с множеством значений и много слов с одинаковым значением. Первый недостаток можно проиллюстрировать следующим предложением: «Существование Ромула сомнительно, поскольку существуют причины, ставящие под вопрос доверие к существующим легендам о первом веке существования Рима». Противоположный недостаток, когда несколько выражений имеют одинаковое значение, иллюстрируется в исследовании м-ра Варнока, когда он рассматривает предложения «Имеются простые числа», «Львы всё ещё существуют в Африке», «На Луне есть пятна». Последняя фраза, как ему представляется, не влечёт существования пятен; он отвергает её только на том основании, что большинство людей ею не пользуется. Логик считает, что предпочтителен тот язык, в котором одно имя приписывается одному предмету. И когда я говорю «предпочтителен», я не имею в виду «предпочтителен» для повседневного употребления, но «предпочтителен» при попытке точно высказаться о мире.

Теперь я приступаю к частному вопросу о «существовании». Я настаиваю - и считаю, что это имеет большое значение в избежании путаницы - что слово «существование» в его обычном употреблении приводит к синтаксической путанице и является источником многих метафизических путаниц. Возьмём, например, следующее рассуждение: «моё данное ощущение существует; это дано в моём ощущении; следовательно, это существует». Я утверждаю, что обе посылки могут быть истинными, а заключение лишено смысла. Последнее невозможно прояснить в обыденном языке. Это аргумент против обыденного языка. Я утверждаю, что единственное законное понятие, которое можно привлечь, это понятие, представленное посредством $\exists$. Это понятие может быть определено следующим образом: возьмём выражение fx , содержащее переменную x , и становящееся пропозицией, когда переменной приписывается значение; мы говорим, что выражение $(\exists x).fx$ должно озна-

чать, что существует по крайней мере одно значение x , для которого $f x$ является истинным. Сам я предпочёл бы относиться к этому как к определению «существует», но если бы я так поступил, то не достиг бы понимания.

Когда мы говорим «существует» или «существуют», из истинности наших суждений не следует, что то, о чём мы говорим как о существующем, является частью содержимого мира, если намеренно использовать туманную фразу. Математическая логика допускает высказывание «существуют числа», а металогика - высказывание «числа являются логическими фикциями или символическими конвенциями». Числа представляют собой классы классов, а классы являются символическими конвенциями. Попытка перевода $\exists$ на обычный язык непременно заканчивается неудачей, поскольку переводимое понятие - одно из тех понятий, которые неизвестны в рамках обычного словоупотребления. Высказывание «существуют числа» должно интерпретироваться с помощью более детально разработанного способа. Прежде всего, нужно начать с некоторой пропозициональной функции, например $f x$, затем определить «число предметов, имеющих свойство f », далее определить «число» как то, «что является числом предметов, имеющих то или иное свойство». С помощью этого мы получим определение пропозициональной функции « n есть число» и найдём, что если заменить n на то, что мы определили как «1», получится истинное высказывание. Это и есть как раз то, что мы имеем в виду, когда говорим о существовании по крайней мере одного числа. Но в обыденном языке очень трудно показать, что мы не высказываемся о реальности чисел на платонический манер.

Отношение логики к онтологии фактически очень комплексно. Мы можем в некоторой степени отделить лингвистические аспекты проблемы от аспектов, связанных с онтологией. Лингвистические проблемы, по крайней мере в теории, поддаются точному решению, но онтологические проблемы остаются гораздо более туманными. Однако чисто лингвистические проблемы имеют онтологическую подоплёку, хотя и достаточно неясную. Предложения составлены из слов, и если они должны быть пригодными для утверждений о фактах, то по крайней мере некоторые слова должны удовлетворять тому роду отношений к чему-либо ещё, который называется «значение». Если официант в ресторане говорит мне: «У нас есть очень хорошая свежая спаржа», я буду справедливо рассержен, если он объяснит, что его замечание было чисто лингвистическим и не имело отношение к какой-либо действительной спарже. Этот уровень онтологических обязательств затрагивается во всём обычном словоупотреблении. Но отношение слов к отлич-

ным от них объектам различается в соответствии с интересующим родом слов, и это приводит к логизированной форме учения о частях речи. Если предложение должно иметь значение, если оно не является предложением чистой логики, некоторые из составляющих его слов должны на нечто указывать, хотя другие слова могут и не иметь значение. Предложение не могло бы осмысленно содержать фразу *The Qween of England* [королева Англии], если бы в мире не существовало нечто такое, на что указывали бы слова *Qween* [королева] и *England* [Англия], но совсем не обязательно, чтобы существовало нечто соответствующее слову *the* или слову *of*. Большая часть того, что в математической логике имеет отношение к онтологии, связана с уменьшением числа тех объектов, интеллигибельность которых мы предполагаем и которые необходимы для того, чтобы сделать высказывания осмысленными. Единственный довод в пользу подобной редуктивной процедуры связан с удалением опрометчивых и неоправданных предпосылок. Если наши обыденные эмпирические высказывания должны иметь значение, они обязаны (если они не являются лингвистическими) указывать на нечто во внешнем мире. Таким образом, встаёт чисто техническая проблема: что представляет собой тот минимальный словарь, который достаточен для утверждения того, в чём мы фактически уверены.

Предполагая, что этот вопрос решен, мы остаёмся с онтологической проблемой: какие отношения должны осуществляться между словами и предложениями, с одной стороны, и фактами с другой, если наши слова обязаны иметь значение, а предложения — нечто обозначать? Начнём с того, что из нашего словаря можно исключить все слова, которые имеют вербальное определение, так как мы всегда можем заменить их друг на друга. Иногда (если опускать детали) отношение слова к объекту достаточно ясно: мы знаем объект, на который указывает имя «Дуайт Д. Эйзенхауэр»; мы знаем, что обозначают названия цветов и т.д. Но имеются другие слова, в отношении которых мы испытываем значительные затруднения: если мы говорим «Александр предшествовал Цезарю», мы чувствуем (возможно, ошибочно), что Александр и Цезарь имеют твёрдое значение. Но что обозначает слово «предшествовал»? Мы можем в крайнем случае представить универсум, включающий только Александра, или только Цезаря, или только их обоих. Это тот тип предметов, который приводит к вере в субстанцию и к сомнению в универсалиях. В данном случае, потребности языка снова ясны, а метафизические импликации этих потребностей туманны. Мы не в состоянии обойтись без таких слов как

«предшествует», но они, по-видимому, не указывают на кирпичики универсума так, как это удаётся именам собственным.

Вопрос «Существуют ли универсалии?» поддается различным интерпретациям. В первом случае он может быть интерпретирован в смысле квантора существования. Мы можем сказать: «Существуют предложения, содержащие два имени и слово, обозначающее отношение, и без таких предложений многие утверждения о фактах, в которых мы уверены, знать было бы невозможно». Далее можно сказать, что так же, как имена в таких предложениях указывают на объект, так и слова, обозначающие отношения, должны указывать на нечто экстралингвистическое. То, что Александр предшествовал Цезарю, - факт, и этот факт состоит не только из Александра и Цезаря. Ясно, что слово, обозначающее отношение, служит той цели, что даёт нам возможность нечто утверждать о фактах, которые в противном случае были бы неустановимы. Пока, я думаю, мы находимся на твёрдом основании. Но я не думаю, что из этого в каком-либо смысле вытекает существование «предмета», называемого «предшествованием». Слово, обозначающее отношение, только тогда используется корректно, когда соответствует отношениям.

В той же степени это применимо и к предикатам. Куайн* находит специфические затруднения в случае, когда предикаты или слова, обозначающие отношения, появляются в качестве мнимых переменных. Возьмём, например, высказывание «Наполеон имел все качества великого полководца». Оно должно быть интерпретировано следующим образом: «чем бы ни было f , если из ' x был великим полководцем' следует fx , что бы не представлял собой x , тогда $f(\text{Наполеон})$ ». Из этого, по-видимому, вытекает, что f придаётся субстанциальность, которую при возможности необходимо избегать. Я думаю, это реальное затруднение, и не знаю как из него выйти. Мы определённо не можем обойтись без переменных, которые репрезентируют предикаты или слова, обозначающие отношения, но я предчувствую, что технически возможен механизм, который предохранял бы различия в онтологическом статусе между тем, что обозначается именами, с одной стороны, и предикатами и словами, обозначающими отношения с другой.

Использование математической логики не должно обосновывать онтологический статус там, где он может быть сомнительным, более того оно должно сводить к минимуму количество слов, имеющих смысл прямого указания на объект. Как общая точка зрения использовалось представление, что все целые числа являются сущностями, а те, кто не заходил так далеко, были по крайней мере убеждены, что число 1 является сущностью. Мы не можем это

опровергнуть, но можем доказать, что математики не в состоянии это обосновать.

Наконец, вопрос «Существуют ли универсалии?» является двусмысленным. В некоторых интерпретациях ответ определённо «да»; в других - убедительный ответ в настоящее время кажется невозможным. То, что я должен сказать об онтологическом статусе универсалий, содержится в последнем разделе *Исследование значения и истины**.

КОММЕНТАРИИ

В данном сборнике представлены работы Б. Рассела, которые характеризуют доктрину, названную им логическим атомизмом. Интересующая нас доктрина, как можно видеть из постоянных ссылок, создавалась под несомненным влиянием взглядов его ученика, а затем соратника Л. Витгенштейна и в значительной мере может быть понята только в перспективе идей последнего. Эта зависимость неоднозначна и степень её существенности меняется от работы к работе. Рассел ни в коей мере не ставит перед собой задачи просто передать идеи Витгенштейна, как можно было бы подумать из преамбулы к публикуемым лекциям "Философия логического атомизма". Он существенно их модифицирует, придавая им теоретико-познавательное содержание, которое отсутствует как в основной работе австрийского философа этого периода ("Логико-философский трактат"), так и в подготовительных к ней материалах. Публикуемые работы интересны прежде всего с точки зрения изменения взглядов самого Рассела, который несмотря на критику Витгенштейна сохранил многие из своих идей в первоначальном виде (например, теорию типов), правда, придав им иную интерпретацию. Особенно заметна эволюция взглядов Рассела при переходе от "Философии логического атомизма" к "Логическому атомизму". Если в первой работе чувствуется сильное влияние Витгенштейна (особенно в начальных разделах), то последняя работа уже практически независима и выражает оригинальные взгляды английского мыслителя. Публикуемые работы, особенно "О пропозициях", позволяют оценить и характер заимствований, взятых интересующим нас философом у представителей американского прагматизма, к которым Рассел относился с неизменным пиететом. Основное содержание работы "О пропозициях", написанной всего через год после лекций, не содержит практически ничего специфически витгенштейнианского, а служит типичным примером способа аргументации, характерного для Рассела. Вопрос об отношении взглядов Рассела к идеям Витгенштейна подробнее освещён в послесловии. Помимо работ, непосредственно относящихся к доктрине логического атомизма, в данный сборник включена и небольшая статья "Логика и онтология", написанная значительно позже и в некоторой степени позволяющая судить об изменениях, которые произошли во взглядах английского философа.

Курс лекций "Философия логического атомизма" впервые был опубликован в авторской версии непосредственно после прочтения в выпусках журнала *The Monist* за 1918 (№4) и 1919 (№1-3) годы. "Логический атомизм" был специально подготовлен Расселом для одного из 2 томов серии "Современная британская философия" (*Contemporary British Philosophy*. - London, New York, 1924), выходившей в середине двадцатых годов под редакцией проф. Дж. Мюрхиада, где публиковались ведущие британские философы того времени, в основном представленные неогегельянцеми.

Для данного издания переводы курса лекций "Философия логического атомизма", а также статей "О пропозициях" и "Логический атомизм" сделаны с их публикаций в сборнике: *Russell B. Logic and Knowledge. Essays 1901-1950*. - London: George Allen & Unwin LTD, 1956.

Перевод статьи "Логика и онтология" сделан по её первой публикации в периодическом издании *The Journal of Philosophy*, 1957, vol. LIV, №9.

* * *

Нижеследующие примечания содержат только реальный комментарий. В основном тексте к ним отсылает знак "*".

стр. 3 - Сотрудничество Рассела и Витгенштейна началось в 1912 году, когда последний прибыл в Кембридж для продолжения образования, где в качестве студента, а затем в качестве студента продвинутого этапа обучения провёл три триместра 1912 года и два первых триместра 1913 года. Непосредственное общение прервалось в октябре 1913 года в связи с отъездом Витгенштейна в Норвегию. Однако они продолжали переписку, которая не прервалась с началом войны. Даже после того, как Витгенштейн ушёл на фронт, Рассел получал от него известия вплоть до осени 1915 года. После этого переписка прервалась и возобновилась вновь лишь в начале 1919

года по инициативе Витгенштейна, когда последний находился в лагере для военнопленных в Монте-Кассино (Южная Италия). Здесь же Витгенштейн закончил "Логико-философский трактат", копию которого удалось через третьи лица передать Расселу. Преамбула к лекциям написана в 1918 году в связи с их публикацией в журнале *The Monist*, когда Рассел не имел никаких сведений о судьбе своего бывшего ученика.

- Первым изданием книга *The Principles of Mathematics* вышла в Лондоне в 1903 году и затем неоднократно переиздавалась (например, London: George Allen & Unwin, LTD, 1937).

стр.4 - Рассел имеет в виду английских неогегельянцев и, прежде всего, оказавшего на него значительное влияние в ранний период Френсиса Герберта Брэдли (1846-1924). Последний, в частности, исходил из противопоставления видимости и реальности. Подвижная и противоречивая видимость есть результат временных, пространственных, причинных и т.п. определений, характеризующих существование. Однако в её основе лежит самотождественная нерасчленимая реальность, Абсолют, объемлющий сущность и существование. На этой основе Брэдли критиковал традиционный английский эмпиризм и номинализм, а также ассоциативную психологию, которые, ориентируясь на фиксацию и обобщение изолированных эмпирических фактов, остаются в сфере видимости. По его мнению, мнимые членения реальности (вещи, свойства, отношения), создающие видимость, порождены несовершенными методами познания, которые основаны на формальной логике, включающей традиционную силлогистику и учение об индукции. Последним Брэдли противопоставляет непосредственное усмотрение реальности, снимающее множественность и противоречивость существования, в том числе противоположность субъекта и объекта. Брэдли негативно воспринял современную математическую логику.

стр.13 - О том, что предложения не являются именами, Витгенштейн говорит в "Заметках по логике" (1913), в рукописи которую он подготовил по просьбе Рассела и при деятельном его участии. (См.: *Витгенштейн Л. Дневники 1913-1914.* - Томск: Водолей, 1998. - С.121.)

стр.16 - *prima facie* - на первый взгляд (лат.)

стр.23 - *Principia Mathematica* - капитальный труд, написанный Расселом в соавторстве с А.Н.Уайтхедом (3 тома, 1910-1913), в котором систематически развивались идеи формального исчисления, основанного на принципах нового понимания логической структуры пропозиции, и осуществлена попытка сведения математики к логике с использованием идей теории типов.

стр.31 - Ройс Джосайя (1855-1916) - американский философ, по взглядам близкий неогегельянцам. Развивал доктрину "абсолютного прагматизма", в которой пытался связать отдельную личность, как элемент универсального сообщества, с волей абсолютной личности. Автор ряда работ по математической логике и основаниям математики.

стр.36 - Шеффер Х.М. - американский логик и математик. Результат, который имеет в виду Рассел, изложен им в работе: *A set of five independent logical postulates for Boolean algebras with application to logical constants* // *Transaction of the American Mathematical Society*, vol.14, 1913. - P.481-488. Шеффер развивал свой результат в связи с построением логики высказываний по образцу булевых алгебр. Нико (Nicod) использовал идею Шеффера при аксиоматизации логики высказываний, положив в основу исчисления высказываний всего лишь одну аксиому, построенную с помощью знака несовместимости. Результаты его работы изложены в *Proceedings of the Cambridge Philosophical Society*, vol.19, 1917-1920. - P.32-41.

- Рассел имеет в виду лекции, которые он читал в Гарварде весной и в начале лета 1914 года.

стр.37 - Дискуссию с м-ром Демосом, где приводятся иные аргументы, Рассел продолжает в статье "О пропозициях". (См. настоящее издание стр. 112)

стр.44 - Джеймс Уильям (1842-1910) - американский философ и психолог, один из основоположников прагматизма. С его точки зрения, значение понятий и теорий определяется практическими следствиями, а их истинность подтверждается успешностью применения в опыте. Рассел ссылается на сборник статей (*James W. Essays in*

Radical Empiricism. - N.Y.: Longmans, Greens, 1912), вышедший после смерти Джеймса, где были собраны его статьи разных лет.

- Дьюи Джон (1859-1952) - американский философ, представитель прагматизма, разработавший оригинальную версию последнего, т.н. "инструментализм". Решая проблему верификации, инструментализм отталкивается от возникающей на практике проблемы, для решения которой строятся теории, являющиеся интеллектуальными инструментами для разрешения затруднений. Инструментальная успешность служит критерием оправданности теории. Рассел познакомился с Дьюи, будучи в Гарварде в 1914 году, и ссылается на его книгу: *Essays in Experimental Logic.* - Chicago, 1918.

стр.47 - Статьи, которые имеет в виду Рассел, следующие: "Предварительное описание опыта", "Нейтральный монизм" и "Анализ опыта". Под общим названием "О природе знакомства" они переизданы в сборнике *Russell B. Logic and Knowledge. Essays 1901-1950.* - London: George Allen & Unwin LTD, 1956. - P.125-175.

стр.48 - Мейнонг Алексиус фон (1853-1920) - австрийский философ и психолог. С точки зрения интенциональной природы сознания разработал теорию предметности, согласно которой логическое конструирование предмета предвосхищает его схватывание в опыте. Предмет, не имеющий реального бытия, всё-таки может бытствовать в качестве чистого предмета сознания, которому могут приписываться определённые характеристики, для чего достаточно интенциональное переживание значимости, предъявляющее предмет сознанию. Рассел неоднократно использует теорию предметности Мейнонга в качестве реализации своих критических усилий. В частности, теория дескрипций во многом явилась результатом такой критики.

стр.51 - Ср.: Витгенштейн Л. *Заметки по логике* // Витгенштейн Л. *Дневники 1914-1916.* - Томск: Водолей, 1998. - С.130.

стр.52 - По-видимому, Рассел имеет в виду работу по теории познания, которую он готовил в течение 1913 года. Первые шесть разделов этой работы были напечатаны в журнале *The Monist* с января 1914 по апрель 1915. Остальные разделы данной работы остались неопубликованными (они хранятся в архиве Рассела в Макмастерском университете), так как английский философ отказался от своих взглядов в результате критики Витгенштейна. Однако идеи данной работы Рассел частично использовал в Гарвардских лекциях 1914 года. Впервые эта рукопись увидела свет в посмертном собрании сочинений английского философа - *Theory of Knowledge: The 1913 Manuscript* // *The collected Papers of Bertrand Russell, vol.7,* London: Allen & Unwin, 1984.

стр.55 - Буль Джордж (1815-1864) - ирландский логик и математик, один из основоположников современных методов логического анализа. Буль впервые воспользовался аналогией между логикой и алгеброй и разработал логическое исчисление классов (под которыми понимал объёмы понятий), где логические операции с классами уподоблялись сложению, умножению и вычитанию. Последнее позволило ему алгебраически интерпретировать традиционную силлогистику.

стр.63 - Рассел имеет в виду работу: *Bradley F. Principles of Logic.* - London, 1883.

стр.64 - См., например: *Рассел Б. Введение в математическую философию.* - М.: Гнозис, 1996. - С.47-55.

стр.66 - См., например: *Рассел Б. Введение в математическую философию.* - М.: Гнозис, 1996. - С.111-133.

стр.68 - Тит Ливий (59 г. до н. э. - 17 г. н. э.) - древнеримский историк. Первая книга его труда включает рассказ об основании Рима. В основном из его сообщений известны мифологические сведения об основателе вечного города Ромуле. (См.: *Ливий Тит История Рима от основания города, т.1.* - М.: Наука, 1989.)

стр.73 - Здесь Рассел обыгрывает реальный исторический факт. Вальтер Скотт опубликовал роман "Веверлей" анонимно, и король Георг IV однажды за обедом спросил у него, не является ли он действительным автором этой книги.

стр.85 - По-видимому, Рассел имеет в виду статью "О знании по описанию и знанию по знакомству", перепечатанную в сборнике: *Russell B. Misticism and Logic.* - London: George Allen & Unwin, LTD, 1918.

стр.86 - Кантор Георг (1845-1918) - немецкий математик и философ, основоположник теории множеств. Ему же (правда, в несколько иной форме, использующей

понятие мощности множества) принадлежит сформулированный здесь парадокс о соотношении максимального количества предметов и количества образованных из них классов. Рассел имеет в виду работу: Cantor G. *Beiträge zur Begründung der transfiniten Mengenlehre*. - Berlin, 1897.

сmp.97 - Максима, называемая бритвой Оккама (Уильям Оккам - средневековый английский теолог и логик, ок.1285-1349), формулируется следующим образом: *Non entia multiplicanda praeter necessitatem* (Не умножай сущности без необходимости (лат.)).

сmp.100 - Russell B. *Our Knowledge of the External World as a Field for Scientific Method in Philosophy*. - London: George Allen & Unwin, LTD, 1914.

сmp.104 - Мах Эрнст (1838-1916) - австрийский физик и философ. Его онтология основывалась на первичности т.н. нейтральных элементов, которыми признаются ощущения и которые не являются ни физическими, ни психическими. Физика и психология выступают как различные способы познания одних и тех же нейтральных элементов, придавая им то характер объективной реальности, то характер содержания психической жизни соответственно.

сmp.115 - Уотсон Джон Бродес (1878-1958) - американский психолог, основоположник бихевиоризма. Предметом психологии считал поведение, а не сознание, поскольку последнее не может быть изучено объективно, а дано только в интроспекции (внутреннем видении). Понятия предшествующей психологии об образах, мыслях, идеях и чувствах он предложил заменить понятиями о мышечных и секреторных реакциях.

сmp.116 - *sotto voce* - сдержанным тоном (лат.).

сmp.118 - Гальтон Френсис (1822-1911) - английский психолог и антрополог, основоположник дифференциальной психологии.

сmp.128 - *causal efficacy* - побудительная причина (лат.).

сmp.129 - Мур Джордж Эдвард (1873-1958) - английский философ, друг и соратник Рассела. В противоположность неогегельянцам отстаивал реализм здравого смысла, считая опытное знание о существовании материальных предметов и других сознаний абсолютно достоверным. Свой метод во многом основывал на анализе выражений обыденного языка. Один из основоположников лингвистической философии.

сmp.130 - Брентано Франц (1838-1917) - австрийский философ. Разрабатывал концепцию душевной жизни, в которой отталкивался от интенциональной природы сознания, где выдвигал на первый план проблему кардинального различия психических и физических феноменов.

- *Per contra* - с другой стороны (лат.).

сmp.137 - См.: Спиноза Б. *Этика*. - СПб.: Аста-пресс ltd, 1993, С.83.

- *ipso facto* - в силу самого факта (лат.).

сmp.139 - Иоахим Гарольд - представитель английского неогегельянства, отталкиваясь от основных установок Ф.Брэдли, разрабатывал когерентную теорию истины. Рассел имеет в виду его книгу: *The Nature of Truth*. - Oxford, 1906.

сmp.144 - Бергсон Анри (1859-1941) - французский философ. Разрабатывал концепцию конкретного времени душевной жизни (длительности), являющегося основой всех сознательных процессов, как противоположного абстрактному времени науки. Способом постижения длительности является интуиция, которая противостоит интеллектуальным методам познания.

сmp.146 - Рассел имеет в виду основное сочинение английского философа, одного из основоположников позитивизма, Джона Стюарта Милля (1806-1873) "Система логики силлогистической и индуктивной", переведённой на многие языки, в том числе и на русский.

сmp.147 - Кутюра Луи (1868-1914) - французский философ и логик, уделявший значительное внимание истории логики, особенно математической, издатель (1903) и комментатор наследия Лейбница, включающего большое количество работ по логике. Кутюра первый обратил внимание на современное значение логических идей Лейбница.

- Пеано Джузеппе (1858-1932) - итальянский математик и логик. Его труды способствовали переходу от алгебраического представления логики к её современному функциональному варианту. Разработал знаковую систему, которая до сих пор во многом лежит в основании формальных исчислений. Предложил первую аксиоматизацию арифметики.

- Фреге Готлоб (1848-1925) - немецкий логик и философ. Разработал систему функционального логического исчисления высказываний и предикатов, которая лежит в основании современной формальной логики. Сформулировал программу сведения математики к логике и попытался определить понятие числа в чисто логических терминах.

- Вейерштрасс Карл Теодор Вильгельм (1815-1897) - немецкий математик, занимавшийся логическим обоснованием математического анализа.

стр.148 - Уайтхед Альфред Нортон (1861-1947) - английский философ и логик, соавтор Рассела по работе *Principia Mathematica*. В работах по методологии науки 10-20-х годов с позиций неореализма, во многом инспирированного их совместными с Расселом изысканиями в области логики, пытался описать внешний мир как логически структурированную совокупность чувственных данных. Впоследствии Уайтхед отошёл от логико-математической проблематики и стал развивать “философию организма”, заниматься эволюционной космологией, вопросами связи науки и религии. Поздние взгляды, характеризующиеся как реалистическая метафизика, основывал на том, что любому описанию мира предшествует абсолютная онтология. Рассел ссылается на его работы: *Whitehead A.N. The concept of Nature.*- Cambridge, 1955; *Whitehead A.N. An Inquiry concerning the Principles of Natural Knowledge.*- Cambridge, 1919.

cmp.153 - versus - против (лат.).

- *Russel B. Analysis of Mind.*- London: George Allen & Unwin, LTD, 1921.

cmp.156 - *Bradley F. Essays on Truth and Reality.*- Oxford, 1914.

cmp.159 - vice versa - наоборот (лат.).

cmp.167 - inter se - между собой (лат.).

cmp.173 - Куайн Уиллард ван Орман (р.1908) - современный американский философ и логик. Затруднение, на которое указывает Рассел, вытекает из тезиса Куайна, согласно которому “быть - значит быть значением квантифицированной переменной”, поскольку квантификация по предикатам с точки зрения этого положения придаёт последним субстанциальное содержание.

cmp.174 - *Russell B. An Inquiry into Meaning and Truth.*- London: George Allen & Unwin, LTD, 1940.

ЛОГИЧЕСКИЙ АТОМИЗМ: ИСТОЧНИКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОДНОЙ КОЛЛИЗИИ

Аналитическая философия как одно из перспективных направлений философской мысли XX века в виде своеобразной теоретической системы, логического атомызма, впервые оформилась во взглядах Б. Рассела и Л. Витгенштейна. Несмотря на то, что вклад каждого из них неоднозначен, можно по крайней мере утверждать о значительном влиянии английского и австрийского философа друг на друга. В самом деле, с одной стороны, преамбула к лекциям по логическому атомызму недвусмысленно указывает на источник содержащихся в них идей; с другой стороны, в предисловии к «Логико-философскому трактату» Витгенштейн пишет: «Эту книгу поймёт лишь тот, кто уже сам продумывал мысли, выраженные в ней или весьма похожие. Следовательно, эта книга - не учебник. Её цель будет достигнута, если хотя бы одному из тех, кто прочтёт её с пониманием, она доставит удовольствие»¹. Скорее всего под этим единственным человеком подразумевается Б. Рассел. Однако, как показывает развитие событий, не всё так просто. Осторожный тон преамбулы к лекциям указывает на то, что английский философ не вполне уверен в адекватности передачи точки зрения Витгенштейна, и сравнение с взглядами, выраженными в «Логико-философском трактате», вполне убеждает в этом. Ещё более интересным выглядит отношение австрийского философа к интерпретации его взглядов Расселом. Познакомившись с рукописью предисловия к «Трактату», написанного Расселом по его просьбе, Витгенштейн в одном из писем писал: «Большое спасибо за рукопись. Я совершенно не согласен со многим из того, что в ней написано: как с тем, где ты меня критикуешь, так и с тем, где ты просто пытаешься разъяснить мои взгляды»².

Коллизия между взглядами Витгенштейна и Рассела даёт достаточно интересный пример взаимодействия философов, работавших в одном направлении и стоящих на сходных методологических позициях. Цель данного послесловия - прояснить контекст указанной коллизии, рассмотрев, во-первых, её источник, связанный с ранними взглядами Рассела и их критикой Витгенштейном, заставившей первого изменить свою точку зрения, и наметив, во-вторых, то различие исследовательских интенций, которое привело к созданию двух совершенно различных версий логического атомызма.

* * *

Если отвлечься от технических тонкостей новой логики, которая ко времени знакомства Б. Рассела и Л. Витгенштейна была уже достаточно развитой системой, можно утверждать, что основная коллизия между их взглядами касается интерпретации достижений нового формального аппарата. Одна из чисто технических деталей, важных в этом отношении, затрагивает анализ логической структуры отношений, осуществлённый Расселом и использованный им для полемики с неогегельянами³. Используя чисто формальный способ, английский философ показал, что отношения несводимы к свойствам. Отсюда вытекало, что избранный способ формализации затрагивает не только структуру мысли, но и нечто говорит о мире. Оказалось, что монистическая онтология, построенная в соответствии с тем, как традиционная логика представляла структуру суждения, не является отражением некоторой действ-

¹ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. - М.: ИЛ, 1958. - С. 29.

² Витгенштейн Л. Дневники 1914-1916. - Томск: Водолей, 1998. - С. 157.

³ См., например, настоящее издание. С. 31

вительности, а представляет собой лишь один из возможных вариантов. Плуралистическая онтология, основанная на внешних отношениях, построенная английским философом в соответствии с функциональной точкой зрения на высказывания, является, по-видимому, одним из самых значительных достижений Рассела, как логических, так и философских. Ему удалось показать, что онтологию можно рассматривать как следствие определённой формально-логической доктрины. Выявление структуры мысли задаёт структуру мыслимого, и в этом отношении формальная логика приобретает трансцендентальное содержание. Однако в рамках самой логики всё это остаётся на уровне бессодержательных моделей, которые как таковые имеют дело с любой возможностью. «В логике было бы пустой тратой времени рассматривать выводы относительно частных случаев; мы имеем дело всегда с совершенно общими и чисто формальными импликациями, оставляя другим наукам исследование того, в каких случаях предложения подтверждаются, а в каких нет»¹. Устанавливая границы логики как науки о возможном, Рассел, тем не менее, пытается скорректировать само понятие возможности. Английского философа на всём протяжении развития характеризует то, что сам он называет ‘чувством реальности’. Здесь показательным выглядит его следующее заявление, может быть, полемически и заострённое, но весьма характерное: «Логика должна допускать единорогов не в большей степени, чем зоология, потому что логика имеет дело с реальным миром в той же степени, что и зоология, хотя с его наиболее абстрактными и общими чертами... Повинуясь чувству реальности, мы будем настаивать на том, что в анализе суждений нельзя допускать ничего ‘нереального’»². Стало быть, формальная логика для Рассела, хотя и является наукой о возможном, но всё равно имеет единственную реализацию, и эта реализация есть наш действительный мир.

Из такого понимания логики вытекает по крайней мере два важных следствия, придающих специфическую окраску ранним взглядам английского философа на содержание и границы формального анализа:

1. С одной стороны, имея в перспективе действительный мир, Рассел к числу логических принципов относит такие утверждения, которые выглядят несколько сомнительными, поскольку не имеют аналитического характера. Последнее придаёт логике, развиваемой английским философом, ‘реалистическую окраску’.

2. С другой стороны, так как Рассел наполняет логику онтологическим содержанием, он стремится представить процесс познания таким образом, чтобы тот соответствовал логическим структурам, выведенным с помощью чисто формального исследования.

Эти две разнонаправленные, но связанные между собой тенденции пронизывают всё творчество раннего Рассела, и именно те положения, которые относятся к их реализации, подверглись наиболее острой критике Витгенштейна и потребовали существенного изменения со стороны английского философа. Рассмотрим их несколько подробнее. Начнём с того, каким образом логика у Рассела приобретает реалистический характер.

Для позиции Рассела характерно не только то, что он пытается дать новую формализацию логического вывода, но и то, что принято называть логицизмом в основаниях математики. С точки зрения логицизма математические суждения не являются синтетическими в смысле Канта, а выводимы из положений логики, причём математические термины полностью определимы в логических терминах. Таким образом, математическое знание сводимо к логическому и является аналитическим. В этом отношении логицизм солидаризируется с точкой зрения Лейбница на математику. Являясь одним из виднейших представителей логицизма, Рассел наследует точку зрения немецкого логика Г. Фреге, который первым предложил интерпретацию числа

¹ Russell B. Our Knowledge of the External World.- London: George Allen & Unwin, LTD, 1926.- P.47.

² Рассел Б. Введение в математическую философию.- Москва: Гнозис, 1996.- С.155-156.

сугубо в логических терминах тождества, класса, включения¹. Фреге отталкивается от понимания числа как класса всех тех классов, которые имеют одинаковое количество предметов. Так, например, число два есть класс всех тех классов, которые содержат ровно два предмета, число три есть класс всех тех классов, которые содержат три предмета, и т.д. Подобное определение числа не содержит круга, как может показаться на первый взгляд, поскольку определение тождественности двух классов не обязательно требует указания на число содержащихся в них предметов. Так, например, ожидая прихода гостей, мы можем сказать, что на накрытом столе в результате будет ровно столько обеденных приборов, сколько придёт гостей, хотя можем и не знать заранее, сколько их будет точно. Класс гостей и класс столовых приборов в этом случае находятся во взаимно однозначном соответствии и, согласно терминологии Фреге, являются тождественными. Таким образом, число можно определить как класс всех тех классов, которые эквивалентны данному классу. Например, число два можно рассматривать как класс всех тех классов, которые эквивалентны классу спутников Марса, а число три как класс всех тех классов, которые эквивалентны классу граций, и т.д. Однако такое понимание числа было бы сугубо эмпирическим, а стало быть, бесполезным для целей арифметики. Поэтому при определении каждого числа необходимо найти такой класс, который имел бы не только соответствующий объём, но и вводился бы с помощью только логических терминов. Фреге развивает данную программу с определения нуля. Ноль – это класс всех тех классов предметов, которые не тождественны сами себе. Так как не существует предметов, нетождественных самим себе, постольку есть только один соответствующий класс, это класс, не содержащий элементов, нуль-класс, который и является единственным элементом нуля как класса всех тождественных классов. Отталкиваясь от определения нуля, можно определить все остальные числа. Число один, например, определяется как класс всех тех классов, которые тождественны классу нуль-классов, или как класс всех тех классов, которые тождественны классу, чьим единственным элементом является нуль-класс. Число два определяется как класс всех тех классов, которые тождественны с классом, содержащим ноль и один, число три – как класс, содержащий ноль, один и два, и т.д., до бесконечности.

Это определение очень удобно, если бы не одна проблема, которую обнаружил Рассел². Определение числа по Фреге требует рассматривать наряду с классами предметов, классы классов предметов, классы классов классов предметов и т.д. Причём ясно, что одни классы могут рассматриваться как члены самих себя, а другие нет. Например, класс всех чайных ложек сам чайной ложкой не является, а класс тех предметов, которые не являются чайными ложками, сам не является чайной ложкой и, стало быть, является элементом самого себя. Можно попытаться образовать класс всех тех классов, которые не являются элементами самих себя, и задаться вопросом, будет ли этот класс своим собственным элементом. Здесь как раз и возникает знаменитый парадокс Рассела, поскольку данный класс противоречив. Он является своим собственным элементом тогда и только тогда, когда он не является своим собственным элементом. Таким образом, если мы стремимся освободиться от противоречия, сохранив основную посылку логицизма, определение Фреге необходимо существенно модифицировать, к чему и приступает Рассел. С точки зрения последнего на образование классов необходимо накладывать ограничения, а именно, запретив образовывать классы, которые могли бы выступать в качестве своих собственных элементов. Классы должны образовывать строгую иерархию, где первый уровень представляли бы собой классы, содержащие только индивиды, второй уровень – классы, содержащие классы индивидов, и т.д. Разные уровни требуют различных средств выражения; то, что можно сказать об индивидах, нельзя сказать об их классах, а то, что можно сказать о классах индивидов, нельзя сказать о классах классов

¹ Frege G. The Foundation of Arithmetic. - Oxford: Basil Blackwell, 1950.

² См., например, настоящее издание. С.87

индивидов и т.д. В общем, это и составляет сущность теории типов. Однако при этом не годится фрегеанское определение числа.

Рассел выходит из затруднения следующим образом¹. Он сохраняет определение нуля, но число один определяет как класс всех классов, подобных классу, элементами которого являются элементы нуля-класса плюс ещё один объект, который не содержится в нуле-классе. Число два определяется как класс всех тех классов, которые подобны классу, содержащему элементы, использованные при определении единицы, плюс ещё один новый объект, и т.д. Очевидно, это определение избегает парадокса. Однако оно требует введения дополнительного постулата. Определение каждого нового числа в последовательности натуральных чисел требует нового объекта, но поскольку ряд чисел бесконечен, следовательно, должно быть бесконечным и количество объектов. Так в логической системе Рассела возникает аксиома бесконечности, а именно, предположение о том, что в мире существует бесконечное количество объектов. Сходные соображения заставляют Рассела принять ещё ряд допущений, например аксиому мультипликативности. В *Principia Mathematica* Рассел рассматривает теорию типов, аксиому бесконечности, аксиому мультипликативности и ряд других положений, как логические предложения. Однако здесь возникает проблема, связанная с логическим статусом данных положений. Очевидно, что характеристика различных уровней бытия, предложенная теорией типов, или аксиома бесконечности, характеризующая совокупность предметов в мире, выходит за рамки аналитического знания. В самом деле, разрабатывая теорию типов, Рассел говорит о недопустимости определённой комбинации символов в языке логики. Однако то, что он имеет в виду, выходит за рамки символической комбинаторики, поскольку сами по себе символы основание для такого запрета не дают. Ограничения возможны только тогда, когда в расчёт принимается определённая интенция значения. Стало быть, теория типов основана на онтологической предпосылке о допустимых типах значения и существенно от неё зависит. Последующее расширение границ и методов формального анализа ставится Расселом в зависимость от того, что рассматривать в качестве допустимых типов значения. Говоря о классах, английский философ всё-таки не допускает их реального существования, поскольку это возрождало бы иерархическую структуру бытия в смысле Платона, и даже превосходило бы предложенное последнее удвоение реальности, так как предполагало бы умножение её *ad infinitum* соответственно умножению различных типов знаков. Здесь возникает концепция неполных символов (под которыми понимаются символы классов, дескрипций и т.п.), рассматривающая классы, дескрипции и т.д., как логические фикции, и которая по существу редуцирует все возможные типы значений к примитивным.

При всей неопределённости понятия примитивного значения, независимо от того, затребовано это понятие сугубо логическими потребностями или же нет, у Рассела оно связано с принимаемыми им теоретико-познавательными установками эмпиризма, и, в частности, с разрабатываемым им разделением знания на два существенно разнородных типа. Во-первых, это знание по знакомству, и, во-вторых, это знание по описанию. Концепция двух типов знания лежит в основании второй из указанных выше детерминаций творчества Рассела и также оказывает значительное влияние на интерпретацию логических идей, но характеризует уже не онтологическое содержание развиваемой им логики, а её теоретико-познавательное значение. В основании любого знания, считает Рассел, лежит непосредственное знакомство с объектом. «Мы говорим, что знакомы с чем-либо, если нам это непосредственно известно, - без посредства умозаключений и без какого бы то ни было знания суждений (истины)»². Любое другое знание может рассматриваться только в качестве знания, опосредованного логическими структурами мышления, интегрирующего языковые средства, либо в качестве выводного знания, либо в качестве указания на фиксированные свойства, включённые в структуру дескрипции. В последнем случае «мы знаем описание, и мы

¹ Рассел Б. Введение в математическую философию ... Гл.2; 13.

² Рассел Б. Проблемы философии. - СПб: изд. П.П.Сойкина, 1914.- С.35.

знаем, что есть какой-то предмет, точно соответствующий этому описанию, но сам этот предмет нам непосредственно не известен. В этом случае мы говорим, что наше знание предмета есть знание предмета по описанию». Рассел не считает описание какой-то новой познавательной процедурой, отличной от тех, что предлагали традиционные теории познания. Оно не есть новый логический элемент наряду с понятием, суждением и умозаключением. «Знание вещей по описанию всегда предполагает в качестве своего источника некоторое знание истинных суждений», и, таким образом, «всё наше знание, как знание вещей, так и знание суждений (истины) строится на знании-знакомстве, как на своём фундаменте»¹. Рассел отводит логике роль своеобразной редукционной процедуры, связанной с аналитическим смыслом самого философствования, поскольку «основной принцип в анализе положений, содержащих описание, гласит: каждое предложение, которое мы можем понять, должно состоять лишь из составных частей, нам непосредственно знакомых»².

Редукционная процедура, по мысли Рассела, должна всегда заканчиваться некоторым не редуцируемым остатком, который и будет представлять собой совокупность примитивных значений. Что представляет собой эта совокупность, каждый раз решается по-разному и зависит от логической структуры анализируемого выражения. Проще всего дело обстоит с выражениями, содержащими лишь такие знаки, которые имеют эмпирическое значение. Здесь знание по знакомству, в общем, согласуется с традиционным английским эмпиризмом. Сложнее решить вопрос со значением выражений чистой логики, которые, даже имея эмпирическую реализацию, всё-таки не сводятся к эмпирическому содержанию. Решению последнего вопроса служит разрабатываемая Расселом теория истины, объясняющая не только априорный характер положений логики, но и возможность перехода от знания знакомства к знанию по описанию. В данном случае теоретико-познавательные предпосылки имеют ещё больший смысл, если учесть, что истина является ведущей темой логики. Для Рассела обоснованная теории логики равнозначна обоснованной теории истины.

Когерентная теория истины, практикуемая неогегельянами, очевидно, не подходит для решения поставленной задачи. Непосредственное усмотрение истины, как свойства абсолюта, предлагаемое, например, Брэдли, предполагает, что в основании суждений (т.е. знания по описанию) также лежит отношение знакомства, правда, имеющее характер интеллектуального созерцания. В условиях принимаемого Расселом онтологического базиса (плюрализм и внешние отношения) теория такого типа не в состоянии объяснить возможность лжи, поскольку непосредственное отношение к объекту лишено ошибки. Разрабатываемая английским философом корреспондентская теория истины должна удовлетворять следующим принципам: «I. Наша теория истины должна допускать её противоположность ошибке... II. Кажется совершенно очевидным, что если бы не было убеждений, то не могло бы быть ни лжи, ни истины – в том смысле, в котором истина коррелятивна лжи ... истина и ложь – свойства убеждений и утверждений; и поэтому чисто материальный мир, так как он не содержит ни убеждений, ни утверждений, не может включать в себя ни истины, ни лжи. III. ... Истинность и ложность убеждения зависят всегда оттого, что лежит вне самого убеждения ... хотя истинность и ложность – свойство убеждения, но эти свойства зависят от отношения убеждения к другим вещам, а не от какого-то внутреннего качества убеждения»³.

По мысли Рассела, отношение убеждения к реальности совершенно иное, нежели отношение непосредственного знакомства, хотя последнее и лежит в основании первого. Это связано, прежде всего, с тем, что убеждение в отношении одних и тех же элементов конституирует два истинностных значения, а именно, 'истина' и 'ложь', что было бы невозможно, если бы убеждение было бы непосредственным отношением к реальности, как считали неогегельяны, связывая истину и ложь с

¹ Там же. С.36.

² Там же. С.44.

³ Там же. С.89.

интеллектуальным созерцанием. Любое созерцание, как непосредственное отношение познающего разума к познаваемому, при объяснении возможности лжи, придаёт последней объективный характер предмета, данного в созерцании, чего не учитывают представители абсолютного идеализма. Субстанциальность лжи кажется ещё менее вероятной, чем субстанциальность истины. С точки зрения английского философа «отношение, устанавливаемое суждением или убеждением, должно, если мы хотим найти место и для лжи, происходить между большим количеством терминов чем два. Когда Отелло убеждён, что Дездемона любит Кассио, то перед нами не единый предмет, 'любовь Дездемоны к Кассио' или 'что Дездемона любит Кассио', ибо это устанавливало бы возможность объективной лжи, существующей независимо от всякой мысли... И легче принять во внимание возможность лжи, если мы признаем суждение отношением, в котором принимают участие, как сознание, так и ряд предметов; этим я хочу сказать, что и Дездемона, и любовь, и Кассио, всё это должно быть терминами отношения, существующего, когда Отелло убеждён, что Дездемона любит Кассио. И, таким образом, это отношение – отношение четырёх терминов, ибо и Отелло является одним из терминов отношения»¹. Всё дело в том, что, помимо предметов, данных посредством знакомства, в процедуре суждения участвует ещё и познающий разум, образующий субъективную сторону суждения. Деятельность субъекта сводится к процедуре упорядочивания конститuant, расположение которых может соответствовать или же не соответствовать их порядку в объективном факте. Именно возможность упорядочивания образует основание возможности истинности и ложности. «Если убеждение *истинно*, то существует ещё одно сложное единство, в котором отношение, бывшее одним из объектов убеждения, соотносит остальные объекты. Таким образом, если Отелло истинно убеждён, что Дездемона любит Кассио, то существует сложное единство 'Любовь Дездемоны к Кассио', состоящее исключительно из *объектов* убеждения, в том же порядке, в котором они были и в убеждении, и отношение, которое было раньше одним из объектов, теперь выступает в роли цемента, связывающего воедино остальные объекты убеждения. С другой стороны – если убеждение ложно, то нет этого сложного единства, состоящего лишь из объектов убеждения. Если Отелло *ложно* убеждён в том, что Дездемона любит Кассио, то нет тогда сложного единства 'Любови Дездемоны к Кассио'. И таким образом, убеждение *истинно*, если оно соответствует определённомu сложному комплексу, и *ложно*, если оно ему не соответствует. Предположим для простоты, что предметом убеждения являются два термина и одно отношение, и что эти термины расположены в определённом порядке 'смыслом' убеждения, мы получим *истинное* убеждение в том случае, если два термина в этом порядке объединяются отношением в сложное целое; в противном случае наше убеждение – ложное. Это устанавливает определение истины и лжи, которое мы искали. Суждение или убеждение – сложное единство, в которое входит сознание в качестве одной из составных частей; если остальные составные части, взятые в том порядке, в котором они состоят в убеждении, образуют сложное единство, то тогда убеждение истинно, если же нет, оно – ложное»². Порядок конститuent убеждения образует его логическую форму; именно посредством последней познающий разум связан с действительностью, именно за счёт неё осуществляется корреспондентная связь суждения и факта. Однако здесь возникает серьёзная проблема, связанная с характером самой логической формы. Структуру суждения Рассел сводит исключительно к совокупности непосредственно известных конститuent и упорядочивающей деятельности познающего разума, но где тогда находит своё место логическая форма? Если бы она была связана только с деятельностью познающего разума, то следовало бы признать, что структура суждения, а значит и структура соответствующего ему факта, зависит исключительно от субъективных условий протекания процессов мышления. Рассел отказывается принять последнее, поскольку в этом случае логика утрачивала бы притязание на уни-

¹ Там же, С.92.

² Там же. С.94.

версальность и всеобщность своих положений. Но если признать, что логическая форма имеет объективный характер, тогда её следует рассматривать как одну из конституент убеждения, известную через отношение непосредственного знакомства. Здесь как раз и возникает представление о том, что логическая форма является специфическим предметом, и должна рассматриваться в качестве примитивного значения особого типа.

Общие положения теории знания-знакомства конкретизируются Расселом в отношении логики в одной из работ по теории познания, которая, правда, после критики Витгенштейна, так и осталась неопубликованной, и лишь недавно увидела свет. В ней английский философ, сохраняя фундаментальное различие двух типов знания, даёт классификацию различных видов знакомства. В частности, он пишет: «Первая классификация согласуется с логическим характером объекта, а именно, согласно тому является ли он (а) индивидом, (в) универсалией или (с) формальным объектом, т.е. чисто логическим»¹. Формальный или логический объект, выступающий в качестве конституенты высказывания, как раз и представляет собой логическую форму, знакомство с которой для конструкции суждения, если его истинностное значение должно иметь объективный характер, столь же необходимо, как и знакомство с иными типами примитивных значений. В самом деле, выражение 'Дездемона любит Кассио' помимо конституент 'Дездемона', 'любит' и 'Кассио' должно содержать ещё и возможность упорядочивания их особым образом, которая не сводится ни к одной из приведённых конституент и может быть выражена в чистом виде как ' aRb ' (где R – символ для отношения, а a и b – его члены). Рассмотрение логической формы в качестве особой конституенты позволяет решить проблему понимания описаний, объективный коррелят которых нам не известен, т.е. в отсутствие сведений о факте, который подтверждал бы или опровергал их истинность. Вполне достаточно непосредственного знакомства с конституентами, чтобы решить вопрос о возможности их комбинации определённым способом. «Если мы знакомы с a с подобием и с b , мы можем понять утверждение ' a подобно b ', даже если мы не можем непосредственно сравнить их и 'увидеть их подобие'. Но это не было бы возможно, если бы мы не знали, как они должны быть сопоставлены, т.е., если бы мы не были знакомы с формой двухместного комплекса. Таким образом, всякий 'ментальный синтез', как он может быть назван, затрагивает знакомство с логической формой»². Сама возможность сопоставления объектов познающим разумом мотивирует необходимость принятия такой особой сущности, как логическая форма, даже, несмотря на то, что её анализ сугубо логическими средствами может быть различным и даже неправильным. Рассел пишет по этому поводу: «Совершенно не ясно, что представляет собой правильное логическое рассмотрение 'формы', но чем бы ни было это рассмотрение, ясно, что мы знакомы (возможно, в расширительном смысле слова «знакомство») с чем-то столь абстрактным, как чистая форма, поскольку иначе мы не могли бы осмысленно использовать такое слово, как 'отношение'»³. В этом смысле логический анализ зависит от эпистемологического интереса, поскольку определение предметного содержания формальной логики связано с выявлением особого типа логических объектов. Этот же эпистемологический интерес позволяет Расселу обосновать априорный характер логики. Логика не выводима из эмпирических данных, поскольку оперирует объектами иной природы, с которыми познающий разум знаком непосредственно.

Руководствуясь потребностями теории познания, Рассел указывает на не сводимость простых высказываний к эмпирическим данным, допуская знакомство с их логической формой. Аналогичная ситуация возникает и относительно сложных высказываний, в которых упорядочиваются уже не эмпирические данные, но логиче-

¹ Russell B. Theory of Knowledge: The 1913 Manuscript // The Collected Papers of Bertrand Russell. - London: Allen & Unwin, 1984. - P.100.

² Ibid. P.101.

³ Ibid. P.98-99.

ские формы простых высказываний. Возможность сопоставления последних требует принятия ещё одного типа логических объектов, также непосредственно знакомых, характеризующих структуру сложных высказываний и определяющих их понимание. «Помимо форм атомарных комплексов существует много других логических объектов, которые вовлечены в образование неатомарных комплексов. Такие слова, как *или*, *не*, *все*, *некоторые*, явно затрагивают логические понятия; и поскольку мы можем осмысленно использовать такие слова, мы должны быть знакомы с затрагиваемыми логическими объектами»¹.

Введение логических объектов расширяет онтологическую основу формальной логики, которая становится знанием об особом типе предметов. И в этом отношении, несмотря на специфический характер предметной области, логика представляет собой науку, подобную всем другим наукам. Дело философии – вписать её в доктринальные рамки научного знания. Ясно, что для английского философа этот процесс существенно зависит от принимаемой им концепции логицизма, придающей положениям логики субстанциальный характер, и теоретико-познавательных предпосылок, заставляющих рассматривать содержание формальной системы в перспективе действительного мира. В горизонте сказанного выше существенной корректировки требует следующее утверждение Рассела: «Философию, сторонником которой я являюсь, можно назвать логическим атомизмом или абсолютным плюрализмом, поскольку, утверждая, что существует много вещей, она вместе с тем отрицает существование целого, состоящего из этих вещей. Таким образом, философские суждения касаются не совокупности вещей в целом, но каждой вещи в отдельности; и они должны затрагивать не только каждую вещь, но такие свойства всех вещей, которые не зависят от их случайной природы и от счастливой случайности существования, но которые истинны в любом возможном мире, независимо от тех фактов, которые можно обнаружить только при помощи наших органов чувств»². В условиях, когда моделирующие отношения структур описания, на экспликацию которых претендует формальная логика, ставятся в зависимость от онтологических и теоретико-познавательных предпосылок, буквальное понимание приведённого утверждения было бы неверным; наоборот, специфика взглядов Рассела требует учитывать и совокупность рассматриваемых вещей, и специфическую природу и иерархическую структуру примитивных значений, и зависимость анализа выражения от действительного существования предмета описания.

Изложенные выше концепции английского философа послужили предметом критики со стороны его ученика. Основные претензии были высказаны Витгенштейном в «Заметках по логике» (1913г.), рукописи, подготовленной по просьбе самого Рассела и при его деятельном участии. Один из главных аргументов затрагивал теорию суждения. По мнению австрийского философа, понимание истины и лжи, с точки зрения упорядочивания конститuent суждения, не удовлетворяет как раз тому критерию, на основании которого Рассел критикует неогегельянцев. Выдвигая в качестве одного из основных принципов теории истины коррелятивность истины и лжи, Рассел, тем не менее, связывает их с двумя разными актами суждения, в которых познающий разум упорядочивает конститuenty различным образом. Витгенштейн же считает, что коррелятивность истины и лжи должна проглядывать уже в одном акте суждения, если эксплицитно установить его форму. Последняя должна учитывать наличие у суждения двух истинностных полюсов (истина и ложь), отношение к которым осуществляется в единственном действии познающего разума. Это возможно только потому, что содержание суждения скоординировано с соответствующим фактом независимо от субъекта. «Когда мы говорим: 'А судит что' и т.д., мы должны сослаться на целое предложение. Этого нельзя выполнить, сославшись на его конститuenty и формы, но не в надлежащем порядке. Это показывает, что предложение, с тем, чтобы оно было высказано, само должно встречаться в утверждении;

¹ Ibid. P.99.

² Russell B. *Mysticism and logic*. - London: George Allen & Unwin, LTD, 1954. - P.111.

например, каким бы образом не истолковывалось 'не-р', вопрос 'Что же отрицается?' должен иметь значение¹. По мнению Витгенштейна, основная ошибка Рассела заключается в уподоблении суждения наименованию, хотя и имеющему специфический характер, где по сути дела высказывание суждений и предложений предполагает наличие соответствующего комплекса, состоящего из конститuent, непосредственно известных говорящему. Задача судящего разума сводится к установлению координации между конститuentами комплексного знака и конститuentами соответствующего факта (вспомним, что и логическая форма является конститuentой), а это вполне укладывается в понимание предложения как комплексного имени и акта суждения как акта называния. Истинность и ложность в этом случае уподобляются правильному и неправильному наименованию, связанному с различными действиями рассудка. В отличие от Рассела Витгенштейн считает, что представление суждения в виде пространственного комплекса неверно уже хотя бы потому, что оно не учитывает понимания в едином акте суждения, как условий истинности высказываемого предложения, так и условий его ложности, что конституирует смысл предложения, не сводимый к совокупности примитивных значений. «В 'а судит р', р нельзя заменить собственным именем. Это очевидно, если мы подставляем «а судит, что р является истинным, а не-р является ложным». Предложение 'а судит р' состоит из собственного имени а, предложения р с его двумя полюсами, и соотношения а с обоими этими полюсами определённым способом. Ясно, что это отношение не является отношением в обычном смысле»².

Отказ от пространственного представления суждения и введение в структуру предложения истинностных полюсов (истина и ложь), приводящих предложение в согласование с действительностью, требует кардинального пересмотра структуры знания по знакомству и знания по описанию. Действительно, раз высказывание истины нельзя редуцировать к непосредственному знакомству с конститuentами, поскольку само суждение не сводится к их наименованию, требуется принятие новых элементов мира, которые соответствовали бы не простым именам, но предложениям. И эти элементы суть факты. Последние не сводимы к своим конститuentам и представляют собой сущности *sui generis*, и если отношение наименования однозначно соотносит имя и примитивное значение, то одному и тому же факту соответствует как истинное, так и ложное предложение. Более того, биполярность предложений в совокупности с возможностью их отрицания требует принять два типа фактов, положительные и отрицательные, иначе возникали бы непреодолимые трудности с согласованием ложных отрицательных предложений. Витгенштейн утверждает, и Расселу приходится с ним согласиться, что «существуют положительные и отрицательные факты: если предложение 'Эта роза не красная' – истинно, тогда то, что оно обозначает, является отрицательным. Но наличие частицы 'не' не указывало бы на это, если бы не знали, что значение предложения 'Эта роза красная' (когда оно является истинным) – положительно. Только из обоих, отрицания и отрицаемого предложения, мы можем заключить о характере значения целого предложения»³. Введение фактов, как особых элементов мира, приводит к пересмотру расселовской теории суждения и, прежде всего, понятия логической формы. Если суждение не сводится к акту познающего разума, упорядочивающего конститuent, то отпадает необходимость в непосредственном знакомстве с такой особой сущностью, как логическая форма. Она не может рассматриваться как конститuent предложения наряду с другими конститuentами. Это демонстрируют и специфические особенности её функционирования в системе знаков. Приняв расселовскую теорию суждения, «легко предположить, что комплексными являются только те символы, которые содержат имена объектов и что соответственно '(Эх,ф).фх' или '(Эх,у)хRу' должны быть простыми. Тогда первое

¹ Витгенштейн Л. Заметки по логике // Витгенштейн Л. Дневники 1914-1916 ..., С.116.

² Там же. С.118.

³ Там же. С.120.

выражение естественно назвать именем формы, а второе именем отношения. Но что в таком случае представляет собой (например) значение $\sim(\exists x, y).xRy$? Можем ли мы поместить 'нет' перед именем?»¹ Данный пример показывает, что, так как отрицание согласовано с истинностными полюсами предложения, функционирование логической формы от наименования не зависит, а стало быть, не может рассматриваться как примитивное значение, полученное в отношении непосредственного знакомства. Формы отменяются как логические объекты. Это же относится и к логическим союзам. В пользу последней точки зрения Витгенштейн выдвигает ещё целый ряд аргументов, в частности, взаимоопределимость логических союзов (например, конъюнкции и дизъюнкции с помощью отрицания), что было бы невозможно, если бы они являлись примитивными значениями. Более того, логические союзы даже могут исчезать, как в случае с двойным отрицанием.

Все эти аргументы приводят Витгенштейна к выводу о том, что логических объектов не существует, что логика не может трактовать об особом множестве предметов. В пользу этого говорит и универсальность логики. По мнению австрийского философа, рассмотрению логических элементов знаковой системы как особых логических объектов способствует несовершенство предложенной Расселом и Фреге символики, которая не удовлетворяет принципу однозначности и требует введения особых элементов, характеризующих логические связи. Это вводит в заблуждение, поскольку собственно логические знаки пытаются интерпретировать по аналогии с нелогическими знаками, что и приводит к неадекватным результатам. Собственно логические выражения могут рассматриваться только как псевдознаки, и их надлежащая запись должна показать это со всей определённой. В «Заметках по логике» Витгенштейн разрабатывает основы такого символизма, основанного на биполярности предложений (*ab*-запись). Этот символизм получает окончательное выражение в таблицах истинности «Логико-философского трактата». Цель данного символизма определяется одной целью. Если логика не является наукой наряду с другими науками, то она не должна трактовать об особом множестве объектов. Логика вообще не трактует об объектах. Её предложения бессодержательны. В самом деле, если логика не имеет специфической предметной области, то её утверждения не содержат материальной информации, а её законы не связаны с характеристикой объектов (в том смысле, который Рассел придавал, например, теории типов и аксиоме бесконечности). Каждое предложение, содержащее материальную информацию, определяется совокупностью условий истинности, приводящих его в соответствие с действительностью. Однако те предложения, с которыми имеет дело логика, представляют собой два крайних случая, среди всех возможных условий истинности. Противоречие – всегда ложно, а тавтология – всегда истинна, а это показывает, что основание истинности таких предложений не связано с действительностью, а стало быть, они не сообщают никакого содержания. На эту особенность логических предложений Витгенштейн впервые обращает внимание в «Заметках, продиктованных Дж.Э.Муру» (1914г.), с которыми Рассел был знаком через посредство последнего. «Так называемые логические предложения, – утверждает Витгенштейн, – *показывают логические свойства языка и, следовательно, универсума, но не говорят ничего*»². Бессодержательность законов логики не означает их бессмысленности, они в отличие от всех других предложений просто выполняют иную функцию. Подлинное предложение связано с действительностью различными условиями истинности. Но если таковые отсутствуют или, вернее, охватывают любую возможность, то это говорит только об одном: «Логические предложения являются формами доказательств: они показывают, что одно или более предложений следует из одного (или более)»³. Таким образом, с точки зрения Витгенштейна утверждения логики являются псевдопредло-

¹ Там же. С.120.

² Витгенштейн Л. Заметки, продиктованные Дж.Э.Муру в Норвегии // Витгенштейн Л. Дневники 1914-1916 ... С.133.

³ Там же. С.135.

жениями и не выходят за рамки комбинаторных преобразований в пределах знаковой системы, они не могут сообщить ничего конкретного относительно описываемого положения дел. Всё содержание логики исчерпывается разработкой надлежащих способов записи, показывающих, как функционирует язык, но она ничего не сообщает о действительности, о которой говорит этот язык. Именно в этом аналитический смысл логических предложений. Очевидно, что ни теория типов, ни аксиома бесконечности не удовлетворяют такому пониманию, они не являются тавтологиями, а обладают совершенно определёнными условиями истинности, связанными с действительным миром. Логика же имеет дело с любой возможностью, и её положения должны быть безусловны не только для мира с конечным количеством объектов, но даже и в том случае, если бы вообще не существовало ни одного предмета. С точки зрения Витгенштейна принимаемые Расселом допущения не верны, потому что они вместо того, чтобы говорить о знаках, нечто сообщают о действительности, привлекая такие понятия, как вещь, отношение и т.п. Уже отправная точка в экспликации числа (определение нуля как множества несамотождественных вещей) грешит этим недостатком и не может рассматриваться как логическое предложение. То же самое относится к теории типов. Любое утверждение, затрагивающее интенцию значения, выходит за рамки комбинаторики со знаками и не может рассматриваться как аналитическое. С точки зрения чистой логики все проблемы, которые приносит с собой теория типов, должны решаться на уровне надлежащим образом установленного символизма. Но если выполнено последнее условие, то никакая теория типов не нужна, поскольку введение символа предполагает установление правил оперирования с ним, которые сами по себе показывают допустимые типы значения данного знака, а следовательно, отпадает необходимость в особом, явно сформулированном предложении, говорящем о виде знака. Витгенштейн считает, что «то, что *М* является *вещью*, не может быть сказано»; это бессмысленно: *но нечто показывается* символом '*М*'. Точно так же то, что *предложение* является субъектно-предикатным предложением, не может быть сказано: *но это показывается* символом. Следовательно, теория типов невозможна. Она пытается сказать нечто о типах, когда можно говорить только о символах»¹. Следуя требованию 'бритвы Оккама' от теории типов следовало бы отказаться вообще.

Под влиянием критики Витгенштейна, Рассел, как видно из «Лекций по логическому атомизму», отказывается от некоторых своих ранних взглядов или существенно их модифицирует. Он принимает целый ряд положений своего ученика, например, вводит положительные и отрицательные факты. Однако зависимость Рассела от Витгенштейна оказывается не столь значительной, как кажется на первый взгляд. Прежде всего, английский философ сохраняет общую эпистемологическую мотивацию разрабатываемых им доктрин. Особенно это проявляется в аргументации в пользу введения фактов, как особого рода сущностей. Этому же интересу подчинена и разрабатываемая Расселом новая теория суждения, что характерно для работы «О пропозициях». Онтологические соображения не позволяют ему отказаться и от теории типов. В целом он идёт совершенно особым путём, сохраняя общие эпистемологические и онтологические предпосылки своего понимания формальной логики. Меньше всего Рассел учитывает критику первой из указанных выше детерминаций его творчества. Он стремится лишь к новому обоснованию, но никогда не идёт по пути радикальной переинтерпретации. Философия логики всё равно остаётся лишь следствием теории познания и онтологии. В этом отношении весьма примечательным выглядит замечание Ф.Рамсея, более верного продолжателя Витгенштейна, который в письме (1924г.) к последнему, характеризующему эволюцию взглядов Рассела в конце 10-х – начале 20-х годов, писал: «Несколько недель назад я посетил Рассела... Фундаментальных изменений не произошло, в точности как оно и следовало ожидать. Я почувствовал, что он стал слишком стар: каждое отдельное замечание он, по-видимому, понимает и говорит 'да', но это не впечатляет, так как 3 минуты

¹ Там же. С.135.

спустя он продолжает в старом духе. Из всей вашей работы он, по-видимому, принял только одно: бессмысленно помещать прилагательное туда, где должно быть существительное, что способствует его теории типов¹. Замечание проинципательного Ф.Рамсея кажется ещё более интересным, если учесть, что к этому времени уже давно вышло основное произведение Витгенштейна данного периода «Логико-философский трактат» (1921г.). Несмотря на то, что Рассел постоянно подчёркивает зависимость своих взглядов от взглядов своего ученика, на самом деле он мало у него заимствовал, да и то, что заимствовал, по свидетельству Витгенштейна, понял не адекватно. Особенно очевидно различия двух позиций проявляются при сравнении «Логико-философского трактата» и «Логического атомизма». Несмотря на общность истоков, они, по существу, выдвигают и обосновывают две разные программы. Для Рассела логика – это метод, но этот метод эпистемологически и онтологически мотивирован. Знаковая структура определяет систему описания, но совокупность примитивных значений задаётся онтологией и гносеологией. Они ставят предел анализа и зависят от общих философских предпочтений. Логика здесь имеет вторичный характер. Данному проекту философии логики английский мыслитель останется верен всегда.

Иное дело проект Витгенштейна. Его подход основан на полной переориентации задачи философии, которая более не рассматривается как теория, подобная науке, в том смысле, что она не является совокупностью предложений, высказывающих нечто о мире и являющихся истинными или ложными. Цель философии – указать границы осмысленности, границы выразимости смысла в языке, внутренней логики того, что говорится о мире. Философия – это деятельность по прояснению мыслей. Поскольку методом такой деятельности является логика, она не может быть вписана в доктринальные рамки онтологии и теории познания. Наоборот, понимание последних есть следствие, затребованное спецификой логического анализа. Представление об автономии логики является основным достижением Витгенштейна. Сформулировав в «Дневниках 1914-1916» основной принцип философии логики: «Логика должна заботиться о себе сама»² и последовательно эксплицировав его в «Логико-философском трактате», Витгенштейн заложил совершенно новые принципы исследования своеобразия аналитического знания. Он выводит формальную логику из-под начала онтологии и теории познания, считая, что при прояснении её основных понятий необходимо отталкиваться исключительно от особенностей её символического языка. Логика как исследование универсальных возможностей осмысленных утверждений не может быть фундирована никакой онтологией, как раз наоборот, поскольку именно логика устанавливает критерий осмысленности, любая онтология есть следствие логического прояснения возможных взаимосвязей структур описания. Как универсальный метод прояснения мыслей, логика не может зависеть и ни от какой эпистемологии, поскольку теория познания рассматривается лишь как частная философская дисциплина. Отсюда вытекают все особенности взглядов Витгенштейна: различие сказанного и показанного, производная от логики высказываний онтология, внеличностное представление мира и т.д.

Однако, несмотря на все различия, оба подхода в частности могут служить взаимному прояснению точек зрения двух мыслителей, если не забывать о фундаментальном различии их исследовательских установок.

¹ Letters by F.P.Ramsey // Wittgenstein L. Letters to C.K.Ogden.- Oxford: Basil Blackwell, 1973.- P.84.

² Витгенштейн Л. Дневники 1914-1918 ... С.17.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ ЛОГИЧЕСКОГО АТОМИЗМА (1918)

I.	Факты и пропозиции	3
II.	Индивиды, предикаты и отношения	15
III.	Атомарные и молекулярные пропозиции	29
IV.	Пропозиции и факты более чем с одним глаголом; убеждения и т.д.	41
V.	Общие пропозиции и существование	53
VI.	Дескрипции и неполные символы	67
VII.	Теория типов и символизм; классы	80
VIII.	Экскурс в метафизику: что это такое	95

О ПРОПОЗИЦИЯХ: ЧТО ОНИ СОБОЙ ПРЕДСТАВЛЯЮТ И КАКИМ ОБРАЗОМ ОБОЗНАЧАЮТ (1919)

I.	Структура фактов	109
II.	Значение образов и слов	114
III.	Пропозиции и убеждение	129
IV.	Истинность и ложность	139

ЛОГИЧЕСКИЙ АТОМИЗМ (1924): 146

ЛОГИКА И ОНТОЛОГИЯ (1957). 168

Комментарии 175

В.А.Суровцев. Логический атомизм: источники и перспективы одной коллизии 180

Бертран Рассел

**ФИЛОСОФИЯ
ЛОГИЧЕСКОГО
АТОМИЗМА**

библиотека

напитической

